

Мир
глазами россиян

Юго-Восточная Азия

Ольга Александровна
Щербатова

О.А. Щербатова

В СТРАНЕ ВУЛКАНОВ

Путевые заметки на Яве 1893 года

С географическим,
историческим
и политическим обзором
Малайского архипелага и Явы
Княгини О.А. Щербатовой
автора «По Индии и Цейлону»

Москва
Минувшее
Архивариус
2009

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Редакционный совет «Мир глазами россиян»

Е.М. Примаков, академик РАН — председатель

Н.А. Симония, академик РАН

А.М. Васильев, чл.-корр. РАН

В.М. Давыдов, чл.-корр. РАН

В.В. Наушкин, доктор исторических наук

М.С. Мейер, доктор исторических наук

М.В. Курицын, академик РАН

Е.М. Русаков, кандидат исторических наук

В.В. Савицкий, кандидат экономических наук

Ответственный редактор серии

Е.М. Русаков

Редакционная коллегия по Юго-Восточной Азии

А.Ю. Другов, доктор политических наук

М.В. Курицын

А.А. Рогожин, доктор исторических наук

В.В. Сумский, доктор исторических наук

Научный редактор

А.Ю. Другов

© Вступительная статья А.Ю. Другов, В.В. Савицкий, 2009

© Примечания, комментарии, именной указатель,
указатель географических названий А.Ю. Другов,
Е.М. Русаков, 2009

© К.А. Зубченко, оформление, 2009

© Минувшее, 2009

© Архивариус, 2009

Предисловие

Писать вводное слово к путевым запискам княгини Ольги Александровны Щербатовой «В стране вулканов» о ее путешествии по острову Ява в 1893 году — дело по-своему нелегкое. Понимая, что будущему читателю почти или вовсе ничего не известно об этом экзотическом крае, предусмотрительная путешественница дала себе труд изучить ряд капитальных работ о Малайском архипелаге и предпослала собственным запискам обстоятельный очерк истории, географических и природных условий, административного и политического устройства той страны, которая в годы колониального господства официально называлась Нидерландской Индией, а 17 августа 1945 года стала независимым государством — Республикой Индонезией, ныне с четвертым по численности населением в мире (свыше 220 миллионов человек).

Благодаря этому очерку достоянием наших соотечественников в конце XIX века стали многие ранее неизвестные сведения о национальном характере людей, населяющих архипелаг и его главный остров Яву, и многие нюансы отношений между голландской администрацией колонии и подданными «Ее Нидерландского Величества» на Малайском архипелаге.

Отчасти почерпнутые из иностранных источников, отчасти, видимо, полученные из бесед с колониальными чиновниками, эти сведения о системе управления колонией и характерные черточки местного политического обихода представляют интерес и в наше время, воссоздавая весьма существенные черты колорита колониальной эпохи в истории Индонезии.

Ольга Александровна таким образом вооружила современников и нынешнего читателя достаточными знаниями, чтобы следовать за ней по дорогам Явы и делиться своими впечатлениями и о природе этих мест, и о встречах с самыми различными людьми. Заметим, что русская княгиня усердно изучала малайский язык и, хотя и не без некоторых трудностей, особенно поначалу, могла общаться с местным населением.

В нелегкое по тем временам путешествие по Яве Ольга Александровна пустилась вместе с мужем — князем Александром Григорьевичем (в записках супруги он фигурирует под инициалом «С.»). Их фамилию мы можем встретить в любом сколько-нибудь обстоятельном источнике по истории дореволюционной России, ее носили министры, губернаторы, тайные советники, высокие придворные чины. Александр Григорьевич Щербатов родился в 1850 году. Окончил Петербургский университет. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—78 годов в качестве уполномоченного Красного Креста, за что был награжден орденом Святого Владимира IV степени — наградой по тем временам достаточно почетной, несмотря на малую степень. В 1888—91 годах он был предводителем дворянства Рузского уезда Московской губернии, в 1891 году — уполномоченным по общественным работам в связи с борьбой с голодом в Самарской губернии, а с 1892 года — председателем Императорского Московского общества сельского хозяйства. В 1899 году удостоен придворного звания «камергер», а в 1904 году назначен главноуполномоченным Красного Креста на русско-японской войне. Скончался Александр Григорьевич в 1915 году.

Ольга Александровна (родилась в 1857 году) сочетала в себе кровь двух знаменитейших российских династий — Строгановых и Васильчиковых. В Петербурге на Невском проспекте и поныне красуется великолепный дворец, где прошло ее детство.

Вместе с мужем она совершила несколько путешествий, в результате которых появились на свет ее книги «По Индии и Цейлону» и «Верхом на родину бедуинов в поисках кровных арабских лошадей». Предлагаемая ныне вниманию современного российского читателя книга «В стране вулканов» вышла, таким образом, из-под пера опытной путешественницы и не менее опытного автора. О.А. Щербатова была наделена художественным стилем, и некоторые ее описания путевых впечатлений вызывают в памяти опубликованные несколькими десятилетиями раньше путевые записки И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада» с их простой и изысканной манерой изложения.

Ольга Александровна скончалась в июле 1944 года в Париже, где она жила в эмиграции, будучи пенсионером «Русского дома». Почти до самого конца с ней рядом была ее верная Серафима, которую она упоминает на страницах книги.

Повторим, путешествие по Яве было не из легких, несмотря на сравнительно молодой возраст супругов, и то, что они избрали уже в третий раз подобный маршрут, делает честь их уму и любознательности. И когда Ольга Александровна упоминает, что в один из дней они пробыли в пути 12 часов, из которых 10 часов — в седле, то у людей, знающих не понаслышке, что такое солнце и влажность в тропиках, возникает представление о сиятельной чете, далекое от тривиального образа изнеженных и сибаритствующих аристократов. Автор чрезвычайно скрупулезна в своих описаниях: если она пишет о растительнос-

ти, то рядом с художественным изображением цветов и деревьев почти везде указаны их латинские названия, высота места дается с точностью до одного фута, водоизмещение корабля — до одной тонны, а о ста́тьях местных лошадей она говорит с ощутимым знанием дела. Это бережное отношение к фактам придает запискам О.А. Щербатовой особую ценность в глазах специалистов и всех читателей.

Однако некоторые места в книге нуждаются в комментариях. Это прежде всего касается тех оценок, которые Ольга Александровна дает методам и результатам голландского колониального правления в Нидерландской Индии. Когда она в заключительных словах своей книги воздает хвалу «благосостоянию и довольству жителей прекрасной Явы под симпатичным управлением голландцев», то эта пастораль звучит диссонансом с ею же самой описанными отношениями между «туземным» населением и белыми господами. Русскую аристократку не шокирует то обстоятельство, что местные жители обязаны приседать при встрече с белыми людьми — ей это кажется «прекомичным». Но вспомним, что в самой России едва минуло тридцать лет после отмены крепостного права, и наверняка в домашнем быту княгиню окружали либо ее бывшие крепостные, либо их дети. Сословный инстинкт Ольги Александровны явно чувствуется в ее отношении к подданным Нидерландской короны.

Автор с полным доверием повторяет панегирики в адрес введенной голландцами в 1830 году системы принудительного возделывания экспортных сельскохозяйственных культур. На деле эта система принесла метрополии 900 миллионов гульденов прибыли, а крестьянам Явы — голод и обнищание, и в 1860-х годах именно по причине ее губительности от нее пришлось отказаться. К сожалению, в перечне источников, использованных О.А. Щербатовой, нет книги, написанной в те годы голландским автором Э.Д. Деккером «Макс Хавелаар, или кофейные аукционы Нидерландского торгового общества». Он выпустил ее в свет как раз в 1860 году под псевдонимом Мультадули (Многострадальный) и с беспощадной откровенностью описал подлинные отношения между коренными жителями колонии и колониальными властями. В книгах по истории Нидерландской Индии, которые прочла Ольга Александровна, наверняка упоминалось и о том, что практически вся колониальная история Инсулинды (островной Индии) была отмечена почти непрерывными восстаниями населения против чужеземцев. Даже в то время, когда супруги Щербатовы путешествовали по Яве, в Аче, на севере Суматры, колониальная армия вела кровопролитные бои против непокорившихся народностей.

Интересные и наводящие на многие размышления наблюдения О.А. Щербатовой относятся к культурной политике Нидерландов в колонии. Она с полным основанием пишет о том, что «голландцы, предаваясь своим колонизаторским инстинктам, никогда не проявляли ни малейших поползновений разрушать все встречавшееся им на пути и

резко изменять существующий порядок или заменять его новым». Они «предпочитали пользоваться прежними правителями и сохранять местные обычаи, применяя их в пользу себе». Отметим это наблюдение как весьма ценное объективное свидетельство того, что консервация традиционной архаики (весьма экзотичной в глазах путешественников, но с определенного исторического момента вредоносной для развития нации) была сознательной и своекорыстной политикой метрополии, так же, как и сохранение невежества. Из цифр, приведенных Ольгой Александровной, следует, что на обучение одного европейского школьника в Нидерландской Индии затрачивалось примерно 160 гульденов в год, а одного «туземного» ученика только 32 гульдена, т.е. в пять раз меньше, хотя и эта «урезанная» форма образования была доступна лишь немногим.

Как и многие другие авторы, писавшие и пишущие об Индонезии, а ранее о Нидерландской Индии, О.А. Щербатова отмечает синкретизм религиозных воззрений жителей Явы (в нашей стране она в этом смысле была едва ли не первой). Скорее всего, ее впечатления были в основном почерпнуты из иностранных источников — для собственных наблюдений у нее попросту не было реальных возможностей. Она пишет, что «влияние магометанства (в Нидерландской Индии — А.Д.) самое поверхностное и религия эта не укоренилась, по-видимому, в сердцах яванцев. Лучшим доказательством холодности их в деле религии служит отсутствие всякой ненависти к европейцам как к неверующим (подчеркнуто О.А. Щербатовой)». Действительно, религиозная нетерпимость в ее чистом виде несвойственна большинству этносов Индонезии, хотя до 90 процентов населения исповедуют ислам, в том числе и на Яве. Надо полагать, что автор усмотрела существенную разницу между ситуацией в Нидерландской Индии и на Арабском Востоке, где они с мухом до этого побывали.

Но положение коренным образом меняется, когда иноверец выступает в роли угнетателя, эксплуататора или просто оскорбителя. В этом случае мусульманин в религиозных канонах и в религиозной морали ищет справедливости, подтверждения неправоты своего противника и, наконец, подтверждения своего права на отмщение. И тогда дихотомия «правый — виноватый» переводится в плоскость «правоверный — неверный» и происходит всплеск религиозного фанатизма, часто несоизмеримый с повседневной ролью религии в жизни того или иного индивида или этноса. (Принято считать, что на Яве не более трети верующих мусульман выполняют все без исключения требования шариата.) Примечательно в этой связи, что ни автохтонные верования, ни сохранившиеся существенные элементы индуистской культуры, ни тем более завезенное колонизаторами христианство никогда не выступали в качестве духовного оформления антиколониальной борьбы (исключение составили индуисты на острове Бали). Под знаменами же ислама индонезийцы не раз выступали против колонизаторов.

«Жизнь протекает беззаботно,— пишет Ольга Александровна,— в стране, где холод, голод и засуха неизвестны. Пища им доставляется всегда удачными посевами риса и множеством плодов, даруемых им круглый год самой природой, почти без всякого с их стороны труда... патриархальное управление голландцев не обременяет их ни излишними налогами, ни работами, поэтому неудивительно, что при таких обстоятельствах они относятся беспечно ко всему в жизни».

Наверное, наша соотечественница была не первой и уж во всяком случае не последней, кто полагал, что роскошная природа влажных тропиков дарит свои плоды человеку без всякого с его стороны труда, хотя в одном месте она мельком говорит о трудолюбии яванцев. Но даже в ее описании возделывание риса — это тяжелый, кропотливый повседневный труд «от зари до зари» на 35-градусной жаре. Холодов индонезийский крестьянин и впрямь не знает, по крайней мере, в нашем понимании этого слова, а вот засуха и, как ее последствие,— голод — поражают острова архипелага отнюдь не редко. Что же касается «патриархального управления» голландцев, то как раз к концу XIX века нарастает процесс обезземеливания крестьян, в частности, за счет перехода лучших земель крупным плантациям, падает производство риса при росте объема экспортных культур.

Думается далее, что европеец, попавший на тропические острова, порой смешивает два понятия — трудолюбие и темперамент. Экваториальный климат располагает к неторопливости, некоторой замедленности в движениях, иначе здесь быстро выбьешься из сил. Медлительность населения стран тропического пояса отнюдь не есть или, во всяком случае, далеко не всегда есть лень. Вместе с тем, справедливо и другое: нельзя отрицать, что запросы людей, их жизненные цели, требовательность к количеству и качеству материальных благ, представление о соотношении материального и духовного действительно существенно отличаются от психологии носителей европейской культуры. В значительной мере это определяется сдерживающим влиянием, которое оказало на развитие индонезийского общества голландское колониальное правление, но списывать все трудности развития только за счет этого фактора значило бы грешить против истины.

Не можем отказать себе в удовольствии привести еще одну пространный выдержку из записок О.А. Щербатовой, где она говорит «об услужливости и вежливости яванцев, всегда готовых отложить свое личное дело, чтобы прийти на помощь другим, черта характера тем более удивительная в неразвитом простом туземце, что она встречается лишь в виде исключения даже между цивилизованными нациями». Конечно, за минувшие сто с лишним лет многое изменилось в Индонезии, как изменились и сами ее жители, но изначальная доброжелательность и готовность прийти на помощь, способность помнить добро остаются чертами национального характера. Что же касается «неразвитости» яванцев, то немного найдется этносов, которым была бы присуща

ща столь сложная и изощренная система представлений об окружающем мире и месте, которое занимает человек вообще и данный индивид, в частности, в этом мире, о связи человека с окружающей средой и о всеобщей гармонии как одной из высших целей и способах ее достижения.

Ольга Александровна именует всех коренных жителей Нидерландской Индии малайцами, как и многие другие авторы, писавшие об этой стране в то время. Отчасти это объясняется тем, что речь шла о населении Малайского архипелага, отчасти тем, что именно малайский язык стал средством межэтнического общения на архипелаге. Но, строго говоря, малайцы как этнос составляют лишь сравнительно небольшую часть населения прежней Нидерландской Индии и нынешней Индонезии (менее шести процентов).

При подготовке книги к переизданию полностью сохранен литературный стиль автора, характерный для языка образованных кругов в России конца XIX века. Уточнения коснулись только орфографии и знаков препинания, да и то не везде: сохранены некоторые случаи «экзотического» словоупотребления (например, «джунгл» вместо «джунгли»), а также написания личных имен, географических названий и заимствований из малайского языка (последние иногда грешат неточностями). Постраничные сноски и комментарии принадлежат как автору, что оговаривается в каждом случае, так и редакции.

А.Ю. Другов, доктор политических наук.

Глава I

Малайский архипелаг, в состав которого входит Ява,— цель нашего путешествия, находится всецело вне района стран, посещаемых большинством туристов; вследствие чего он до сих пор сравнительно малоизвестен, и весьма немногие отдают себе ясный отчет и о громадном пространстве, занимаемом этим архипелагом, и о богатстве его флоры, своеобразии его жителей, их нравов, обычаев и проч. Между тем Малайский архипелаг, по своему объему, равняется некоторым материкам, а многие из его островов, каждый в отдельности, больше Франции или Австрии.

«Расположенная на экваторе и омываемая теплыми водами тропических океанов, эта часть мира имеет более равномерно жаркий и сырой климат, чем какая-либо другая часть земного шара, и изобилует натуральными произведениями, неизвестными в иных странах. Богатейшие плоды и драгоценнейшие пряности природны ей. Она производит гигантские цветы *Rafflesia*, великие зелено-крылатые *Ornithoptera* (царица между породами бабочек), человекообразных оранг-утангов* и роскошных райских птиц. Она населена своеобразной и интересной расой людей — малайцами**, не встречающимися нигде за пределами этого архипелага, названного поэтому Малайским»***.

Уоллес****, по данным, основанным большею частию на рас-

* Орангутан, что по-малайски означает «лесной человек».

** Население Малайского архипелага насчитывает более 360 народностей и этнических групп. Собственно малайцы представляют собой лишь один из этносов, причем не самый многочисленный.

*** Автор взяла абзац в кавычки: по-видимому, это цитата из книги А.Р. Уоллеса «Малайский архипелаг» (*The Malay Archipelago* by A.R. Wallace).

**** Уоллес, Алфред Рассел (1823—1913) — английский естествоиспытатель.

пределении животного царства, считает входящим в состав Малайского архипелага: Малайский полуостров*, Филиппинские острова на севере, Никобарские на западе и Соломоновские** на востоке. Все большие острова, включенные в эти пределы, соединенные между собою неисчислимыми мелкими островками, так что, по-видимому, ни один из них не изолирован от других. Все имеют ровный и очень схожий между собою климат и все покрыты роскошной лесной растительностью, производя, таким образом, впечатление одного неразделенного целого, все части которого тесно связаны между собою.

Тот же автор первый доказал, что Малайский архипелаг, по причинам, изложенным ниже, может быть разделен на две почти равные по пространству части, явственно рознящиеся друг от друга в естественных произведениях и действительно принадлежащие двум различным первобытным подразделениям земли. В состав одной, названной Индо-Малайской, входят: Малайский полуостров, Суматра, Ява, Борнео***, Филиппинские острова и междулежащие мелкие островки; в состав другой — Целебес****, Новая Гвинея, Ломбок, Тимор и проч. острова. Подразделение это основывается на различии в глубине окружающих морей и на контрастах: геологических, растительных, естественных произведений и человеческих рас.

Различие в глубине морей. — Еще в 1846 году г-ном Виндзор-Ерлом было указано на то, что чрезвычайно мелкое море соединяет большие острова Суматру, Яву и Борнео с азиатским материком, с которым они в общих чертах сходятся и по естественным произведениям. За пределами этих островов начинаются океанские бездны, простирающиеся до берегов Австралии. Подобные же морские пропасти окружают всю Австро-Малайскую часть архипелага и только между Новою Гвинеей и Австралией простирается более мелкое море; эта же часть характеризуется присутствием мешконосных пород животных.

Геологические контрасты. — Один из главных вулканических поясов земного шара проходит через весь архипелаг, производя разительные контрасты в пейзажах вулканических и невулканических островов. Изогнутая линия, отмеченная десятками действующих и сотнями потухших вулканов, ясно выделяется на всем протяжении островов Суматры, Явы, Банды, Амбойны,

* Современное название — полуостров Малакка.

** Соломоновы острова.

*** Современное название, принятое гл. обр. в Индонезии, — остров Калимантан.

**** Современное название — остров Сулавеси.

Батчиана, Тидора и Джилоло до острова Морти*. Здесь происходит легкий, но наглядный перерыв, приблизительно в 200 миль к западу, откуда на севере Целебеса, вулканический пояс возобновляется и тянется до северной оконечности Филиппинских островов. От крайнего восточного изгиба этого пояса на островах Банда простирается на 1000 миль невулканическая область, после которой в Новой Гвинее другой вулканический пояс берет свое начало и проходит через Новую Британию, Новую Ирландию** и Соломонские острова до восточных пределов архипелага.

На всем пространстве, занимаемом вышесказанным рядом огнедышащих гор, землетрясения самое обычное явление: легкие сотрясения повторяются в промежутке нескольких недель или месяцев, а более сильные, действующие опустошительно на целые селения и нередко сопровождаемые человеческими жертвами, случаются почти ежегодно в той или другой части архипелага. Извержения же вулканов до того часты и страшны своими последствиями, что рассказы о них наполнили бы целую книгу.

По всей этой громадной линии вулканов заметны, более или менее осязательно, следы повышения и оседания земли. Цепь островов к югу от Суматры, часть южного побережья Явы, острова к востоку от нее, часть Тимора, Молуккских островов и др. состоят в значительной степени из приподнятых коралловых скал одинакового происхождения с теми, которые образуются и теперь в соседних морях. Уоллес говорит, что во многих местах, где он делал наблюдения над поверхностью каменных гряд, свежий вид раковин всегда поражал его, так как по их наружности можно было бы заключить, что они выступили из-под воды лишь за несколько лет назад. В действительности, весьма вероятно, что эти образования состоялись в течение последних столетий.

Соединенная длина вулканических поясов приблизительно в 90 градусов или около четверти всего диаметра земного шара; ширина же их около 50 миль, но на расстоянии двухсот миль, в каждую сторону от них, заметно их действие, проявляющееся приподнятыми недавно коралловыми скалами и также недавно осевшими рифами. В самом центре или фокусе наибольшего изгиба вулканического пояса находится остров Борнео, на котором не найдены до сих пор никакие признаки современной вулканической деятельности и где землетрясения, столь характерные для окружающих стран, вовсе неизвестны. Остров Новая Гвинея, Малайский полуостров и Целебес, за исключени-

* Современное написание — Амбон Бачан, Тидоре, Джайлоло и Моротай.

** Вулканические о-ва в Тихом ок. в архипелаге Бисмарка.

ем северной его оконечности, находятся тоже вне района вулканических проявлений.

Ввиду всего вышесказанного, как справедливо замечает Уоллес, было бы естественно подразделить архипелаг на вулканические и невулканические страны и можно было бы ожидать, что подобное подразделение соответствовало бы некоторым различиям в характере растительности и фауны. Оно действительно так, но только в весьма ограниченных размерах, так как, несмотря на громадное развитие подземных огненных сил, нагромоздившее цепи гор в десять или двенадцать тысяч футов* вышины, расторгнувшее материки и воздвигнувшее острова из океана, оно обладает всеми свойствами недавнего действия, не успевшего еще изгладить следы более древнего распределения воды и суши.

Растительные контрасты. — Вполне естественно, что расположенные непосредственно на экваторе и окруженные обширными океанами различные острова архипелага почти всегда покрыты от уровня моря до вершин высочайших гор богатой лесной растительностью. Это общее правило. Единственное исключение составляют остров Тимор и окружающие его мелкие островки, которые не имеют вовсе таких лесов, какие существуют на других островах. На Тиморе преобладают столь типичные для Австралии эвкалиптусы**, а также сандаловые деревья, акации и, в меньшем количестве, другие разновидности; все они хотя и разбросанные повсюду более или менее густо, численностью своею не достигают размеров лесов.

Различие в видах органической жизни. — Чтобы понять всю важность этого разряда фактов и его отношений к прежнему распределению воды и суши, необходимо ознакомиться с выводами, к которым пришли геологи и естествоиспытатели в других частях света. Всеми признано теперь, что, во-первых, нынешнее распределение живых существ на земном шаре является, главным образом, результатом последнего ряда происшедших в нем изменений. Во-вторых, из геологии мы узнаем, что поверхность земли и распределение воды и суши повсюду медленно изменяется даже и в настоящее время; та же наука учит нас и тому, что органические виды, населяющие эту поверхность, одинаково подвергались постепенным переменам в продолжение всех известных нам периодов. Было бы излишне говорить что-либо о том, как те или другие перемены произошли; касательно этого вопроса могут быть разногласия, но все мнения сходятся в том, что с самых ранних геологических эпох и до нынешнего дня подобные изменения действительно проис-

* 1 фут = 30,48 см.

** Эвкалипты.

ходили и до сих пор происходят. Итак, если считать эти два положения доказанными, то к ним может быть непосредственно отнесена большая часть теперешних особенностей и аномалий распределения видов растительного и животного царства.

Англия отделена от материка весьма мелким морем и, с незначительными исключениями, все ее четвероногие, птицы, насекомые и растения встречаются и в Европе. Корсика и Сардиния, отделенные от Италии гораздо более глубоким морем, рознясь с последней очень существенно в органических формах. Между Кубой и Юкатаном* морской канал еще глубже и шире и различия между ними несравненно разительнее, так что многие растения и животные Кубы свойственны только ей. Отделенный от Африки глубоким проливом в триста миль ширины Мадагаскар отличается совершенно своеобразными чертами, несомненно указывающими на глубокую древность, в которую он был отторжен от материка, и заставляющими даже сомневаться в возможности абсолютного когда-либо соединения этой страны.

Большинство натуралистов допускает теперь, что эти факты могут быть объяснены лишь большим или меньшим временем, истекшим после возникновения островов из океана или после отделения их от ближайшей земли, причем указанием в том или другом случае служит вообще (хотя не всегда) глубина промежуточного моря.

Возвращаясь к Малайскому архипелагу, мы находим, что все значительное пространство моря, отделяющее Суматру, Борнео и Яву друг от друга и от Малакки и Сиама, настолько мелко, что суда могут стать на якорь в любой части его, так как оно редко превышает тридцать шесть саженей глубины. Если поэтому эти острова были разъединены один от другого и от материка оседанием межлежащих пространств земли, то мы ввиду небольшой глубины, на которую осела земля, заключаем, что расторжение произошло сравнительно недавно. Следует также заметить, что в гигантской цепи вулканов Суматры и Явы мы находим достаточно причин для объяснения такого оседания — громадное количество выбрасываемых ими веществ весьма вероятно разрушает основы окружающей местности.

Но изучение естественной истории этих стран снабжает нас наиболее вескими доказательствами того, что эти обширные острова должны были когда-то входить в состав материка и могли быть отделены только в весьма недавнюю геологическую эпоху. Слоны и тапир Суматры и Борнео, носорог Суматры и родственные ему виды носорогов на Яве, дикий скот Борнео и порода скота, так долго считавшаяся свойственной только Яве, как известно теперь, населяют ту или другую часть Южной Азии. Ни одно из этих

* Пов Юкатан расположен на юго-востоке Мексики, с Кубой его разделяет Юкатанский пролив.

крупных животных не могло никоим образом перейти через морские проливы, разделяющие в настоящее время эти страны, и их присутствие явно указывает на то, что должно было существовать сообщение по суше до возникновения их в той или другой местности. Из меньших млекопитающих значительная часть одинаково имеется как и на каждом острове архипелага, так и на материке Азии. Птицы и насекомые подтверждают вышеприведенное мнение, так как всякое семейство и почти каждый род находимые на каком-либо острове, имеют представителей своих и на Азиатском материке. Птицы служат лучшим признаком для определения правильности распределения согласно известным естественным законам; хотя на первый взгляд кажется, что водные границы, удерживающие четвероногих, не должны были бы представлять препятствий для птиц, но на деле выходит не так и, исключая водяных перелетных пород, местонахождение остальных так же строго ограничивается проливами и рукавами морей, как и четвероногих. Из островов, о которых мы говорим, наиболее убедительный пример Явы, отличающейся тем, что она обладает многими птицами, никогда не переходящими на Суматру, хотя их разделяет пролив, имеющий лишь пятнадцать миль ширины и по которому разбросаны другие мелкие островки.

Общий результат, к которому мы таким образом приходим, тот, что острова Ява, Суматра и Борнео схожи по своим естественным произведениям со смежными частями материка почти настолько же, насколько это возможно для отдельных частей столь большого материка, как Азия, даже если бы они не были отделены от него морем. Это близкое сходство в связи с фактом, что морское пространство, их отделяющее, обладает такой равномерной и незначительной глубиной и, наконец, существование обширной цепи вулканов, которые, выкинув огромное количество подземных веществ и создав обширное плоскогорье и высокие горные хребты, дают нам истинную причину одновременного оседания почвы, — все указывает, несомненно, на то, что в весьма недавнюю геологическую эпоху Азиатский материк простирался далеко за теперешние свои пределы к юго-востоку, включая о-ва Яву, Борнео и Суматру и доходя, вероятно, до нынешней линии 86 — саженой глубины моря.

Переходя затем к остальной части архипелага, мы увидим, что все острова на восток от Целебеса и Ломбока имеют столь же сходства с Австралией и Новою Гвинеею, сколько западные с Азией. Всем известно, что фауна и флора Австралии отличаются от азиатских более, чем таковые же которой-либо из четырех главных частей света между собою. Фауна Австралии оригинальна: она не имеет ни обезьян, ни кошек, ни тигров, волков, медведей или гиен, а также оленей или антилоп, овец и рогатого

скота, ни слонов, лошадей, белок или кроликов, словом, ни одного из тех знакомых типов четвероногих, которые встречаются во всех остальных частях света. Взамен этих она обладает только мешконосными породами* животных — кенгуру и опоссумами. Птицы ее почти столь же своеобразны. Вместо существующих во всем мире дятлов и фазанов, которых у нее нет, ей природны *какатуи*** , щетковатые индейки, медовые кукушки, щеткоязычные *лофи****, вовсе неизвестные в каких бы то ни было других странах. Все эти разительные особенности присущи и островам, входящим в состав Австро-Малайского подразделения архипелага.

Большой контраст между двумя подразделениями архипелага нигде так резко не сказывается, как при переходе с о-ва Бали на о-в Ломбок. В Бали есть дрозды, дятлы и иволги; переходя же в Ломбок, последних более не видно и их заменяют какатуи, медовые кукушки, щетковатые индейки и др. Пролит здесь всего в пятнадцать миль ширины; причем глубина его у Бали в сорок две сажени, а у берегов Ломбока в восемьдесят пять саженей: таким образом в два часа времени можно перейти от одного великого подразделения земли к другому, разнящегося своей животной жизнью настолько же, насколько Европа разнится от Америки.

Вышеприведенные факты убеждают нас в том, что все острова на восток от Явы и Борнео, исключая, может быть, Целебеса, по происхождению своему суть составные части прежнего Австралийского или Тихоокеанского материка, хотя весьма сомнительно, чтобы они когда-либо были соединены с ним. Этот материк, по всем вероятностям, был раздроблен не только раньше, чем западные острова отделились от Азии, но должно быть раньше даже, чем крайняя юго-восточная часть Азии выдвинулась из-под вод океана, так как известно, что большая часть Явы и Борнео сравнительно недавней геологической формации.

Различие человеческих рас. — Малайский архипелаг населен двумя вполне различными типами человеческой расы, различающимися между собою как в физическом, так и в умственном и нравственном отношениях. Один из них — малайский населяет Индо-Малайское подразделение архипелага, другой — папуанский**** — Австро-Малайское*****. Проводя линию раздела геогра-

* Семейство сумчатых.

** Какаду.

*** Кистезычный попугай.

**** Папуасский.

***** В настоящее время ученые здесь выделяют этносы, относящиеся к южно-азиатскому (южно-монгольскому) расовому типу (более 96% населения) и к папуасско-меланезийской (аустронезийской) расе.

фического распределения этих рас, мы находим, что она близко соответствует той, которая разделяет и распределение видов органической жизни.

Уоллес полагает, что все народы различных островов могут быть причислены или к малайцам или к папуанцам*, двум видам человечества, не имеющим между собою ни малейшего сходства. Далее он приходит к тому заключению, что малайцы принадлежат к азиатским расам и безусловно континентального происхождения, тогда как папуанские расы совершенно особенного происхождения, с несуществующего в настоящее время материка.

Протяжение архипелага и островов. — Малайский архипелаг имеет более 4000 миль в длину, т.е. с востока на запад и, приблизительно 1300 в ширину, т.е. с севера на юг. Он занимает пространство, равное всей Европе от ее крайнего западного предела и простираясь за ее восточные границы далеко внутрь средней Азии. В состав его входят три острова, каждый больше Великобритании, а в одном из них, — Борнео — не только уместились бы легко все Великобританские острова, но они были бы кроме того окружены еще широкой полосой лесов.

Пространство и население Малайского архипелага**

Владения	Пространство в кв.милях	Население
Голландские	727340	31000000
Английские	166030	971000
Испанские	124130	7000000
Немецкие	72000	110000
Португальские	6300	300000
Итого	1105800	39381000

Острова***	Голландские владения	
	Поверхность в кв. милях	Население
Ява и Мадур	54000	24950589
Суматра	149560	2925000
Целебес		
и мелкие островки	75750	1500000

* Папуасам.

** Автор оперирует так наз. сухопутными милями (1,61 км); соответственно 1 кв. миля равна 2,59 кв.км.

*** Поверхность всех Великобританских островов в 121400 кв. миль; протяжение же Англии 50823 кв. миль с населением в 24613926, Австрии — 115903 кв.мили, население 23895413. (Прим. О.А. Щербатовой).

Новая Гвинея	148000	238000
Борнео	203714	1088252
Молуккские о-ва, Банда и др.	42500	321168
Бали, Ломбок и др.	93816	976991
Итого	727340***	31000000

* Площадь суши современной Индонезии — 1904 тыс. кв. км.

Глава II

ЯВА

С какой бы стороны мы ни рассматривали ее, Ява, бесспорно, наиболее интересный и наизящнейший из всех тропических островов земного шара; несомненно также, что она самый плодородный, самый производительный и самый населенный. Расположенная между $105^{\circ}10'$ и $114^{\circ}34'$ восточной долготы и между $5^{\circ}52'$ и $8^{\circ}46'$ южной широты, она простирается от Сундского пролива* на 1,008 верст к востоку до пролива Бали, имея от 80 до 180 верст ширины; таким образом, хотя по величине только четвертый остров архипелага, она площадью своею превышает Англию. Все это пространство разнообразится великолепными горными и лесными пейзажами.

Береговые линии Явы, омываемые с севера Яванским морем, а с юга Индийским океаном, несмотря на большое их протяжение — в 2,100 верст** длины, страдают полным отсутствием натуральных портов, за исключением Сурабайского, защищенного островом Мадуро. Две горные цепи тянутся во всю длину острова, то приближаясь друг к другу и даже соприкасаясь, то снова расходясь, многочисленные же отроги их спускаются постепенными уступами к берегам. Оба хребта густо усеяны сорока шестью, приблизительно, вулканами, имеющими от 6,000 до 12,000 футов вышины. Ни одна страна в мире не может сравниться с Явой по количеству вулканов; некоторые из них находятся постоянно в действии, а многие проявляют от времени до времени все феномены, свойственные подземным огненным силам. Весь остров, за исключением морского побережья, состоит, таким образом, из гористой

* Зондский пролив.

** 1 верста равна 500 сажням (1,0668 км). 1 сажень — 2,134 м.

местности*, всюду пересеченной живописными долинами, орошаемыми потоками и ручьями и, по большей части, покрытыми чудной тропической растительностью. Любопытную особенность Явы составляет отсутствие озер, встречающихся в небольшом количестве и незначительных размерах только в провинции Черибона**. Геологическое очертание острова, т.е. большая рельефность средней части его представляя всюду водам свободный сток к морю, не благоприятствует образованию озер и бассейнов.

Самая высокая гора Явы — вулкан Семеру, имеющий 12,238 футов вышины; самый же обширный кратер, называемый Дасар, вулкана Тенггер; окружность его в 23 версты. Следующие по высоте вулканы: Сумбинг*** — 10,935 футов, Арджуна — 10,925 футов, Раун — 10,915 футов, Лаву — 10,666 футов и пр. пр.

«Хотя пространство вулканических земель Явы во многом уступает ее наносным наслоениям, но она обязана своим сорока шести главным вулканам с второстепенными меньшими конусами, осадкам лавы и наслоению золы тому своеобразному очертанию, которое составляет одну из главных ее красот: приближаясь к ее берегам, взоры невольно притягиваются этими величественными горами, грациозные облики которых возвышаются над лесами равнин, то освещенные лучами солнца, то точно занавесью задернутые легкими облаками».

Геологические исследования доказали, что в весьма недавнюю эпоху Ява была разделена на несколько островов. Соединению этих островов в один всего более способствовали своими потоками и в особенности своими извержениями вулканы, действие которых всего заметнее с северной стороны, где море сравнительно мельче. Ява и по сих пор продолжает постепенно возвышаться над уровнем моря; во многих местах коралловые рифы выдвинулись из-под воды на 8, 12 и даже 21 аршин****.

Северный склон Явы отличается от южного преобладанием наносных наслоений, образующих местами обширные низины. Вследствие этого системы рек, впадающих в Яванское море, больших размеров и воднее, чем реки, направляющиеся в Индийский океан, ни одна из которых не судоходна. Впрочем и реки южного ската доступны судам только там, где, пролегая по низменным местностям, они были канализированы. Большин-

* По исследованиям Юнгхуна средняя высота Явы — 1640 футов над уровнем моря. (Прим. О.А. Щербатовой).

** Чирибон.

*** Ныне — Сламет.

**** 1 аршин = 71,1 см.

ство *чи* и *кали* (яванское и сунданийское* название рек) постоянно засоряются илистыми наносами; вообще благодаря их быстрому течению и их меняющемуся по времени года характеру, они более полезны для орошения, чем для судоходства. От широкого применения оросительного искусства и богатого свойства вулканической и наносной почвы получаются, главным образом, на Яве те великолепные урожаи, которые дают ей возможность прокармливать более половины населения всего архипелага.

Главная река Явы — Соло, имеющая около 469 верст длины; вторая по значению называется в верхней ее части Брантас, а в нижней — Калимас; европейцами же она прозвана река Сурабая. Протяжение Читарума, у устьев которой расположена Батавия**, — в 230 верст.

Резюмируя все вышесказанное, относительно физической географии Явы, очертание последней представляется в следующем виде: северный ее берег низменный, во многих местах даже болотистый, поросший мангровыми деревьями и различными кустами; южный же, наоборот, состоит почти всецело из ряда скал и утесов, возвышающихся на значительную высоту отвесно над водой. Внутри страны громадные горы тянутся продольно через весь остров; другие, менее высокие и бесчисленные кряжи пригорков разветвляются по всем направлениям, способствуя образованию плоскогорий и долин различных размеров и вышин.

Во всех странах, лежащих на экваторе, где господствует вечное лето, времена года подразделяются не на жаркие и холодные, а на сырые и сухие. На Яве в зависимости от периодических ветров дожди и хорошая погода наступают с неизменной правильностью. Сырое время продолжается от октября до марта, когда дуют западные ветры; сухое же — остальные шесть месяцев, когда преобладает безоблачный восточный муссон. Самые сильные дожди бывают в декабре и январе, а самая сухая погода в июле и августе; причем последние два месяца отличаются наиболее жаркими днями и холодными ночами. Погода становится всего более непостоянной перед окончанием одного сезона и началом другого; но эти перемены не сопровождаются теми ураганами и бурями, какие случаются так часто в Вест-Индии.

Таким образом, главная характеристика климата Явы не столько его жара, сколько его равномерность; во время сырого сезона дождь редко льет целые сутки, а многие дни проходят вовсе без него; утра, по большей части, бывают ясные, и хотя

* Сунданское — по названию народа, населяющего Зап. Яву.

** Ныне — Джакарта.

иногда дождь длится непрерывно несколько дней подряд, но без присущего периодическим дождям Индии свойства постоянства и силы. Сухой сезон также не характеризуется чрезмерной засухой, подобно той, которая составляет отличительную черту жаркого времени года Индии. Даже в июле и августе нередко перепадают дожди, освежающие воздух, так что природа круглый год сохраняет свежесть своей зелени. Средняя годовая температура в Батавии по утрам и вечерам колеблется между 17° и 19° R.^{*}, доходя в полдень до 26° R. В горах же, где европейцы преимущественно живут, средняя температура в 15° – 17° R., опускаясь иногда до 11° R., а на вершине Синдоро случается, что термометр показывает несколько градусов ниже нуля.

Среднее количество осадков за год по наблюдениям, произведенным в течении восьми лет ста метеорологических станциями, равняется девяти-десяти дюймам в год.

По своему положению, среди морей, Ява пользуется морскими и нагорными ветрами, умеряющими в долинах чрезмерную силу солнечных лучей; в средней части острова значительное возвышение ее над уровнем моря понижает постепенно температуру, начиная от морского побережья и простираясь до вершин гор; понижение это равняется 1 – $1\frac{1}{2}^{\circ}$ R. для каждых пятнадцати верст.

В общем, по наблюдениям специалистов, климат Явы, за исключением Батавии и некоторых местностей на северном берегу, весьма здоровый. Доказательством этого служит большой прирост туземного населения, а также и то обстоятельство, что европейцы, всегда сильно страдающие от климата Индии, отражающегося особенно пагубно на детях, отлично выносят продолжительное пребывание на Яве, где и дети растут и развиваются столь же правильно, как и в Европе. Климат же болотистых северных побережий положительно губелен для европейцев, и в этом отношении Батавия наименее здоровое здесь место.

По своей флоре Ява не имеет соперника во всем мире; изобилие влаги, тропическая жара,— все способствует росту и развитию роскошной растительности, которой облечены даже наивысшие горы до самых вершин, тогда как скаты их и низины покрыты густыми лесами и плантациями. Кроме обилия, растительность Явы отличается удивительным разнообразием; в яванской флоре насчитывается до девяти тысяч разновидностей цветущих растений (*Phanerogames*), из которых три тысячи имеют туземные названия, что указывает на замечательную наблюдательность яванцев.

* Температурная шкала Реомюра, один градус равен $\frac{5}{4}$ градуса по Цельсию.

Благодаря многочисленным вулканам, разбросанным по стране, подобно островам среди моря, Ява разнообразит до бесконечности распределение растительных видов. До 2000 футов вышины растут всевозможные пальмы: *аренг** (*Borassus gomutus*), дерево, дающее жителям сахар, напиток вроде водки, листья, называемые «*атап*»** и служащие для покрытия крыш и множество других общеупотребительных предметов; кокосовая пальма, *панданус*, цветы одной разновидности которого — *P. odoratissimus*, очень ценятся туземцами за их пахучесть, банановое дерево*** (*Musa paradisiaca*), природное только Сундским**** островам, два сорта саговой пальмы (*Metroxylon Rumphii*) и пальма *гебанг* (*Corypha*), растущая на низших скатах гор лишь до 500 футов вышины. Кроме этих деревьев на низменных землях процветают также *Aroideae*, *Amaranthaceae*, стручковые растения, ядовитые *Euphorbiaceae*, хлебные деревья (*Artocarpus incisa* и *A. nobilis*) и папая (*Carica papaya*), растущая на всякой почве и дающая плоды, очень ценимые местными жителями. На высоте 1000 футов появляются в значительных количествах папоротники и бамбуки.

Но самая роскошная растительность встречается в промежуточном поясе между двумя и шестью тысячами футов вышины; здесь пальмы, бананы и стручковые растения постепенно исчезают, уступая место фиговым деревьям или варингинов**** (*Ficus sycomorus*), *пасамалам* (*Liquidambar altinyiana*) и *копаловым* деревьям (*Dammar orientalis*), великанам растительного царства, достигающим 150 футов вышины. Этому же поясу принадлежат: красивый травянистый хлопчатник (*Bombax ceiba*), со светло-зеленой, замечательно гладкой корой и совершенно горизонтально растущими ветвями, орхидеи самых удивительных форм, *Loranthaceae* и род *Melanostomaceae*, особенно богатый числом своих разновидностей, вместе с неисчислимыми породами папоротников. В лесах почва не вмещает всех растений, теснящихся на ней: каждый ствол покрыт эпифитами*****, лианами и вьющимися растениями, связывающими ветви друг с другом, выступающими из-за крон деревьев и образующими как бы второй

* *Аренг* растет и до 4500 ф. (Прим. О.А. Щербатовой).

** Слово «*атап*» по-малайски означает «крыша».

*** Банан относится к роду многолетних трав.

**** Современное название — Зондские (Большие и Малые) острова.

***** *Варингин* (*бефингин*) за пределами Индонезии известен как один из видов *баньяна* — фикуса семейства туговых; дерево до 30 м высотой с воздушными корнями во многих районах Индонезии почитается священным.

***** Эпифиты — автотрофные растения, не имеющие связи с почвой. Селятся на стволах и ветвях других растений.

лес, возвышающий над первым. Пальмы — лианы или *раттанги** (*Calamus*) свешиваются с вершин лесных гигантов, перебрасываются с одного на другого, вытягиваясь иногда на триста и более футов в длину и сплетая весь лес в такую непроходимую чашу, что без топора невозможно в нее проникнуть**. По всей земле стелятся цветущие бегонии, *сладжинеллы*, *каладиумы*, *маранты*, *дидимокарпусы* и роскошные мхи.

Чем выше, тем растительность делается более схожей с европейской: вперемежку с вышеназванными разновидностями показываются дубы, клены и каштаны. На этой же высоте впервые видны *казуары* (*Casuarina littoralis*), образующие на скалах Тенггера целые леса.

Выше шести тысяч футов лесные чащи состоят преимущественно из кустарников и низкоствольных растений: миртов, акаций, жимолостей, рододендронов, *гнафалиум* и *аганетес* (сорт *Ericae*). Далее, а именно на 8,000 и более футов, европейские виды становятся еще многочисленнее: примулы (*Primula imperialis*), фиалки, ландыши, *лобелии*, *дигиталисы*, *лоницеры*, негниючки (*Thuja*) и множество других почти вытесняют своих собратьев тропиков.

Одна из наиболее любопытных особенностей яванской флоры состоит в произрастании европейских растений на отдельных горных вершинах острова, находящегося к югу от экватора, несмотря на то, что все равнины на громадное пространство кругом покрыты флорой совершенно иного характера. Этот феномен тем более замечателен, что семена подобных растений так тяжелы и расстояние, отделяющее Яву от их теперешней родины так велико, что тем самым опровергается возможность перенесения их птицами или ветром. Существование этих растений в тропиках казалось настолько необъяснимым, что оно дало повод к предложению отдельного, различного происхождения, до тех пор пока Дарвин первый не объяснил этот факт более удовлетворительно. Теория его, всеми признанная теперь за верную, состоит в следующем: предполагается, что в эпоху ледникового периода температура была настолько низка, что даже в тропиках преобладали виды растений, теперь присущие только умеренным северным странам. По мере возвышения температуры глетчеры и снега отодвигались все более к северу и к вершинам высоких гор, причем с ними удалялась туда же и растительность более холодного климата. Этим объясняется присутствие на яванских горах растительных разновидностей уме-

* Современное написание — *ротанг*.

** Некоторые сорта бамбука растут также подобно лианам, достигая 130 ф. длины. (Прим. О.А. Шербатовой).

ренных стран, оставшихся здесь с ледникового периода, но до того видоизменившихся под влиянием больших перемен, происшедших в условиях, в которых они находятся, что теперь они составляют почти отдельные породы. Эта теория Дарвина подтверждается еще присутствием в Гималаях и на горах Центральной Индии и Абиссинии растений, хотя не тождественных с европейскими, но настолько схожих, что их можно считать принадлежащими одним семействам.

После *аренга*, кокосовой пальмы и бамбука, самое ценное дерево Явы — *джати* или тиковое дерево (*Tectonia grandis*), встречающееся большими лесами до 800 футов вышины над уровнем моря в центральных и западных частях острова. Особенное же богатство яванской флоры проявляется в громадном количестве ее цветущих видов; так, ей принадлежат удивительные кувшинчики (*Nimphaea*), гигантская эпифитовая орхидея, породы *граммантофиллум*, которой листья и цветущие стебли достигают десяти — двенадцати футов длины, *Rafflesia*, имеющая цветы в три аршина в окружности, великолепные цветущие деревья *Jacaranda mimosaefolia*, *Michaelia champaca*, *Fagraea fragrans*, *Eugenia densiflora* и множество других.

По обилию же и разнообразию плодов ни одна страна в мире не может соперничать с Явой; первое место между ними принадлежит неоспоримо несравненному *мангостану* (*Garcinia*), растущему исключительно в архипелаге, далее следуют *дурьян* (*Durio zibethinos*), *помоло* (*Citrus decumana*), *рамбутан* (*Nephelium lappaceum*), лимон, апельсин, ананас, гуава, манго (*Mangifera indica*), *буанона* (*Anona reticulata*) и пр. пр. В некоторых горных местностях, где климат умереннее, удачно принялись также персики, абрикосы, груши и другие плодовые деревья, вывезенные из Японии, Китая и с мыса Доброй Надежды.

Продуктами, служащими для питания человека, Ява почти не менее богата, чем плодами; из них первое место занимает рис, составляющий главный предмет пищи всех классов. Разводимый всюду, где имеется свободный доступ к воде, его насчитывается до ста разных сортов; не менее важную роль играют также кукуруза и бобы, а после них и перец, сахарный тростник, *саго*, сладкий картофель, кофе и чай. Предметами культуры служат тоже индиго, хинное дерево, табак, хлопок, корица, гвоздичное дерево, мускатный орех и множество других.

Хотя во многом схожая с азиатской, яванская фауна отличается особенным богатством и своеобразием. Большая часть млекопитающихся, которых Уоллес насчитывает около девяносто различных пород, тождественны с теми, которые природны Суматре и Борнео, но на Яве отсутствуют тапиры, слоны, медведи и оранг-утанги. Из многочисленных диких животных наибо-

лее примечательны носороги, тигры, леопарды, пантеры, дикие быки и кабаны, олени, шакалы и др. Различные породы обезьян встречаются всюду в больших количествах. Пресмыкающихся также довольно много; из них самыми опасными считаются крокодилы и питоны, и те и другие достигающие очень большого роста; кроме них, насчитываются еще более двадцати видов ядовитых змей. Существуют также породы дикой собаки, плодоядной летучей мыши огромного размера, зайцев и весьма крупной ящерицы — *мокей* (*Platydictylus guttatus*), названной так по ее крику, весьма похожему на человеческий голос.

Но более всего другого Ява изобилует пернатыми, разнообразие и численность которых поражает даже неспециалистов-зоологов. Из ее 270 видов — сорок принадлежат исключительно ей. Между прочими яванская орнитология включает следующих птиц: эму, дроздов, шесть или семь пород голубей, из которых особенно красивы горные ягодные горлицы (*Ptilopus roseicollis*) с ярко-розовой головой и шеей и зеленым телом, перепелов, куropаток, банкивских петухов, дятлов, фазанов, павлинов, зимородок и пр. Из выдающихся по оперению птиц замечательны: попугаи, золотистая иволга, золотистоголовый дроздовик (*Pycnonotus leucotis*), яванский вьюрок (*Munia ferruginea*), яванский *ноннапель* (*Spermestes prasina*), черноголовый вьюрок (*Spermestes Malaccensis*), серый воробей (*Padda oryzivora*), пышный желтый с зеленым *тпогон* (*Harpactes Reinwardti*), крошечный огненный мухолов (*Pericrocotus miniatus*), дрозд Шама (*Turdus macrourus*) — лучший певец в мире, все почти исключительно принадлежащие Яве и множество других редких и прелестных сортов всевозможных цветов и величин.

Домашние животные Явы суть: коровы, овцы, буйволы, козы и лошади.

Жители Явы не принадлежат все одной племенной группе. Собственно говоря малайцев, название которых присвоено всему роду, сравнительно немного и те немногие лишь в качестве переселенцев с Малаккского полуострова. Коренные же жители острова делятся на три отдельные, точно определенные племена, а именно: на сунданцев, населяющих западные провинции, яванцев, живущих в центральных провинциях, и мадурцев — в восточных, — каждое имеющее свой особенный язык.

В физическом отношении они представляют мало различий между собою: сунданцы, местонахождение которых преимущественно в гористых местностях, немного рослее, здоровее и сильнее других, но умственно они менее развиты; яванцы, составляющие более $\frac{2}{3}$ всего населения острова весьма небольшого роста, но сложены лучше и грациознее прочих. У всех — малайский тип лица, т.е. выдающиеся губы, плоские приподнятые носы с осо-

бенно развитыми и большими ноздрями и небольшие глаза; цвет кожи переходит от светло-желтого к темно-оливковому оттенку. По характеру все одинаково кроткие, тихие, миролюбивые, неприхотливого нрава, правдивые и прямодушные; с иностранцами и даже между собою они неизменно учтивы и услужливы. Вообще жители Явы производят впечатление людей, живших долго под мудрым управлением, вполне счастливых и довольных своею судьбою. Кроме вышеназванных малайских племен, в разных частях острова живут еще до трех тысяч шиваитских пришельцев, сохранивших свои индийские обычаи, наречие и религию.

Выселение с Явы на соседние острова весьма незначительно и уступает во многом переселению на нее. Из инородцев, населяющих остров, китайцы численностью своею занимают первое место. Являясь опасными конкурентами туземцев в ремеслах, мелкой и крупной торговле, к ним применяются голландским правительством различные стеснительные меры, цель которых уменьшить наплыв «сынов Небесной империи». Меры эти: обязательно жить в городах в особых кварталах под надзором единоплеменного так называемого капитана, отвечающего за их хорошее поведение, запрещение переходить из одной провинции в другую без особого на то разрешительного билета резидента, пошлина за право въезда на Яву, пошлина за право пребывания, налог на каждое ремесло, налог на доходы и пр. Впрочем все эти стеснения, по-видимому, мало действуют и уже теперь почти вся мелочная торговля Явы в их руках.

Менее многочисленные, чем китайцы, арабы, тем не менее, пользуются гораздо большим влиянием среди туземцев. Принадлежа избранной расе и вере Пророка, имея на своей стороне воспоминания прежнего владычества, они в глазах яванцев облечены неким ореолом святости.

Прирост туземного населения на Яве больше, чем в какой бы то ни было стране мира. В Голландии, одном из самых населенных государств Старого и Нового света, ежегодный прирост в 100—125 тысяч человек, на Яве же он в 300—400 тысяч, достигая иногда даже 500 тысяч человек. В 1780 году население острова было немного более 20 миллионов людей, а в 1880 году оно достигло 23 миллионов.

Население Явы в 1891 году

Яванцев, сунданцев, мадурцев	22182000
Малайцев	1000000
Китайцев	300000
Арабов и др.	78000
Европейцев	40000
Итого	23600000

Что же касается европейцев, то число их составляет не более $\frac{1}{6}\%$ всего населения острова; чужеземные властелины исчезают, так сказать, в море окружающих их туземцев. По закону, изданному в 1818 году, европейцы, будь они голландцы или другой национальности, не имели права селиться на Яве без особого разрешения генерал-губернатора; многие другие постановления ограничивали также свободу действий селившихся. Теперь доступ на Яву открыт всем желающим и число европейцев по-прежнему увеличивается, хотя оно всегда останется ничтожным в сравнении с туземным населением.

Не будучи достаточно многочисленными, дабы влиять силой, голландцы, подобно своим индусским и магометанским предшественникам, напрягали все усилия к тому, чтобы держать народонаселение в повиновении посредством некоего рода религиозного страха. Обязанные оказывать своим победителям все знаки самого глубокого уважения, схожего с поклонением, яванцы действительно стали преклоняться, бояться и обращаться к ним, как к вершителям жизни и смерти. При встрече с европейцами и в их присутствии туземцы обязаны приседать и хранить благоговейное молчание. Первое жизненное правило для всех европейцев на Яве, — обеспечить обаяние расы, определяя расстояние, долженствовавшее отделять туземцев от их владык, благородных *оранг-пути**.

Не так давно еще в голландских колониях было воспрещено европейцам занимать какие-либо низкие должности и даже наниматься в кучера или садовники. Европейский офицер или солдат, присужденный к унижительному наказанию, немедленно отправлялся в Голландию, чтобы там отбыть приговор, тщательно скрывавшийся от туземцев, дабы не умалить их почтения к европейцам. На основании того же принципа до последнего десятилетия, яванцам запрещалось изучение голландского языка: подчиненные не должны были возвыситься до понимания наречия господ. Одним лишь малайцам, как менее низкой расе, разрешалось учиться по-голландски, так как покорителям необходимо было создать отдельные и враждебные разряды в среде своих подданных, но должностные лица никогда не допустили бы, чтобы кто-либо из подчиненных заговорил с ними на благородном голландском языке. Они с туземцами и последние с ними всегда говорят по-малайски. Малайское наречие, *lingua franca*** архипелага, служит официальным языком для всех административных и судебных дел. Таким образом, хотя окруженные

* *Оранг* по-малайски означает — человек, *пути* — белый. (Примечание О.А. Щербатовой).

** Язык межнационального, межэтнического общения (лат.).

многочисленными слугами, с которыми, впрочем, они обращаются с большой мягкосердечностью, голландцы остаются как бы в высшем мире, вдали от толпы.

В прежние времена голландцы не только воспрепятствовали воспитанию туземцев, но и не особенно поощряли усилия миссионеров, направленные к обращению яванцев в христианство. Как в том, так и в другом случае целью их было удерживать подданных своих на низком умственном уровне, дабы тем легче управлять ими. За последние же года преобладает более просвещенная политика. Вопрос о нравственном и умственном развитии туземцев был недавно всесторонне обсуждаем как на Яве, так и в Голландии, и результатом прений было введение колониальным правительством более либеральной системы управления.

Крупная сумма, ассигнованная ежегодно в бюджет колоний для народного просвещения, достаточно свидетельствует об искреннем желании голландцев распространить образование между туземцами и тем способствовать их умственному, техническому и промышленному развитию. Дарования яванцев не подлежат сомнению, а потому они вскоре сумеют воспользоваться всеми выгодами воспитания.

В данную минуту* на Яве 164 школы для европейцев**, посещаемые 14735 учениками и стоящие правительству 2386054 гульдена; для туземцев же — 202 школы с 31892 учениками, стоящие 1018687 гульденов. Кроме того, есть 163 частные туземные школы и 23021 магометанская школа с 313978 учениками; многие из этих школ получают субсидии от правительства. В общем получается, таким образом, 23550 школ с 360605 учениками.

Религия жителей Явы не раз подвергалась изменениям; одно из первых таковых относится к самому началу истории Инсулинды*** (как Реклю называет Малайский архипелаг), когда индусские переселенцы, пришедшие из Индии через Бирму и Сiam, начали обращать туземцев к брахманизму. По свидетельству китайского путешественника — буддиста Фа-хиян**** — посетившего Яву в V столетии, религия браминов уже тогда господствовала на всем острове. Позднее ее заменил почти повсеместно буддизм, точная эпоха введения которого неизвестна, но сохра-

* По статистическим сведениям 1891 года. (*Примечание О.А. Щербатовой*).

** На Яве все метисы, т.е. дети от смешанных браков европейцев с какими бы то ни было туземцами, приравнены к европейцам, и пользуются одинаковыми с ними правами. (*Примечание О.А. Щербатовой*).

*** Инсулинда — островная Индия (*лат.*).

**** Буддист-паломник Фа-сянь посетил Суматру в 414 г. н.э.

нившиеся в Боробудуре развалины доказывают, что это верование процветало уже в VII столетии. Более точные сведения о религии яванцев относятся к 924 году после Р.Х., когда Деба* Кусума послал своих детей в Индию обучаться брахманистской религии. Около этого же времени были сооружены храмы в Прамбанане и Сингасари, носящие отпечаток компромисса между брахманизмом и буддизмом, названного джейнизмом**.

О магометанстве впервые упоминается в начале XIII-го столетия (в 1250 году после Р.Х.), когда пришельцы из Аравии неуспешно старались обратить в свою веру сундских князей. В XIV столетии прибыли мусульманские миссионеры, имевшие несколько больший успех. Но магометанство прочно утвердилось на Яве только после падения индусского царства Маджапахит в 1478 году, когда оно стало признанной религией страны.

В настоящее время яванцы в сущности еще язычники; горячо преданные своим древним учреждениям они, хотя и не поклоняются идолам, но сохранили до сих пор высокое почтение к законам, обычаям и народным обрядам, существовавшим до введения магометанства. Так, веруя в единого Бога и в Магомета, как его Пророка, придерживаясь некоторых наружных форм этой религии, они одновременно поклоняются предкам и силам природы и приписывают духам все события своего существования. С учением магометанства они мало знакомы и, хотя его праздники соблюдаются из года в год все с большим рвением, но наравне с этим они держатся многих индусских верований. В общем можно сказать, что влияние магометанства самое поверхностное и религия эта не укоренилась, по-видимому, в сердцах яванцев. Лучшим доказательством холодности их в деле религии служит отсутствие всякой ненависти к европейцам, как к неверующим.

Как было сказано раньше, голландцы до последних времен не поощряли распространение христианства в своих колониях, так что христиан насчитывается не более 11 тысяч человек.

На Яве, Мадуре и Бали существует один общий язык, подразделяющийся на три наречия, а именно: на яванское, сундское и мадурийское***. Кроме того, сохранился классический или религиозный язык — *кави*, в котором из десяти слов девять — санскритского происхождения; ничего неизвестно о том, когда

* Дев — бог (*санскрит*), один из титулов индуистских правителей.

** Джайнизм — синкретическое религиозное течение в Индии, содержащее элементы как индуизма, так и буддизма. На Яве симбиоз шиваизма и буддизма происходил на местной почве, и имеет мало общего с джайнизмом.

*** Яванский, сунданский и мадурский являются самостоятельными языками, а не наречиями одного языка.

он был введен на Яву, и был ли он когда священным или обыденным языком какого-либо чужестранного народа*. Все древние рукописи и надписи на камне и меди писаны на *кави*, сохранившемся также и в яванской поэзии, балладах и рассказах. На Бали *кави* до сих пор — язык религии и закона, но на Яве исключительно поэзии и древних былин.

По исследованиям Марседена, как яванские наречия, так и малайское, все происходят от одного общего корня — санскритского, с которым они имеют весьма много сходства. Яванский язык замечателен богатством слов, а также мелкими различиями и оттенками выражений, так что общий характер его свидетельствует о прежней весьма высокой цивилизации. По богатству слов он может соперничать с любым европейским и азиатским языком; лексикон яванского наречия, включающий менее 20 тысяч слов, был бы далеко не полон. Каждое из трех яванских наречий подразделяется еще на два диалекта: на утонченный или *кром*о и на простой или *нгоко*; последний употребляется народом в разговоре между собою или при обращении высшего по общественному положению к низшему, который в свою очередь не смеет говорить с высшим иначе как на *кром*о. Кроме того, существует еще третий диалект — *мадио*, нечто среднее между двумя первыми подразделениями языка, употреблявшийся исключительно высокопоставленными лицами между собою. *Кром*о и *нгоко* разнятся один от другого не только по словам, но по окончаниям и по оборотам речи.

Из громадного количества туземных преданий главные очертания яванской истории обрисовываются с столь достаточной ясностью, что возможно составить себе довольно точное понятие о ней. Извлекая наиболее правдоподобные данные относительно первоначального заселения Малайского архипелага, следует заключить, что первые жители прибыли на судах из Красного моря и что они были изгнаны из Египта**. Положиться же более или менее на подробность рассказов можно лишь с предполагаемого прибытия некоего Саки, о котором упомина-

* Древнеиндийская цивилизация с рубежа н.э., особенно в эпоху Гуптов (IV—VI вв н.э.), оказывала мощное воздействие на культуру и общественные институты Индонезии, а классический санскрит стал основой ее официально, делового и литературного языка.

** Древнейшие из известных современной науке останки «человека разумного» (*гомо сапиенс сапиенс*) на островах Малайского архипелага датируются 41 тыс. лет до н.э. Первоначально здесь преобладали представители восточной негроавстралоидной (тихоокеанской) расы, а позднее расселяются господствующие ныне во всей Юго-Восточной Азии типы южно-монгольской малой расы. История Индонезии, ч. 1. М., 1992, с. 4.

ют все яванские предания, называя его, то воином, то священником, то богом, но большинство сходясь в том, что приписывает ему первое введение управления, религии и всех искусств цивилизации. Прибытие Саки относится к первому году яванской эры, соответствующей 75 году после Р.Х.

Происхождение вышесказанной иноземной цивилизации не подлежит сомнению; как туземные предания, так и обширные религиозные здания восточных и средних частей острова все одинаково указывают на индусскую колонизацию и владычество. Сэр Стемфорд Раффлз в своей пространной истории Явы приводит имена и года царствований индусских монархов (от 75 до 1155 года после Р.Х.) с описаниями их завоеваний и администратий. Но рассказы эти, позаимствованные из рукописи известного ученого начала нынешнего столетия Ната Касумы и основанные лишь на изустных преданиях страны, недостаточно достоверны, чтобы можно было бы отнести к ним вполне бесприкословно, в особенности, когда они не подтверждаются археологическими остатками*.

О событиях, совершившихся в более современную эпоху, предание гласит следующее: в 525 году (600 году после Р.Х.) было предсказано королю Гуджарата**, что его страну постигнет разорение и разрушение, вследствие чего он решился послать своего сына на Яву. Последний взял 5 тысяч человек, сел на суда и после четырехмесячного плавания достиг цели своего путешествия. С этого времени, добавляет летопись, Ява, как царство, приобрела большую известность. В царствование этого князя и его наследников воздвигнуты были храмы в Боробудуре и Прамбанане, выстроенные художниками, приглашенными из Индии. Все вышеизложенное подтверждается надписью, найденною на Суматре в Минангкабау и помеченною 656 годом после Р.Х. На Яве наиболее древняя надпись, находящаяся в Батавском музее, помечена 732 годом после Р.Х. и содержит двенадцать санскритских стихов. Другие камни, надписанные тоже самыми древними санскритскими письменами, встречаются на запад от Бейтензорга*** в Бекаа и около Батавии и свидетельствуют также о существовании индусской цивилизации на Яве в IV и V столетиях после Р.Х.

Следующее важное событие яванской истории относится к царствованию Девы Касумы, пославшего в 924 году после Р.Х. в

* Государственные образования в древней и средневековой Индонезии формировались под мощным влиянием индийской цивилизации, но на местной этнической и экономической основе, при этом местные правители заимствовали индийские титулы (раджа) и имена.

** Гуджарат находится в Индии (Прим. О.А. Щербатовой).

*** Ныне — Богор.

Индию детей своих обучаться браминской религии. Сын его Ами-Лухур, женившись там на дочери индийского раджи, вернулся на родину в сопровождении многих искусных мастеров и с многочисленным войском, данных ему его тестем. Насколько этот рассказ верен, трудно определить и весьма вероятно, что он был придуман с целью ограждения национального самолюбия, скрытием от потомства факта удачного завоевания страны чужестранными авантюристами. Действительно же достоверно, что во время царствования сыновей Девы Касумы индусские обычаи, религия, литература и орнаменты были введены повсеместно. Начиная с этой же эпохи можно с некоторою уверенностью говорить об истории Явы.

Царствование Ами-Лухура известно по обширным сношениям его с иностранными нациями и в особенности по похождениям сына его Панджи, самого популярного героя яванской истории. Приключения Панджи описаны в многочисленных былинах, которые служат предметом еще более многочисленных драматических представлений, и те и другие составляя главную часть литературы и народных развлечений жителей Явы.

В XIII столетии Ява была разделена на два сильных индусских государства: Паджаджаран*, занимавшее весь запад острова, и столица которого находилась западнее нынешней Батавии, было населено сунданцами, нестроительной расой, не оставившей археологических следов, и Маджапахит, основанное, по-видимому, в конце XIII столетия. Последнее государство достигло в весьма короткое время неслыханного до того на Яве могущества и славы; владея всей восточною частью острова, власть его, кроме того, простиралась почти на всю Инсулинду.

В XIV веке на Яве явились мусульмане-миссионеры, арабы, которые постепенно, не завоеваниями или мечом, а убеждением принудили жителей обратиться в веру Пророка. Пополняя ряды свои новыми переселенцами, магометане вскоре стали оспаривать верховенство у туземных раджей, долго отстаивавших свою независимость. Упорная борьба двух наций окончилась падением священной столицы индусов — Маджапахит, взятой приступом завоевателями в 1478 году**; таким образом последняя могущественная индусская династия была низвержена и мусульманское владычество, постепенно поглощая остальные мелкие государства, окончательно утвердилось на Яве.

* Последнее индийско-буддистское королевство на западе Явы — Сунда — со столицей Пакуан-Паджаджаран (XI—XVI вв.).

** Маджапахит пал под ударами местного вассального мусульманского княжества Демак, которое нанесло крупное поражение своему сюзерену в 1478 году, а окончательно разгромило его в 1527 году.

Царствования мусульманских правителей, присвоивших себе титул *сусунанов*, т.е. императоров, простирались от 1477 до 1815 года. В конце XV столетия Ява опять была разделена на два отдельных и независимых государства, соответствующие по границам прежним царствам Маджапахит и Паджаджаран.

Из европейцев Марко Поло первый упоминает про Яву, в своих описаниях земель, виденных им во время путешествия из Китая в Персидский залив в конце XIII столетия. Хотя он сам не был на Яве, но по рассказам других называет ее и соседние с нею острова — Островами Пряностей.

В 1509 году португальцы, предводительствуемые Секуиера*, впервые прибыли в архипелаг; в следующем году д'Албукерки посетил Суматру, а в 1511 году он взял малайский город Малакку, после чего отправился разыскивать Острова Пряностей. Прибыв в Бантам**, португальцы вошли в сношение с его жителями через посредство сундского князя Самиана и заключили с ним договор, в силу которого они приобрели право построить укрепление в Бантаме с условием защищать князя и его подданных от арабов. Для приведения в исполнение этого проекта португальским королем была послана экспедиция под начальством Францеско де Са; но до прибытия ее на Яву Бантам был взят изменою мусульманами. Впоследствии, впрочем, португальцам удалось основать контору в Бантаме и уже в 1515 году был вывезен из Банда*** в Лиссабон первый груз мускатного ореха. С этих пор португальцы, основав во многих пунктах фактории, стали первенствовать в архипелаге и завели деятельную торговлю пряностями. Почти единственными их соперниками тогда были испанцы, которые, предводительствуемые Магалхасом****, предъявили около этого времени претензии на владение Молуккскими островами. Приобретя последние посредством купли, португальцы, затем остались неоспоримыми владельцами почти всей Инсулинды.

В 1595 году голландские суда в свою очередь посетили Малакку, где они грузились из португальских складов, а в 1596 году, под командою братьев Хутман, голландцы прибыли в Бантам. Найдя там португальцев, воюющих с туземным князем, новоприбывшие охотно согласились на предложение последнего уступить им землю под контору для покупки перца, взамен чего

* Дьогу ди Сикейра.

** Бантен.

*** Ныне — о-ва Селатан-Тимур (Южные Молукки) на востоке моря Банда.

**** Магелланом (*Magalhaes* — *порт.*) совершил первое кругосветное путешествие, но погиб в бою с местными воинами на нынешних Филиппинских островах до того, как его суда достигли берегов современной Индонезии.

они обязались помогать ему против его врагов. Таким образом было положено начало голландским колониям в Малайском архипелаге. Благодаря энергии братьев Хутман торговля с Инсулиндой с этого времени стала быстро развиваться, так что в течение семи лет из Амстердама и Антверпена было послано до пятнадцати флотов, численностью в 65 судов. В 1600 году ими был приобретен участок земли на Суматре.

Великобритания, следуя примеру португальцев и голландцев, снарядила в 1602 году экспедицию, которая, посетив Атчин*, направилась в Бантам, где она устроила контору, покинутую англичанами только в 1683 году, по заключению мира с Голландией.

В 1619 году голландцы построили форт, названный ими Батавией**, около туземной деревни Джакатра*** и заключили договор с туземным князем. Условия этого договора были: свободная торговля для обеих договаривающихся сторон, обещание помогать друг другу в войнах на территории Джакатры, взимание пошлин со всех судов других наций, посещавших Батавию, и воспреещение португальцам и испанцам торговать в пределах владений князя. К этому времени у португальцев осталась лишь весьма незначительная часть их прежних обширных колоний и значение их в архипелаге значительно ослабло.

В 1602 году голландское правительство передало все свои права над Инсулиндой компании купцов, названной Ост-Индской компанией. Вскоре после основания Батавии, голландцы впервые вошли в письменное соглашение с главным законным правителем Явы****, столица которого находилась в Суракарте. Основным пунктом соглашения была взаимная помощь в случае войны и уступка компании города Семаранг. Таким образом, пользуясь междоусобными войнами, голландцы в течение столетия разными способами и сделками понемногу увеличивали свои владения до 1749 года, когда царствующий тогда в Суракарте император, именовавшийся *сусухунан* Пакубуана II****, подписал официальный документ, по которому он от своего имени и имен своих наследников отказывался навсегда от владычества над страной, передавая его голландской Ост-Индской

* Принятое написание — Аче, население — ачехцы. Располагается на северной оконечности Суматры.

** С 1945 г. — столица Республики Индонезии Джакарта.

*** Джаякерта — «славная крепость» (мал.).

**** Кабальные договоры с *Сусухунаном* (абсолютным монархом) султаната Матарам, занимавшего Восточную и Центральную Яву, были подписаны в 1677–1678 гг.

***** Современное написание — Пакубувано. Упомянутый договор был подписан в 1743 г.

компании и предоставляя ей в будущем располагать суверенством, как ей заблагорассудится для блага компании и Явы. В силу этого документа голландская ост-индская компания, а впоследствии голландское правительство, приобрело право отдавать в ленное владение те провинции, которые еще находились под туземным управлением, а вследствие этого сделалась *de facto** владельцем всего острова. В 1754 году** с разрешения компании Ява разделилась на два туземных государства, из которых одно управлялось *сусухунаном*, имевшим столицей Суракарту, а другое — султаном с главным городом Джокьякарта.

Сделавшись военной и политической державою, имея в своем распоряжении и флот, и войско, голландская компания купцов тем не менее оказалась слишком слабою, чтобы бороться успешно с возрастающим в архипелаге могуществом английских торговцев и чтобы защищать от их завоеваний свои громадные владения. В конце XVIII столетия Молуккские острова, по богатству пряностями считавшиеся самыми ценными колониями, были отвоеваны англичанами. Во избежание дальнейших потерь голландское правительство в 1800 году выкупило привилегии компании.

В 1811 году благодаря завоеваниям Наполеона в Европе Голландия и ее колонии сделались подвластными Франции. Но водруженный в Батавии французский флаг развевался недолго, в том же году англичане завладели как Явою, так и остальными островами. В 1816 году, в силу Лондонского трактата, Англия принуждена была возвратить Голландии все ее владения в Малайском архипелаге, которыми она с тех пор владеет беспрекословно.

Взяв на себя управление Явой, голландское правительство понемногу купило существовавшие до тех пор права туземных князей, гарантировав им взамен известные доходы, обратившиеся со временем в вознаграждение по занимаемым ими должностям. Наследники же *сусухунана* Суракартского и султана Джокьякартского продолжают носить прежние титулы и проживать в своих бывших столицах, где они поддерживают подобие двора. И тому и другому по сих пор оказывают все почести, подобающие их положению; им принадлежат обширные земельные владения, в которых они распоряжаются вполне независимо и полновластно, мало изменив старинные формы управления. Кроме того они получают от правительства 50 тысяч гульденов в год. Само собою разумеется, что за их действиями зорко следят назначенные к их дворам голландские резиденты, так что *de facto* они не более как крупные землевладельцы.

* Фактически, на деле (*лат.*).

** В 1755 г.

Глава III

Владычество Голландии над Явой простирается и на весь Малайский архипелаг; колониальная империя, известная под названием Нидерландской Индии включает таким образом громадное пространство земли и моря. Система управления, введенная Голландией в этой обширной империи, подвергалась самым противоречивым суждениям: одни безусловно критиковали ее, другие же восторженно превозносили. Дабы составить мнение о голландском колониальном управлении, следует сначала дать себе ясный отчет о порядке вещей, к которому оно применяется и о сложившихся обстоятельствах, обуславливающих его настоящую организацию.

Верховенство над Явой Голландия получила путем завоеваний, но завоеваний не для увеличения своих территорий, а исключительно с торговыми целями. Голландцы, предаваясь своим колонизаторским инстинктам, никогда не проявляли ни малейших поползновений разрушать все встречавшееся им по пути и резко изменять существующий порядок или заменять его новым.

Весьма незначительные своей численностью они в принципе никогда не претендовали на прямое владение всеми землями, а довольствовались лишь протекторатом и занятием портов и контор. Голландцы появлялись в Азии исключительно в качестве купцов, побуждаемых желанием нажиться и искавших для этого выгодные торговые предприятия. Они не стремились из-за военного самолюбия, из потребности религиозной пропаганды или политического господства все уничтожать у покоренного народа, а предпочитали пользоваться прежними правителями и сохранять местные обычаи, применяя их в пользу себе. Желая только основать плодотворное для своих целей владычество, они нашли этот способ наилучшим и наиболее выгодным и пото-

му постоянно придерживались его. Даже теперь, когда их первенство неоспоримо, а правительственная власть проникла почти всюду, и то и другое сохранило свой характер первых времен. Государственный механизм остался и до сего дня еще странным сочетанием европейского и туземного элемента: везде существует как бы наложение двух управлений. Вверху голландский генерал-губернатор, а внизу множество туземцев — потомков прежних раджей, сохранивших со своими титулами и различные привилегии. Далее следует местная администрация, основанная на тех же началах распределения власти между параллельными должностными лицами — голландскими и туземными.

Вводя свою форму правления голландцы, как сказано выше, мало изменили внутренний политический строй Явы. При *сусухунанах* и султанах остров был разделен на провинции, в свою очередь дробившиеся на регентства, делившиеся на еще более мелкие единицы, и т.д. до сельских общин. Каждая провинция управлялась губернатором, соединявшим в себе судебную, фискальную и исполнительную власть; таковою же властью были облечены и низшие должностные лица, стоявшие во главе регентств, округов, участков и даже общин. Все, кроме сельских старост, избираемых общинами, назначались *сусухунаном* и все имели своих помощников, совет и в своем участке уголовный и гражданский суд.

Подобное же административное подразделение Явы и распределение должностей существует и теперь, с тою только разницею, что последние замещаются частью голландцами, частью туземцами. Страна, как и прежде, разделена на провинции или резидентства, регентства, округи, участки и сельские общины*. Правительственная иерархия также во многом соответствует прежней: *сусухунана* заменил генерал-губернатор, туземных губернаторов и окружных начальников — голландские резиденты и ассистент-резиденты и т.д. Но, забрав в свои руки судебную и фискальную власть и сохранив за собою высший надзор, голландцы предоставили туземцам все местное управление, полицейскую и исполнительную власть, дав им, кроме того, и первенствующее после себя место в судах и участие во всех решениях, непосредственно касающихся туземного населения.

Таковою системою управления голландцы достигли двоякой цели: высшие классы продолжают играть при новых властителях ту же выдающуюся роль в судьбах своих соотечественников, какую они играли и при *сусухунанах*, вследствие чего их самолюбие удовлетворено, материальное положение благодаря щед-

* На Яве 21 резидентство, в каждом из которых от 3 до 9 регентств, последние же делятся на 5-6 округов. (Прим. О.А. Щербатовой).

рым жалованиям обеспечено и устранена всякая причина недовольствия против нового строя. Низшие же классы имеют еще меньше причин недовольствия против завоевателей, с приходом коих они пользуются бóльшим благосостоянием, чем при яванских императорах, сохраняя при этом иллюзию быть еще под владычеством последних, так как непосредственное их начальство осталось таким же, каким оно было до голландцев, причем беспорядки и злоупотребления туземного правления понемногу уступили место благоустройству и законности действий. Приобретя, таким образом, расположение своих подданных, сохранив за одними общественное положение и богатство и дав им, кроме того, подобающее их званию занятие, у других же, улучшив в материальном отношении их условия жизни, а в административном посредством одноплеменного начальства обеспечив соблюдение национальных и религиозных особенностей, голландцы достигли первую свою цель, строгим же надзором за туземным управлением и разумным применением своей власти к удовлетворению потребностей страны они одновременно достигли и второй, главной цели всякого мудрого правительства: постепенного обогащения колонии, а вследствие того и метрополии, довольства жителей и общего благоденствия.

Следующий краткий перечень должностных лиц Явы и их обязанностей даст наглядное понятие о правительственном строе острова; перечень тем более интересный, что правление, введенное голландцами, представляет собою единственный пример слияния европейского элемента с туземным.

Теперь своей формой управления Ява обязана преимущественно знаменитому ван ден Босху, назначенному в 1830 году генерал-губернатором Нидерландской Индии. В то время администрация, учрежденная в 1811 году англичанами и мало измененная голландцами, довела страну до крайних пределов разорения. Ван ден Босх, сумевший снискать доверие короля, утверждал, что посредством правильной организации весьма возможно поднять доходы острова до таких размеров, что они не только покроют все расходы по администрации, но даже дадут крупный излишек метрополии, увеличив при этом и благосостояние жителей. Таковых результатов он предполагал достигнуть путем так называемой системы правительственных культур, главный успех которой, он считал, зависел от поведения и характера европейских должностных лиц, которым должно было быть поручено приведение в исполнение его системы, а также от частых, непосредственных сношений их с туземцами.

Для достижения этих целей, число европейских служащих было увеличено настолько, чтобы возможно было действитель-

но осуществить постоянный и неукоснительный надзор и пока весь служебный состав не сделался достаточно многочисленным не только для отправления правосудия и наблюдения за порядком, но и для того, чтобы каждая деревня и поле могли быть лично осмотрены европейцем хотя бы раз в месяц. Расходы по вышесказанному увеличению числа служащих были значительны, но полученные результаты вполне оправдали целесообразность как этой, так и всякой другой части проекта ван ден Босха.

Служащие на Яве европейцы делятся на три класса: первые два состоят из штатных должностных лиц, а третий из нештатных, причем допускается возможность перехода из одних в другие.

В первый класс назначаются королем лица, достигшие в Голландии степени доктора права* и выдержавшие в Делфтской коллегии** специальные для поступления на службу в колонии экзамены. Служащие первого класса могут получить место или в департаменте юстиции или во внутренней администрации и пользуются правом перехода из первого во вторую и *vice versa****. Некоторые из них практикуют сначала как присяжные поверенные, а затем делаются судьями высших судебных учреждений на Яве; другие поступают в контролеры, из которых они иерархическим порядком переходят в ассистент-резиденты, а впоследствии в резиденты. Члены совета и директора департаментов также избираются преимущественно из среды служащих первого класса.

Во втором классе европейских служащих числятся лица, пробывшие четыре года в Делфтской коллегии, доступ в которую открыт для всех; вакансии в гражданской службе пополняются лучшими по экзаменам студентами четвертого года. Служащие второго класса занимают места исключительно во внутренней администрации, в которой, как и в высших административных учреждениях, все должности доступны им, исключая департамент юстиции. Начиная контролерами, они поднимаются до следующих чинов установленными в провинциальном правлении степенями.

Нештатные европейские служащие третьего класса, а также все внеклассные европейцы, употребляющиеся правительством, принадлежат особому разряду государственной служ-

* Доктора прав в Голландии пользуются правом практиковать как присяжные поверенные. (Прим. О.А. Щербатовой).

** В Делфте в Нидерландах действовали специальные курсы для подготовки чиновников колониальной администрации Нидерландской Индии.

*** И наоборот (лат.).

бы. Этот разряд состоит из молодых людей, начинающих свою карьеру в Нидерландской Индии в какой-либо низшей должности в правительственных канцеляриях и не получивших подготовительного образования в Голландии. Из них большинство — метисы или те, которые известны официально на Яве под названием лиц, приравненных с европейцами. Для них, смотря по их способностям, возможно производство, не дающее, впрочем, никакого чина; с достижением же положения чиновников, с жалованием в 4,500 рублей в год, прекращается всякая возможность дальнейшего повышения иначе как посредством избрания в служащие третьего класса. Наиболее способные из них избираются в таковые генерал-губернатором по мере открытия вакансий и предлагаются им для назначения королю.

Служащим третьего класса открыты все высшие места в административном департаменте, за исключением тех, в которых они могут быть в непосредственных сношениях с туземцами или быть облеченными прямой властью над ними. Служащим третьего класса разрешается ехать в Европу для поступления в Делфтскую коллегию, где, выдержав экзамен, они делаются служащими второго класса. Путевые расходы их платятся правительством, выдающим им также жалование в том же размере, как положено для лиц, находящихся в отпуску; последнюю сумму они обязаны вернуть, если не выдержат экзамена.

В 1798 году, когда права Нидерландской Ост-Индской компании купцов были выкуплены правительством, колонии перешли к казне в качестве коронного имущества и управлялись королем голландским через его министра колоний до 1848 года. Новой конституцией того же года администрация всех голландских колоний была передана от короля лично к королю как главе государства. С тех пор верховное правление Нидерландской Индии, хотя номинально принадлежа королю, но отправляется его именем генералом-губернатором согласно законам.

Конституционные принципы, на основании которых управляется Ява и прочие голландские колонии, изложены в «Постановлениях для управления Нидерландской Индии»*, утвержденных королем и Генеральными штатами Голландии в 1854 году.

Представитель короля и голландского владычества в Нидерландской Индии и на Яве — генерал-губернатор, который, облеченный самыми широкими полномочиями, правит почти самовластно вверенными ему колониями, жители коих титулуют его *туанбесар*, что значит «великий начальник». Назначаемый королем или скорее министром колоний, генерал-губернатор коман-

* Положение об управлении Нидерландской Империей.

дует военными и морскими силами, назначает резидентов и подвластных им европейских и туземных должностных лиц, применяет законы, утвержденные голландским парламентом и имеет лично на основании правительственных постановлений 1854 года право издавать приказы и делать административные распоряжения, выслушав предварительно мнение совета. Эти остаются в силе до их утверждения или изменения законодательством Голландии. Положение его — 125 тысяч рублей в год с путевыми расходами сверх того.

При генерал-губернаторе предложенные им и назначаемые королем находятся генеральный секретарь в виде советника и контролера и совет Нидерландской Индии, состоящий из вице-председателя и четырех советников. Совет заседает под председательством генерал-губернатора и помогает ему в законодательных делах, но, имея только совещательный голос, не участвует в администрации.

Генеральный секретарь имеет подвластных ему три правительственных секретаря и большой штат писарей. Архивы правительства хранятся в его канцелярии и все прошения или адреса на имя генерал-губернатора по всем предметам обязательно поступают сначала в эту канцелярию. Каждый документ заносится в книги и пересылается в различные департаменты, коих он может касаться; после чего он с примечаниями предьявляется генерал-губернатору, который делает уже окончательное постановление.

Далее в иерархическом порядке следуют директора департаментов. Когда требуется их совет по какому-либо вопросу, то они по приказанию генерал-губернатора соединяются в совещательном собрании, но обязанности и должности их совершенно различные.

Директора, которых пятеро, ведают следующими департаментами:

1) **Финансовый**, составляющий сметы, постоянно контролирующий и проверяющий все отделы публичных расходов и доходов, главные и губернские кассы и пр. пр.

2) **Доходов и государственных имуществ**, в зависимости от которого правительственные откупа и налоги, таможенные департаменты, ввозные и вывозные пошлины, торговые, судовые, портовые и якорные сборы, правительственное аукционное учреждение, управление и продажа казенных земель, оловянные рудники, монополия соли, штрафы и конфискации и пр. пр.

3) **Правительственных продуктов и складов**, в которых хранятся продукты, получаемые с правительственных культур до отправки их в Голландию. Этот департамент тоже ведает предметами, необходимыми для нужд правительства, надзирает за покупкой и продажей правительственных движимых иму-

ществ, продуктов и тикового дерева, за наймом и нагрузкой судов для перевозки правительственных продуктов. Администрация и продажа соли внутри страны, почты, почтовые лошади и дома и правительственная типография также подведомственны этому департаменту.

4) **Управление культур**, обязанности которого — следить за правильной по всему острову культурой риса, за культурой всех продуктов правительства, пригодных для европейских рынков, за сохранением тиковых лесов и за поддержанием количества скота и лошадей. Земледельческая и химическая лаборатория в Бейтензорге тоже под надзором этого департамента.

5) **Управление публичных работ** ведает устройством и ремонтом публичных зданий, дорог, мостов, каналов и пр.

За последние года возникли два новых департамента, а именно: **управление рудниками**, имеющее большой штат инженеров и **управление телеграфами**. Телеграфные линии пересекают теперь Яву по всем направлениям, а другие усиленно прокладываются правительством для соединения различных частей Нидерландской Индии между собою и с Сингапуром на севере и Австралией на юго-западе.

Кроме вышесказанных департаментов в состав высшей администрации входит департамент генеральной счетной экспедиции. Последний ведает ликвидацией всех публичных счетов и все служащие ответственны ему за имеющиеся у них казенные суммы. Он надзирает также за публичными богоугодными заведениями.

Переходя теперь ко внутренней администрации, мы, как сказано было выше, видим, что страна разделена на резидентства, регентства, округа, участки и сельские общины; причем власть распределена между голландскими и туземными должностными лицами. Резидентствами управляют резиденты, имеющие помощниками ассистент-резидентов и контролеров, и те и другие — голландцы, назначаемые генерал-губернатором.

Европейские служащие обязаны знать до мельчайших подробностей все, касающееся резидентства; отношения же их к туземцам ограничиваются общим надзором, советами и содействием. Настоящим же управлением туземцев обложены исключительно туземные начальники. Резидент подчиняется только генерал-губернатору в совете и состоит полным хозяином в своем резидентстве, но туземный резидент — единственный видимый источник власти. Европейские служащие лишь высказывают свое мнение, дают советы и докладывают, но не уполномочены лично отдавать приказания или настаивать на их исполнении. Уважение, оказываемое им, и в большинстве случаев охотное исполнение туземными начальниками их внушений, естественно, устраняют частое нарушение этих правил.

В то же время европейские служащие всегда доступны и готовы выслушивать всякие жалобы. Они не отвечают на подобные жалобы приказаниями ни даже уверением истца, что он будет удовлетворен. Это считалось бы оскорблением туземного начальника, который донес бы о том, как о нарушении его власти, так как яванцы особенно чутки относительно всего, касающегося их чести. Европейец говорит истцу, что он снесется с туземным начальником и докажет ему, в чем его приказание или поведение непредвиденно стали причиной несправедливости или вреда, и, несомненно, он будет слишком рад отменить приказание или исправить сделанное зло. Если туземный начальник действительно серьезно провинился, то в своем рапорте контролер объяснит это более сильными выражениями и на словах с ним выразит свое настоящее о нем мнение. Во всяком случае, так или иначе туземцу постоянно оказывается покровительство европейскими служащими, хотя ни один европейец не имеет прямой власти над ним.

Можно сказать, что все это лишь самообольщение, так как голландцы — хозяева страны, и хорошо известно, что все приказания и требования исходят от них, кем бы они ни выполнялись, но на деле не так. Резидент может и, в случае нужды, действительно внушает регенту отдать такие или другие приказания низшим туземным начальникам, но, за исключением особых и безотлагательных случаев, никакая перемена не производится без предварительного совещания между резидентом, регентом и другими членами ландраада*. Таковые совещательные собрания ландраада бывают еженедельно или чаще, смотря по требованиям резидента. Кроме этих совещательных собраний, резидент и регент встречаются почти ежедневно по разным делам, касающимся администрации регента под руководством резидента.

Таким образом, правление каждого регентства ведается исключительно регентом и его туземными подчиненными, и первый имеет право снестись с высшим правительством касательно всякого указания резидента, с которым он и его туземные советники несогласны. Независимость суждения регента поддерживается его убеждением, что он ответственен за дурные последствия всякого приказания, отданного им, даже когда таковые приказания основаны на указаниях резидента. Вместе с тем, если регент беспричинно уклоняется от благоразумных советов резидента, то его не замедлят удалить. К чести голландского правительства следует сказать, что случаи, когда мнения регента и его туземных советников относительно туземного управле-

* Совет резидентства.

ния не принимаются во внимание правительством, весьма редки. Вследствие этого приказаний и требований, которые, по-видимому, исходят от регента, не приписываются столько голландцам, сколько ему и его совету. Таковые приказания, вероятно, по существу более подходят под туземные понятия и, конечно, менее неприятны, чем, если бы предполагалось, что они идут от иноземных повелителей, а не от старинной и чтимой местной аристократии. Административные взыскания и удаления от должности без всякой судебной сложной процедуры немало влияют на исполнительность туземных должностных лиц и на отсутствие с их стороны умышленного противодействия распоряжениям и воле правительства.

Резидентство

1) **Резидент**, обладая высшей административной, фискальной и судебной властью в резидентстве, имеет и общий контроль в пределах его; но, кроме того, он одновременно исполняет и непосредственные обязанности администратора, сборщика податей и судьи в одном из регентств своего резидентства. Судебная власть его, как председателя ландраада и как главного судьи резидентства — и уголовная, и гражданская. Единоличная власть его в полицейском отношении весьма ограничена: европейцев он может присуждать лишь к штрафу не свыше 50 флоринов*, восьмидневному аресту или к высылке в одну из столиц для отдачи под суд высшему судебному учреждению, состоящему из голландских юристов, туземцев же — к тем же наказаниям и, кроме того, к двадцати ударам розог и трехмесячной работе на дорогах.

Резидент лично знает всех многочисленных туземных служащих своего резидентства, так что ему известны их характеры и способности. В особых книгах ведутся подробные семейные списки населения; кроме того, каждая деревня занесена на карты с обозначением количества земли, принадлежащей ей как общине и всякому крестьянину отдельно. Месячные отчеты снабжают резидента точными сведениями о площадях обработанной и необработанной земли и о предполагаемом урожае. Полученные таким образом справки не только вписываются в книги, но и проверяются лично резидентом во время его частных объездов.

Все эти подробности относительно местного населения приобретаются не путем соглядатайства, а посредством постоянных сообщений и дружеских сношений резидента и его подчиненных с туземными начальниками и народом.

* То же, что гульден.

Таковые сношения и знакомство вместе с достигнутым через них точным знанием привычек, желаний и мыслей туземцев считаются голландцами одним из лучших результатов системы правительственных культур, благодаря которой оно возникло. Малейшее туземное неудовольствие немедленно делается известным, его причины исследуются и тотчас же оказывается в самом либеральном духе помощь, будь то общине или отдельному лицу.

Резидент получает 12 тысяч рублей жалования ежегодно и столько или более в виде процентов с культур, что составляет в общем 25 тысяч рублей ежегодного дохода. Кроме того, он пользуется бесплатно резидентским домом и землей.

2) **Секретарь.** При каждом резиденте состоит секретарь-европеец, считающийся по чину вторым после ассистент-резидента и председательствующий в ландрааде в отсутствии резидента. Секретарь заведует правительственными торгами, судебными взысканиями и всеми делами по наследству, ведет метрические и другие книги, отчетности культур, регистрирует месячные отчеты контролеров, состоит публичным нотариусом и пр. пр.

Кроме годового жалованья в пять тысяч рублей и дарового помещения, он взамен процента с культур получает в установленной норме доход со всех сделок, метрических записей и нотариальных дел и имеет, таким образом, от 7 тысяч до 13 тысяч рублей ежегодно.

В зависимости от секретаря находятся старший письмоводитель и несколько писарей; все на жаловании от правительства.

В политическом отношении Ява делится на резидентства, состоящие под главным руководством резидента; в административном же отношении главной территориальной единицей является подразделение резидентства на регентства. В каждом регентстве состоит при туземном регенте европеец — ассистент-резидент как представитель голландского владычества. Резидент, кроме общих обязанностей по управлению резидентством, исполняет в своем регентстве и обязанности ассистент-резидента и считается состоящим при регенте.

Туземные должностные лица назначаются из высшего туземного сословия или из бывших владетельных княжеских родов. Насколько возможно голландцы тщательно охраняют старинный сословный строй, дабы поддержать в населении нравственный авторитет туземной администрации. Европейским служащим всегда внушалось обращаться с лицами туземного управления в равноправном положении, как «с младшими братьями», и *de facto* отношения между ними, по-видимому, вполне искренние, открытые и дружественные.

Ландраад, в котором заседают резидент или ассистент-резидент и два туземных члена, назначаемых генерал-губернатором,

облечен широкой карательной властью, обнимающей все наказания, исключая смертной казни и ссылки свыше двадцати лет.

Управление регентством

Европейские должностные лица

Ассистент-резидент. Регентством управляет ассистент-резидент под руководством резидента, который в регентстве, где имеет местопребывание, исполняет обязанности ассистент-резидента.

Содержание ассистент-резидента состоит из жалованья и известного процента с правительственных культур. Все вместе равняется приблизительно 10 тысяч руб. в год.

Письмоводитель. Многие из публичных сделок, как то: перевод земельного имущества и др., могут быть произведены только в главном городе резидентства перед резидентом и его секретарем. Таковые же из обязанностей секретаря, которые могут быть исполнены в дальних регентствах резидентства, возложены на старшего европейского письмоводителя ассистент-резидента и на его штат туземных писарей.

Туземные должностные лица

Регент. Главное туземное должностное лицо в регентстве — регент; назначаемый генерал-губернатором, он считается по чину вторым после резидента и пользуется правом первенства над всеми остальными европейскими служащими, за исключением тех случаев, когда низшее европейское должностное лицо председательствует ландраадом.

Регент весьма редко увольняется от должности, которая в большинстве случаев наследственна в его семействе. Он окружен всей пышностью и представительностью туземного двора и держит многочисленную свиту, через которую проходят его приказания по регентству; ему подчинены все туземные начальники и население. Таким образом он на вид является управителем и повелителем своей страны. *Веданы* находятся под непосредственным наблюдением и управлением регента и получают приказания только от него. Регент, кроме того, имеет звание старшего духовного лица регентства и, состоя главным членом ландраада и председателем суда регентства, он облечен широкой судебной властью в гражданских и уголовных делах.

Кроме жалованья и процента с культур, что равняется 16-30 тысячам рублей в год, он имеет еще и земельную собственность, присвоенную его по должности. Такое значительное содержание назначено регентам не только как вознаграждение за занимаемую ими должность, но преимущественно взамен отнятых у

их предков владений, принадлежавших им, или вследствие дворянского их происхождения или как владетельным князьям.

Мудрое признание голландцами того значения, какое приписывается туземцами положению и знатности рода, видно по данным регентам инструкциям, по которым приписывается строго соблюдать и поддерживать различия положения. Голландцы избегают возможность ненависти туземцев официальным признанием важности таких вопросов, но разумно предоставляют им самим следить за их соблюдением. В этом отношении они вполне расходятся с англичанами, которые относятся с презрением ко всем социальным различиям, за исключением своих собственных.

При регенте находятся: в качестве помощника — *пати*, заменяющий своего начальника в его отсутствии и принадлежащий всегда к высшему сословию, туземный совет, состоящий из *вази-фа*, *джакса* и др., ведающих различными отделами полиции, правосудия и религии, туземный секретарь и письмоводители.

Контролерские округа

Контролер. Составляя подразделение резидентства, регентства в свою очередь делятся на 2-4 контролерских округа, которыми управляют контролеры. Обязанности последних состоят в наблюдении за благосостоянием жителей и надзор за плантациями. Контролер обязан объезжать каждый месяц все деревни, плантации и склады своего округа и представлять отчеты по ним непосредственному своему начальнику — резиденту — и ассистент-резиденту. Контролеру поручен не только надзор за культурами его округа, но также и практическое руководство их посредством убеждения крестьян и внушений местным туземным начальникам. Он председательствует в податной комиссии, оценивающей ежегодно урожай риса и сахарного тростника. У контролера широкие полномочия для примирения и посредничества и к нему в большинстве случаев обращаются крестьяне со своими жалобами, которые он обязан выслушать и по мере возможности удовлетворить. Сам по себе он не облечен никакой судебной или иной властью и должен только примирять, исследовать и докладывать. Туземные *веданы*, *мантри* и даже *лу-рахы* не подчинены ему и он имеет лишь право указать на найденный им беспорядок с предложением изменить или улучшить то или другое. Но отсутствие власти не влияет на его престиж как европейца и на положение как служащего; туземные начальники сопровождают его во время объездов уезда и им он делает свои замечания. Туземным должностным лицам известно, что доклад контролера о замеченных им упущениях будет послан его начальством регенту, гнев которого с различными неприятными последствиями обрушится на них же.

Место контролера есть низшее в иерархии европейских должностей, но ее могут занять только лица, принадлежащие первому или второму классу. Контролерский чин имеет три степени; контролер третьей степени имеет 2500 рублей жалованья в год и для изучения своих обязанностей состоит в течение нескольких месяцев помощником другого контролера, после чего он получает отдельный округ и числится контролером второй степени с ежегодным содержанием в 2750 рублей. Прослужив известное число лет — он производится в контролеры первой степени, жалование которого 3750 рублей с даровым помещением. В отсутствии резидента или ассистент-резидента он заменяет их, исполняя одновременно различные обязанности, порученные ему его начальством.

Уезды

Ведана. Регентства подразделяются на 5-6 уездов, во главе которых находятся туземные начальники, называемые *ведана*. Избираемые туземным населением из высшего местного сословия и утверждаемые резидентом, они подобно регентам пользуются преимуществами своего положения.

Ведана должен встречать контролера при въезде его в уезд и сопровождать его во время объездов; он состоит председателем уездного суда, в котором разбираются все мелкие случаи споров и самоуправства в крестьянской среде, приводит в исполнение приказания регента и ведает всеми полицейскими делами уезда. Под его непосредственным руководством находятся молодые *мантри*, прикомандированные к нему.

Участки

Мантри. Уезды подразделяются на участки, каждый из которых управляется *мантри*. Последние бывают с содержанием и без содержания. *Мантри* без содержания назначаются *веданом* в его уезде по его личному усмотрению и в каком ему угодно количестве. Должность эту занимают всегда сыновья или родственники регента или *веданъ*; все молодые люди высшего сословия, и даже наследник регента, по принятому обычаю, числятся *мантри*. Единственное вознаграждение их состоит в небольшой доле процента с культур, получаемого *веданой*, но так как это единственный путь к государственной службе и к участию в управлении своими единоплеменниками, которое туземцев дворянского сословия считает своим достоянием, то каждый молодой человек этого сословия обязательно поступает в звание *мантри* в надежде получить со временем платную должность.

Бесплатные *мантри* присутствуют в уездном суде, исполняют поручения и следят за их выполнением сельскими начальниками.

ми и крестьянами. Количество и личный состав *мантри*, окружающих *ведану*, является предметом тщеславия последнего и всякое уличение одного из них в злоупотреблении отзывается и на его сослуживцах — *мантри*, и на его *ведане* столько же, сколько и на нем.

Мантри, имеющие штатное место, выбираются населением, с утверждением резидента, из числа неплатных *мантри* всего регентства и даже резидентства и управляют участками под наблюдением *веданы*.

Сельские общины или *деса*. Последняя единица в административном делении страны — сельские общины или *деса* — подчинены старостам или *лурахам*, назначаемые резидентом по свободному выбору крестьян на один год. *Лурах* получает 8% с поземельного сбора и % с правительственных культур; он ответствен за порядок в своем селении, исполняет полицейские обязанности, заведует деревенскими сторожевыми домами или *гарду*, расставленными по всему острову, и собирает подати с крестьян.

Должность сторожа не оплачивается, а исполняется по очереди всеми крестьянами каждой деревни.

* *
*

В двух княжествах *Vorstenlanden** Суракарта и Джокьякарта прежнее управление сохранилось в целости. Суракарта официально подчинена императору или *сусухунану*, Джокьякарта — султану. И тот и другой в своих владениях** правит во всех отношениях вполне самостоятельно, но при их дворах находятся резиденты, наблюдающие за их действиями и ограничивающие произвол.

Действующая на Яве организация правосудия в главных своих чертах была установлена при английском управлении сэра Стемфорда Раффлза. До того времени правильное судопроизводство существовало только в окрестностях Батавии. Внутри страны сохранился без всякого изменения и контроля старинный, неудовлетворительный во всех отношениях туземный порядок. Одна из существенных особенностей судебно-полицейских нововведений Раффлза состоит во внимательном отношении при отправлении правосудия к общественному положению подсудимого: так, напр., ни одно из туземных должностных лиц не может быть привлечено к судебной ответственности без ведома и согласия генерал-губернатора. Члены семейств этих лиц

* Дословно: княжеские земли (*голл.*) — территории, номинально находящиеся под прямым управлением *сусухунана* (Соло) и султана (Джокьякарта).

** Суракарта имеет 6228 кв. км и 1071090 жителей, а Джокьякарта — 3089 кв. км. и 642728 жителей. (Прим. О.А. Щербатовой).

и они сами подсудны европейским судебным палатам, заседающим в столицах. Судебные заседания в этих случаях происходят при закрытых дверях и судебное решение постановляется судьями-европейцами по выслушании мнений представителя туземного духовенства и двух туземных начальников, назначаемых для каждого отдельного случая генерал-губернатором.

Туземцы высших классов вызываются в качестве свидетелей только в случае крайней необходимости и с разрешения каждый раз генерал-губернатора. Самое приглашение производится в виде особенного, учтиво написанного письма. В суде они имеют право сидеть рядом с судьями и вообще им оказываются всякие знаки почтения.

Таким образом достигается применимость суда к народным взглядам восточного населения, для которого непонятна теория общественного равенства и которое выше всего ценит свою родовую честь, дающую ему известное общественное положение. Один из главных пунктов обвинения со стороны туземцев в Индии против англичан во время восстания 1856 года* заключался в посягательстве на родовую честь при судопроизводстве.

В общих чертах судебная организация на Яве представляется в следующем виде: первоначальное дознание о преступлении или проступке производится или *веданой* или *мантри* по сообщению им о происшествии сельским *лурахом*. Незначительные проступки рассматриваются в дисциплинарном порядке в уездных судах, состоящих под председательством *веданы* из двух низших туземных начальников, назначаемых с общего согласия резидента и регента. Решение суда устанавливается большинством голосов и безапелляционно; причем наказание не должно превышать штрафа в три флорина. В случае несостоятельности регент может заменить штраф арестом до трех дней. Уездный суд заседает раз в неделю. Два раза в месяц журнал решений суда представляется регенту, который передает его резиденту со своими замечаниями.

Более серьезные проступки передаются от *веданы* регенту, секретарь по судебным делам (*джакса*) которого составляет о них краткий доклад; после чего дела, подходящие под ведение регентского суда, готовятся к первому предстоящему еженедельному заседанию.

Регентский суд состоит, под председательством регента, из туземных начальников в количестве, определяемом и назначаемом по усмотрению резидента; он налагает взыскания штрафов не свыше 10 флоринов или, в случае несостоятельности, шести дней ареста; апелляционной инстанцией в этих решениях является ландраад. Преступления и проступки, неподсудные двум

* Восстание *синаев* (1857–1859).

вышеназванным судам, поступают на рассмотрение резидента в судебном порядке. Он или оставляет дело без последствия, или распоряжается о задержании виновного и о приводе его в свое присутствие в определенный день. К этому дню *джакса* должен представить доклад с изложением обвинительных и оправдательных пунктов. Выслушав доклад *джаксы*, объяснения виновного и свидетелей, резидент или прекращает дело, или постановляет о передаче его в судебное место по принадлежности.

Проступки туземцев между собой, не подлежащие рассмотрению двух низших судов, и проступки арабов, мавров*, китайцев, не подлежащих туземным судам, разбираются в полицейском порядке резидентом единолично, в качестве судьи. Решения резидента обжалуются в кассационном порядке перед верховным судом в Батавии.

Из судебных учреждений, правильно организованных, первое — ландраад, заседающий в главных городах резидентств и большей части регентств; так, на 25 резидентств и 78 регентств имеется 67 ландраадов. Европейцы и лица, по своему положению им приравненные, не подчинены ландраадам.

Ландрааду подведомственны все преступления, исключая наиболее тяжких. Он может присуждать к каторжным работам, тюремному заключению, штрафам и наказанию до 40 ударов розгами. Присутствие ландраада состоит из резидента, регента, трех туземных судей из отставных регентов или *ведан*. Обязанности прокурорского надзора и секретаря исполняет *джакса*; кроме того, участвуют мулла и европейский секретарь. Заседания публичны, но без участия поверенных. При опросе свидетелей присутствует их ближайшее местное начальство и высказывает свое мнение как о самом показании, так и о личности свидетеля. Решение ландраада до приведения в исполнение поступает на рассмотрение верховного суда.

Для более тяжких преступлений, совершенных туземцами, существуют окружные суды, которых на Яве и Мадуре пять. Председатель окружного суда и его секретарь назначаются из лиц, имеющих степень магистра прав. Заседания происходят раз в два месяца. Присутствие состоит из назначаемых из числа должностных лиц восьми туземных судей, из которых четыре должны обязательно быть налицо; кроме того, присутствуют *джакса* и мулла. Решения суда поступают тоже на рассмотрение верховного суда. Смертный приговор приводится в исполнение с утверждения генерал-губернатора.

Для европейцев и высших классов туземцев имеются восемь судебных палат, состоящих из председателя, трех или четырех членов и двух секретарей.

* В данном случае — чернокожих африканцев.

Европеец, совершивший преступление, неподсудное власти резидента, может быть арестован только европейцами и препровождается в одну из столиц под конвоем европейцев на почтовых лошадях.

Верховный суд, заседающий в Батавии, является главным блюстителем законов для всей Нидерландской Индии и в этом смысле он — высшая кассационная инстанция. Он состоит из председателя, вице-председателя, семи членов, одного юрисконсульта, двух правительственных присяжных поверенных и трех секретарей, которые все должны быть в степени доктора прав.

Верховный суд подразделяется на два департамента: один для проверки решений ландраадов, другой — для остальных дел.

Самостоятельная судебная деятельность верховного суда простирается только на высших голландских должностных лиц.

Войско Нидерландской Индии исключительно колониальное: регулярное войско Голландии никогда не посылается на службу в колонии, но отдельным солдатам с разрешения их начальников дозволяется поступать в ряды колониальной армии, которой они составляют кадры. Туземные и европейские солдаты распределены по ротам; причем в батальоне* роты бывают разных национальностей. Артиллерия состоит из европейских артиллеристов с туземными ездовыми; кавалерия же — из европейцев и туземцев. Пехота, которая составляет самую важную часть армии, разделена на полевые, гарнизонные и резервные батальоны. Все штаб-офицеры — европейцы, за исключением некоторых туземцев, которым даны почетные чины. В каждой туземной роте, кроме того, по крайней мере, половина унтер-офицеров состоит из европейцев. В конце 1890 года войско состояло из 1384 офицеров и 32547 унтер-офицеров и рядовых, из которых 13663 европейцев, 2347 амбонцев и африканцев и 16537 туземцев.

В Батавии имеется военная академия, а при каждом батальоне — школа для солдат.

Флот. В противоположность армии, которая исключительно колониальная, флот отчасти колониальный, отчасти голландский, и поэтому расходы распределены поровну между Голландией и Нидерландской Индией. В конце 1889 года королевский флот состоял из 27 судов с экипажем численностью в 2380 европейцев и 913 туземцев; колониальный флот — из 36 судов с 117 европейцами и 1353 туземцами.

*Каждый батальон состоит из 4 рот: двух европейских и двух туземных или одной европейской и трех туземных. Метисы находятся на совершенно равной ноге с европейцами. (Прим. О.А. Щербатовой).

Глава IV

Система правительственных культур.* Прежде чем приступить к описанию системы правительственных культур, следует упомянуть о прежнем экономическом и политическом состоянии Явы, которое может быть подразделено на три эпохи.

1. Первая эпоха относится к периоду голландского владычества, предшествующего занятию острова англичанами в 1811 году; в то время народ находился под бесконтрольным управлением своих туземных вождей. Взяточничество и произвол характеризовали судебно-полицейский строй острова без надзора голландской администрации. Население было обременено работами и сборами, а имущественные и личные права ничем не обеспечивались от своеволия и самоуправства. Результатом для народа такого порядка было крайнее обеднение и постоянное выселение из голландских владений в туземные княжества.

Финансовый же результат для правительства выражался в том, что трехмиллионное население платило всего два с половиною миллиона рупий. Впрочем эта сумма при строгом и неразборчивом на средства управлении генерал-губернатора маршала Дандельса в 1810 году, непосредственно перед пришествием англичан, возросла до трех с половиною миллионов рупий.

2. Вторая эпоха обнимает собою время занятия Явы англичанами с 1811 до 1816 года, когда генерал-губернатором сэром Стемфордом Раффлзом были введены крупные реформы, вследствие которых при сдаче англичанами управления Явой голландцам положение этого острова, по произведенным исследованиям, оказалось в следующем виде.

* В отечественной литературе принят сейчас термин «система принудительных культур».

Правительству принадлежало $\frac{7}{10}$ всей земли во владениях, подвластных Голландии; в Преангере регенты имели $\frac{2}{10}$ земли; вокруг Батавии европейцы и китайцы владели на правах частной собственности землей, проданной им голландскими генерал-губернаторами до английского владычества. Всего земель в частном владении было $\frac{1}{10}$, расположенная и по настоящее время (1860 г.) в резидентствах Батавии, Бейтензорга, Бантама и Краванга на западе и северо-западе острова. В Сунде и Преангере англичане придерживались договора голландцев с регентами, предоставляя им управление и эксплуатацию страны за известный налог кофеем. В остальных частях острова, находящихся под владычеством англичан, туземные начальники были лишены всякого права на землю и взамен этого получали пенсию.

На место правительственного права на земельную собственность англичане ввели мадрасскую систему *райотвари*, т.е. подворное крестьянское землевладение, одинаково не симпатичное как туземным начальникам, так и населению.

Финансовые результаты английского управления выражаются в следующих цифрах: доходность увеличена с 3,5 до 7,5 миллионов флоринов, из которых, впрочем, один миллион приходился за олово из Банки*, которого голландцы не получали; затем 2,5 миллиона поземельного сбора с крестьян. Раффлз отменил обязательный пятый день отработки и увеличил поземельный сбор, доведя его до $\frac{1}{3}$ и даже до половины валового дохода с земли, хотя население Явы всегда предпочитало этому способу взимания поземельного сбора прежний. Судопроизводство, установленное Раффлзом, хотя и основанное на обычаях страны, отправлялось исключительно европейцами и навряд ли было так удовлетворительно, как в том виде, в котором оно изменено теперь голландцами. Зато организацию полиции следует признать вполне удовлетворительной.

Но, кроме всего изложенного, голландцы указывают на совсем новое начало, введенное англичанами во время их управления Явой, а именно: продажу земельной собственности за недоимки и по судебным взысканиям — за долги. Начало это, всюду вводимое англичанами на Востоке, по уверению голландцев, в весьма непродолжительное время привело бы к тому, что вся земля перешла бы от туземного населения в руки китайских ростовщиков. С водворением голландцев, хотя порядок этот сохранился для частного европейского землевладения, но был вполне изменен для туземцев, и голландцы справедливо хвастаются тем, что ни за какие долги или обязательства при них не

* Остров Банка (Бангка) близ восточного побережья о. Суматра, богатый оловом.

были продаваемы ни земля, ни рабочий скот, ни земледельческие орудия.

3. Третья эпоха с 1816 по 1830 год простирается на весь период владычества голландцев после уступки им англичанами Явы до генерал-губернатора ван ден Босха. В этот период времени голландцы продолжали придерживаться введенной англичанами системы управления, изменив его только в частностях. Результаты были самые плачевные и, по словам голландцев, она быстро вела к разорению страны: недоимки по земельному сбору ежегодно безнадежно увеличивались, население безусловно не в состоянии было их выплачивать и как следствие общего обеднения, из года в год падала способность к выполнению натуральных повинностей, выгоды от которых страна лишилась при английской денежной системе, не получив ничего взамен. Так как голландское правительство не желало продавать крестьянских земель за недоимки, то оставалось лишь одно: простить все накопившиеся за это время недоимки и начать сызнова по новому плану. Филантропическая система сэра Стемфорда Раффлза была уже испытана и не удалась, поэтому голландцы без всяких колебаний решились уничтожить систему *райотвари* и возвратиться к прежним туземным порядкам. С 1830 года и была применена новая система управления, из сравнения которой с предшествующей и из подробного изложения которой ясно будет ее значение.

Система управления голландцев в Ост-Индии, введенная в 1830 году, является прямой противоположностью английской системе в Индии. Во время английского владычества с 1811 по 1816 год к Ост-Индии была применена система землепользования, существующая в Мадрасском резидентстве под названием *райотвари* и основанная на предположении, что вся земля принадлежит государству; пользование же ею предоставляется, за уплатой половины валовой доходности, крестьянам-землевладельцам. С 1816 года по 1830 год голландцы мало-помалу уничтожили английскую систему и возвратились к туземному порядку, состоящему во взимании с земли частью денежного налогом и частью натуральной повинностью. Вместо половины валового дохода они стали взыскивать согласно яванским преданиям $\frac{1}{5}$ валового дохода деньгами и один день из пяти работой, который был сокращен впоследствии до седьмого дня. Обложение земли впрочем было различно, согласно разным формам землевладения. В провинциях Преангер, Суракарта и Джокьякарта обложение земли поступало в пользу туземных князей. Крупное землевладение, получая земельные повинности с населения, платило голландскому правительству пятую часть чистого дохода.

Крестьянское землевладение подразделялось на земли: 1) состоящие в общинном пользовании; 2) новозаимочные, поступаю-

шие во владение крестьянина их разработавшего и 3) старозаимочные, перешедшие по наследству. Новозаимочные земли, впервые обработанные, освобождались в течение первых пяти лет от всяких повинностей. Таким образом, при голландском управлении все земли, населенные крестьянами, платили ему $\frac{1}{5}$ деньгами с валового дохода и владельцы их обязаны были работать седьмой день в пользу государства или крупного собственника. В провинциях, управляемых туземными князьями, сельское население вместо седьмого дня должно было выходить на работу каждый пятый день. Благотворное влияние голландской системы относительно землепользования проявлялось особенно в защите как крупного, так и мелкого землевладения от ростовщичества и злоупотреблений кредиторов. Правительством были предусмотрены и приняты все меры к тому, чтобы землевладельцы не были бы принуждены уплатить более, чем следует, и чтобы при взыскании судебным порядком имущество их не было бы обесценено. Между тем, в Индии английское управление держится в этих случаях в стороне, и развитие ростовщичества и обезземеление населения есть одно из наибольших зол современной Индии, вызывающее сильное недовольство в народе.

Но все эти полумеры стушевываются перед коренным преобразованием, произведенным в 1830 году генералом ван ден Босхом. Реформы ван ден Босха, казавшиеся неосуществимыми и плодом пылкого воображения, создали благосостояние Явы и дали такие блестящие финансовые результаты, что вместо ежегодного дефицита она стала выплачивать Голландии значительные суммы денег.

В 1830 году генералом ван ден Босхом введена на Яве так называемая система правительственных культур. На первый взгляд проект ван ден Босха мог показаться плодом дикой фантазии, но результаты, которые получились, не только оправдали, но даже превзошли все самые преувеличенные ожидания. Они за двадцатипятилетнее управление ван ден Босха могут быть выражены в следующих цифрах: доходы правительства поднялись с 24 миллионов флоринов до 115 миллионов. Вместо прежнего дефицита стал поступать излишек в 45 миллионов флоринов. Расходы по управлению увеличены с 24 миллионов до 36; производительные расходы возросли с ничего до 24 миллионов флоринов; ввозная торговля с 20 миллионов флоринов достигла 60 миллионов; вывозная с 24 до 100 миллионов; преступность и сутяжничество значительно сокращены; увеличение населения с 6 миллионов обнищавших крестьян, платящих всего 24 миллиона флоринов, т.е. 6 шиллингов с головы, дошло до $11\frac{1}{2}$ миллионов богатейшего населения на Востоке, дающего 112 миллионов флоринов или 16 шиллингов с головы.

Проект ван ден Босха основывался на привлечении заслуживающих доверия европейцев к сельскохозяйственным предприятиям посредством широкого и беспроцентного правительственного кредита и на побуждении населения к насаждению казенных земель, остающихся за посевом риса, плантациями, дающими разные колониальные товары, имеющие сбыт в Европе.

При этом имелось ввиду доставить: 1) выгоду земледельцу, 2) выгоду предпринимателю, 3) известный процент лицам местного управления, 4) заинтересовать в этом сельские общины и 5) поднять благосостояние населения, дабы увеличить его платежную способность.

Мелиоративный кредит состоял в том, чтобы каждый предприниматель имел открытый счет в книгах одной из отраслей управления страны в размере до 200 тысяч флоринов. Этим кредитом разрешалось ему пользоваться на собственное содержание до осуществления предприятия в размере 1500 флоринов в месяц. Кредит этот открывался на 12 лет без процентов и с уплатой, начиная с третьего года, по одной десятой ежегодно.

Пользование кредитом должно было производиться под ближайшим правительственным надзором на предметы, необходимые для ведения дела: постройки, приспособления водяной силы, выписки из-за границы машин. В течение первых двух лет в распоряжение предпринимателя предоставлялась необходимая даровая рабочая сила местного населения, строевой лес с казенных земель выдавался безвозмездно, а машины получались им из Европы беспошлинно. Кроме того, ему разрешалось бесплатно пользоваться почтовыми лошадьми. Департамент, заведующий правительственными плантациями, обязан был сообщать все нужные сведения и указания и весьма широко открывал необходимый кредит соответственно заявлению о том предпринимателя и должностного лица, которому был поручен за ним надзор. Кроме всего этого, генералом ван ден Босхом было обращено внимание и на то, чтобы ко времени постройки сахарного завода окрестные селения посеяли требуемое количество сахарного тростника и чтобы своевременно предпринимателю были бы отпущены правительством необходимые деньги в долг без процентов на оплату и обработку сахарного тростника, которого приблизительно на каждый завод нужно было около 400 *баху** (полдесятины) или 200 десятин. Долг этот должен был быть возмещен правительству сахаром с завода. В первое время предприниматель был обязан представить правительству весь сахар своего завода по определенной цене, равнявшейся одной трети свыше стоимости производства. Впоследствии разрешалось переда-

* *Баху (baou)* – традиционная мера земельной площади, равная 0.71 га.

вать правительству только количество сахара, соответствующее сумме денег, выданной на годовой оборот предприятия и десятой части занятого основного капитала.

При первобытности существовавшего в то время производства сахара даже эти условия не являлись обеспечением доходности предприятия и потому первые плантаторы взялись за дело в уверенности, что ван ден Босх даст им возможность во всяком случае извлечь из предприятия значительную выгоду. Расчеты же ван ден Босха основывались на убеждении, что при увеличении заработной платы, при правительственной поддержке и надзоре возможно будет преодолеть существующие лень и неумение населения и увеличить урожайность земли. Льготы же, предоставленные предпринимателю, дадут возможность ему получить значительные выгоды. Правительство же воспользуется разностью между покупной и продажной ценой. Расчет для оплаты правительством получаемых колониальных продуктов основывался на тех соображениях, чтобы производство их было бы выгоднее культуры риса. Стоимость переработки считалась одинаковой с стоимостью произрастания. Для расчета же с предпринимателем эта сумма увеличивалась еще на одну треть. Принимая в соображение все льготы, даруемые предпринимателю и беспроцентную ссуду денег, эта треть суммы стоимости была для него чистой прибылью за потраченный им труд.

Для устройства плантаций сахарного тростника выбирались земли государственных крестьян, месторасположение и почва у которых признавались наиболее подходящими. Во время постройки сахарного завода правительственный контролер обязан был ознакомиться с окружающим крестьянским населением, живущим на казенных землях, исследовать почвы их наделов и пригодность их плантаций. Кроме того, определялось количество земли, необходимое для посева риса. Население было обеспечено в отношении неприкосновенности их рисовых плантаций. Затем его убеждали в выгоде устройства плантаций без увеличения количества требуемой от него работы и размеров обложения и ввиду удобства для уплаты казенных повинностей. Подходящему под означенные условия селению приказывалось насадить пятую часть его надела необходимыми для предпринимателя растениями. На Яве в силу обычая собственник земли имеет право распределять посевы живущих на его земле крестьян. Ввиду этого крестьяне, живущие на казенных землях, добровольно подчинялись такому распоряжению. Но для большей популяризации выгоды от вводимых плантаций они выставлялись возможно наглядно и убедительно населению.

Свои нововведения ван ден Босх основывал на тщательном изучении обычаев и сообразовывал с характерной медлен-

ностью, свойственной яванскому народу. При введении системы правительственных культур имелся в виду не столько успех от улучшений в обработке, сколько сознание действительных и непосредственных выгод. Так, селение, которое выделяло $\frac{1}{5}$ часть своей земли под насаждения, требующие не более работы, чем рисовые поля, и дающие товар для европейских рынков, освобождалось от уплаты земельных сборов за пользование всей своей землей. Кроме того, оно получало добавочную плату в случае, если урожай по ценности своей превышал размер следуемой с этого селения аренды. Недоборы же в случае неурожая всецело ложились на счет правительства. Наконец поурочный расчет был основан, принимая работу четырех человек за одного.

Впоследствии оказалось, что зачет урожая за земельную ренту был не вполне справедлив, так как в таком случае пользовались сложением ренты многие члены селения, не принимавшие участия в работах, так напр., более зажиточные, имевшие свои отдельные рисовые поля, обрабатываемые поденщиками. А потому, хотя и введенный в двух провинциях — Маджун* и Кедири, этот способ исчисления скоро был оставлен и восстановлен прежний порядок взимания аренды со всего селения и расчета по работам на плантациях с каждым домохозяином отдельно.

Система правительственных культур подразделялась на три главные отдела. Первый — только что описанный, второй — касающийся товаров, вывозимых в сыром виде и потому получаемых прямо от земледельцев без участия предпринимателей, и третий — культуры чаю, табаку и кошениля*.

Вводя систему правительственных культур, голландское правительство внимательно относилось к устранению всяких злоупотреблений со стороны предпринимателей. В то же время обязательства туземцев по обработке плантаций были строго определены. Заработная плата устанавливалась при участии туземных властей. Взыскание за недобросовестное исполнение работы производилось не иначе, как через установленных правительством властей.

Культура при участии предпринимателя производилась на казенных землях для сахара, синьки, кошениля, чая и табаку. Кофе, ваниль и перец добывались непосредственно от населения. Такое распределение способов добывания колониальных продуктов создавалось на основании опыта, которым выяснились наиболее выгодные способы привлечения капитала и разумного труда к делу.

* Кошениль — насекомые подотряда кокцид, из самок которых добывают красную краску — кармин. Живут на кактусе нопал, который был вывезен из Мексики на Яву.

Культура сахарного тростника. Переходя к рассмотрению подробностей ведения дела по отдельным продуктам, начнем с выработки сахару по договорам с предпринимателями. Установленная плата крестьянам за пикую сахару равнялась 3,5 флоринам. Расчет этот был основан на выходе в 30 пикуюлей* с *баху* тростнику, что должно было дать 105 флоринов с *баху* (полдесятины). Если же после переработки тростника на заводе получалось более, сверх предполагаемой нормы сахару, то крестьяне получали за каждый лишний пикуюль добавочные 3,5 флорина.

Предполагая, что в известной деревне имеется 100 *баху* земли под рисом, жители ее обязаны были посадить $\frac{1}{5}$ или 20 *баху* сахарным тростником, которые по указанному расчету, должны были дать 600 пикуюлей сахару. По цене в 3,5 флорина крестьяне имели получить за это количество тростника 2,100 флоринов немедленно перед уборкой тростника и независимо от того получится, ли указанное количество сахару. В то же время земля под сахарным тростником не могла быть обложена арендой высшей, чем сколько платила земля под рисом.

Наблюдение местных европейских и туземных властей за хорошей обработкой плантаций поощрялось небольшим вознаграждением с каждого пикуюля сахару, выработанного в уезде. Через несколько лет после действия этого порядка производительность *баху* сахарной плантации возросла с 30 до 40 пикуюлей и таким образом через два-три месяца после уборки население стало получать добавочных к выданным раньше 2100 флоринам еще около 700 флоринов. Если же плантация тростника была уничтожена пожаром или наводнением, или вследствие другой случайности до времени уборки, то крестьяне лишались всякого вознаграждения.

Сверх указанной платы крестьяне получали еще вознаграждение за уборку тростника и доставку его на завод. Вознаграждение за эти работы определялось предпринимателями при участии правительственного надзирателя и равнялось одному флорину с пикуюля. Таким образом население получало еще 800 флоринов добавочных, а всего с прежними на 20 *баху* плантаций около 3600 флоринов.

Поземельный государственный сбор мало изменялся из года в год и определялся оценочной комиссией, состоящей из европейского контролера, туземного уездного начальника, деревенского старосты и нескольких *мантри* или десятских. Оценка производилась на основании предполагаемого урожая риса, распределяя поля по трем категориям. В 1854 году можно было считать, что сто *баху* всех трех категорий были оценены по урожаю

* Пикуюль — традиционная мера веса, равная 67,8 кг.

риса в 4950 флоринов, с которых приходилось поземельного налога 950 флоринов.

Всех казенных земель под рисом в 1854 году на Яве было 1712,312 *баху*, из которых менее $\frac{1}{20}$ части или 63868, были под сахарным тростником и 1678,444 *баху* оставались в распоряжении населения под рисовыми плантациями. Поземельный налог с сахарных плантаций равнялся сумме 622282 флор., а с рисовых плантаций — 7995,689 флор., всего 8617,972 флор. В 1857 году площадь рисовых полей возросла на 275,797 акров и поземельный сбор дошел до суммы 9659,794 флоринов. Сравнивая доходность отдельного селения при прежнем порядке и при устройстве сахарных плантаций, окажется, что до 1830 года урожай риса по оценке на деньги равнялся со ста *баху* сумме в 4,950 флоринов, за вычетом из которых поземельного налога в 990 флор. оставалось 3,960 флор.; при сахарных плантациях в 1857 году то же селение получало урожай, оцененный в 7,200 флор., за вычетом поземельного налога в 990 флор., — 6,210 флор.

Благодаря выгодным условиям, созданным новой системой, крестьяне скоро освободились от задолженности китайским ростовщикам. Увеличенная покупательная способность вызвала новые потребности, удовлетворение которых создало новые отрасли промышленности. Благосостояние селений, у которых была введена система культур, отразилось и на окружающем их населении. Правильное распределение занятий в течение всего года заменило прежнее отсутствие заработков от времени уборки риса до посева, т. е. от июня до ноября, когда замечалось наибольшее число преступлений. Хорошие заработки в этот период времени дали занятие населению и сократили количество преступлений. Водопроводы, устраиваемые для приведения в действие сахарных заводов, послужили тоже и для орошения крестьянских земель. Сахарный завод явился местом сбыта для топлива, риса, бамбука, глиняных горшков, масла и других местных произведений.

Земли под сахарный тростник менялись каждый год и возвращались под плантации через пять лет. Работы на плантациях производились всеми домохозяевами сообща под наблюдением *куву**. Выдача платы за сахарный тростник была обставлена целым рядом условий, обеспечивающих ее исправность. Прежде всего прочитывался в присутствии всех крестьян, ассистент-резидента, правительственного контролера, туземных регента, *веданы* и *мантри* по списку поименный расчет следуемого вознаграждения. Ассистент-резидент обязан был довести до сведения правительства о всех обстоятельствах, при которых это чтение происходило и кем выдавались деньги на руки крестьянам.

* Сельский староста.

Для облегчения правительственных расходов по введению новой системы ван ден Босх ввез из Европы несколько миллионов медных денег, из которых и производились выдачи предпринимателям; причем эти деньги получили для внутреннего обращения ценность вдвое большую, чем в действительности. В шестидесятых годах, впрочем, эти денежные знаки вынуты из обращения и заменены настоящими серебряными и медными.

Предприниматели тоже получили от сахарного производства не меньшие выгоды, чем крестьяне, и выгода на отдельных заводах равнялась приблизительно от 60 до 72 тысяч флоринов в год.

Культура синьки. Добыча синьки была основана примерно на тех же началах, как и производство сахара. Но вследствие появления на рынке бенгальской синьки, отличающейся высшим достоинством, культура эта сильно упала на Яве. С развитием сахарного дела и до конкуренции Бенгалии культуре синьки голландское правительство стало отказывать в своем содействии предпринимателям и тем самым выдвинуло самостоятельную личную предприимчивость на казенных землях. Но, несмотря на выгодность условий, самостоятельные плантации не оказались удачными.

Культура кофе в провинции Преангер производилась без участия предпринимателей. При генерале Дандельсе в начале нынешнего столетия каждое горное селение обязано было иметь по тысяче кофейных деревьев на домохозяина. На пятый год после посадки определялась их производительность и селение обязано было доставить бесплатно в склады в приморские города $\frac{2}{5}$ урожая кофе, хорошо очищенного и первого сорта по качеству. В случае неисполнения обязательства селение должно было уплатить правительству по рыночной цене за недоставленное количество примерно 25 флоринов за пикюль. Для поощрения крестьян к продаже правительству остальных $\frac{3}{5}$ урожая оно обязывалось уплатить по указанной выше цене.

В действительности оказалось, что вследствие затруднительности доставки из гор в город урожая кофе крестьяне доставляли его гораздо менее $\frac{2}{5}$, предпочитая продавать его, хотя и дешевле, на месте или менять дома же на соль, привозимую с морского берега. Затем, не имея возможности уплатить следуемого с них штрафа за недоставку кофе, крестьяне более отдаленных местностей накопили значительные недоимки. Удовлетворительно этот порядок действовал только относительно селений, расположенных вблизи моря. Во время английского управления культура кофе почти совсем прекратилась, но с возвращением голландцев вновь восстановлена. Преобразования ван ден Босха в этом направлении состояли в проведении по всем селениям

хороших дорог и в постройке складов на местах производства кофе. Затем каждое горное селение обязано было посадить по 600 деревьев кофе на домохозяина и одновременно устроить питомники для возобновления плантации.

За культурой был установлен правильный надзор со стороны европейского контролера. Очистка зерна и доставка в склады были предоставлены на усмотрение населения. За каждый пиккуль, доставленный в склад, установлено платить 12 флоринов. Цена эта определялась следующим образом: принимая, что $\frac{2}{5}$ урожая кофе крестьянин обязан был доставить правительству в приморский склад без вознаграждения, в виде аренды за землю, а остальные $\frac{3}{5}$ — по 25 флоринов за пиккуль, получается средняя стоимость пикуля в 15 флоринов и за вычетом 3 флоринов за доставку из селения в приморский склад, которая заменена доставкой в местный, за пиккуль остается 12 флоринов. Доходность селения в сто дворов, имеющего кофейную плантацию, выражается в следующих цифрах: 600 деревьев на двор, дающие три пикуля кофе (по пикулю с 200 деревьев) по 12 флоринов за пиккуль, 96 флоринов на двор или 9600 флоринов на селение. Поземельный оклад не превышал одной тысячи флоринов со ста *баху*, составлявших обыкновенный размер рисовых плантаций селения в 100 дворов; но принимая в соображение низкую оценку горных земель, следует считать, что поземельный оклад был вдвое менее и, таким образом, селение в сто дворов получало деньгами за уплатой поземельных около 2400 флоринов. Самый же уход за кофейной плантацией весьма несложный и легкий. Таким образом выгоды горных селений от кофейных плантаций значительно выигрывают селений, расположенных в равнинах от плантаций сахарного тростника.

До введения системы генерала ван ден Босха провинция Преангер давала около 30 тысяч пикулей кофе, а остальная часть острова 320 тысяч. Из общего количества в распоряжении правительства хорошего кофе по 25 флоринов поступало около 118 тысяч пикулей, остальные 132 тысяч пикулей, плохо очищенные и сортированные, стоили не более 20 флоринов каждый или около $2\frac{1}{2}$ миллионов флоринов за все количество. Таким образом весь доход Явы от кофе до 1830 года равнялся $5\frac{1}{2}$ миллионам флоринов.

В 1854 году провинция Преангер, вместо 30 тысяч, дала 243654 пикулей кофе; остальные казенные земли на Яве дали правительству 840310 пикулей. Общее количество 1083,864 пикуля высшего сорта кофе были проданы в Голландии по 34 флор. 76 центов, за вычетом из которых стоимости провоза и расходов по продаже очистилось 27 флор. 45 центов. Общая выручка от кофе по цене его на Яве определилась суммой в 37 миллионов

флоринов, т. е. в шесть раз ценнее и в четыре раза больше по количеству, чем до 1830 года.

Должностные лица европейского местного и туземного управления точно так же, как и по сахарному производству, получали с поступившего урожая известный процент.

Культура ванили производилась в четырех резидентствах посредством целых селений, а в двух — наемными рабочими. Вообще культура ванили совсем свободна и ею может заниматься всякий, но вследствие ее невыгодности она мало привлекала к себе предприятия и если сохранилась в виде правительственной культуры, то только, чтобы дать хороший заработок населению.

Культура перца организована на тех же началах, как и кофейная. Под третью систему правительственных культур подходят **кошениль, табак и чай**. Означенные культуры производятся при участии предпринимателей и поденными рабочими.

Вообще мнение голландцев, что возможно быстрое развитие производительности дальнего Востока* состоит в совместном использовании плодородной почвы, обилии рабочих рук и заинтересованного и умелого европейского управления и капитала посредством правительственного кредита.

Торговля. Ежегодно увеличивающемуся значению Явы как торгового центра много способствовала отличная система путей сообщений и сеть железных дорог, соединяющих приморские города между собою и с главнейшими торговыми пунктами внутри страны. Шоссейные дороги с правительственными почтовыми домами (*пасанграханами*) и лошадьми имеются на всем острове и состоят в распоряжении не только европейских служащих, но и за незначительную плату всех путешественников.

Совершенно неверно мнение, что торговля Явы составляет до сих пор еще правительственную монополию. Как собственник большей части острова правительство действительно получает значительную часть, а по некоторым производствам — и все продукты с казенных земель, но личная предприимчивость и свобода торговли на Яве ничем не стеснена, и только опиум и соль составляют правительственную монополию, а также воспрещается ввоз оружия и пороха не для личного употребления.

Колониальные товары с государственных земель, кроме небольшой части, продаваемой на острове, вывозятся в Голландию

* Под дальним Востоком О.А. Щербатова подразумевает Восточную Азию, которая включает Юго-Восточную Азию и Дальний Восток или Северо-Восточную Азию (Китай, Монголию, Японию, Корейский полуостров).

только *Nederlandsche Handel Maatschappij*, или «Нидерландским торговым обществом», создавшимся исключительно для комисионной деятельности по продаже продуктов правительственных культур. Оно обладает большим капиталом, и правление его находится в Амстердаме; главная же контора общества — в Батавии с отделениями в различных частях Нидерландской Индии.

Статистические сведения по Нидерландской Индии. В 1889 году доход правительства был 135532,000 гильдеров*. В 1892 году доход распределялся по следующим статьям:

Налоги	27935000
Монополии опиума и соли	26467000
Продукты: кофе, хинхона, олово	28723383
Разные статьи	36474330
Итого	119599713 гильдеров

Расход же по бюджету был 137451,954 гильдеров

Доход состоит из поземельного сбора, налогов на дома и имения, патентных сборов, таможенных пошлин, правительственных монополий соли и опиума и различных косвенных налогов. Но бо́льшая часть дохода получается от продажи кофе.

Правительственные культуры распределялись в 1889 году следующим образом по количеству *баху*.

Рис	2749128
Кукуруза	977844
Фисташковый орех	220028
Разные растения	590326
Сахарный тростник	71078
Табак	110996
Индиго	24159
Хлопчатник	16327
Итого	4759884

Получение кофе в пикулях (1 пикуль = $3\frac{1}{2}$ пуда) на правительственных и частных землях в 1889 году на Яве, Суматре и Целебесе выражается в следующих цифрах:

Правительственных землях	647395
Частных землях	19741
Земли частных предпринимателей	128249
На арендных землях	356877
Итого	1152262

* Гульденов.

Получение на Яве с хинхоны*, чая, индиго и табаку:

	Годы	Число плантаций	Получение в килограммах
Хинхона	1889	96	2352957
Чай	1889	54	3717137
Индиго	1889	151	741861
Табак	1889	105	9603743
Сахар	1887	—	418000000
Соль	1885	—	57000000

В 1889 году было вывезено товаров на 173384,771 гильдеров. и ввезено на 197662,614 гильдеров.

В конце 1890 года на Яве было 1213 верст железных дорог, дающих доход в 8921,369 гильдеров. Телеграфных линий было в Нидерландской Индии (1889 году) 6430 верст.

*Кора хинного дерева.

Глава V

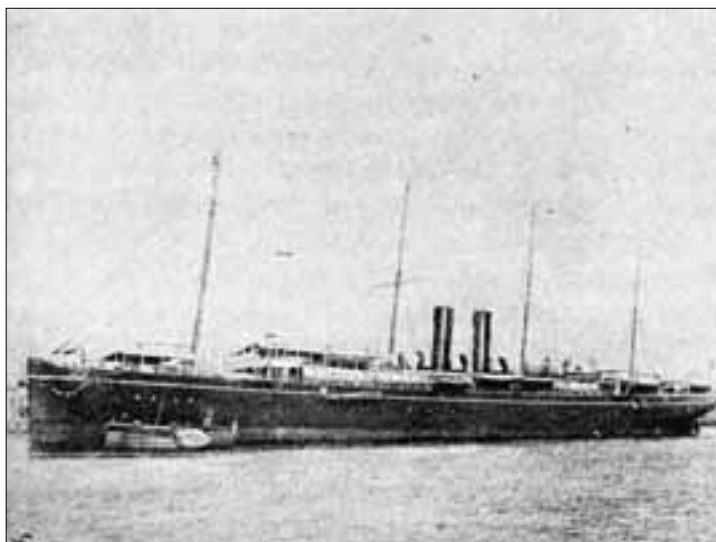
Суббота 2 января, 1893 года. — Нынче мы встретили Новый год в вагоне между Болоньей и Бриндизи, направляясь вторично на дальний Восток, но на этот раз целью нашего путешествия была не Индия, а Ява — эта страна самой роскошной тропической растительности всего мира. По окружающей нас в первый день 1893 года обстановке можно было бы себя вообразить в России — так мало пейзаж рознился от того, которого принято считать исключительным достоянием России зимой. Вся Италия была покрыта снегом, и в нетопленных плохих итальянских вагонах было до того холодно, что мы целую ночь не смыкали глаз, несмотря на взятые с собою из предосторожности шубы. С нами ехало много англичан, большинство, вероятно, наши будущие спутники на пароходе; между прочими одна очень полная хромая дама обратила на себя внимание той суетливой услужливостью, какою ее окружали при каждом выходе и входе ее из вагона.

Мы приехали в Бриндизи только в одиннадцать часов вечера и были встречены на станции агентом Кингом — англичанином, говорившим хорошо по-русски; как оказалось впоследствии, он долго жил в России в качестве преподавателя и гувернера.

Воскресенье 3 января, Бриндизи. — Рано утром пришла «Гималая», наш пароход «П. и О. К°»*, из Лондона и ошвартовалась напротив окон «Ориентал отеля». Целый день после того город был наводнен многочисленными пассажирами-англичанами, пользующимися дневной стоянкой, чтобы пройтись по берегу и от нечего делать торговавшимися за разные дешевые и неприглядные curios**, которые продавались в плохих лавчонках Бриндизи.

* Английская компания *Peninsular and Oriental Steam Navigation Company*, сокращенно P. & O. C° (компания «Пи. энд О.»).

** Безделушки (англ.).

«Гималая».

Погода потеплела, и после вчерашнего холода приятно было согреться на солнце, прогуливаясь пешком по городу, представляющем, впрочем, так мало интересного, что в три часа мы отправились на пароход. Каюты наши — моя двухместная, а С.* однокочная — очень просторные и удобные, находились у разных бортов на второй палубе. «Гималая», второй по величине пароход «П. и О. Ко.», в 6898 тонн и 10,000 лошадиных сил, имеет тринадцать непроницаемых переборок и может ходить со скоростью восемнадцати узлов в час**. Она построена наподобие крейсера, с тем, чтобы служить таковым на случай войны. Капитан Орман начал службу во флоте и кажется хорошим моряком; с пассажирами же он постоянно был весьма любезен, так же, как и старший офицер, умный, приятный собеседник. Помещение пассажиров первого класса (202-х) занимает всю третью палубу и среднюю часть второй, им же отведена для прогулки верхняя палуба, кроме кормы, принадлежавшей второму классу, каюты которого помещаются в кормовой части четвертой палубы. Выше верхней палубы находятся капитанская, офицерские каюты и штурманская рубка с мостиком, куда вход пассажирам запрещен. «Гималая» совершает теперь третий свой рейс, цель которого узнать кратчайший срок, в какой возможно доставить почту из Бриндизи в Австралию, поэтому она будет идти все время полным ходом.

* Муж Ольги Александровны — кн. Александр Григорьевич Щербатов.

** 1 узел соответствует 1 морской миле (1,852 км) в час.

За обедом мы познакомились с будущими нашими спутниками, соседями по столу, Non. и Mrs. Igby, едущими на зиму в Цейлон, и братом первого; по их разговору мы узнали, что остальные места за нашим столом будут заняты родителями г-жи Ерби — сэром Гревиллом Смитом и леди Смит и их доктором по фамилии Холман. Леди Смит оказалась той хромой дамой, которая ехала с нами из Болоньи в Бриндизи. Муж г-жи Ерби выглядел весьма болезненным, и они из-за его здоровья едут в теплый климат, она же имеет цветущий вид; оба очень милы и просты в обращении.

По словам наших новых знакомых, переход «Гималаи» из Лондона в Бриндизи был великолепный, так что даже вечно бурный Бискайский залив на этот раз не оправдал ожиданий. Ввиду того, что сегодня погода тихая, мы надеемся, что и нам стихии будут благоприятствовать и переход до Порт-Саида обойдется благополучно без бури и качки. Во всяком случае нынешнюю ночь можно будет спать спокойно: благодаря глубоким снегам в Альпах поезд с почтой из Англии опоздает на семь-восемь часов, и мы выйдем из Бриндизи только завтра утром.

Понедельник 4 января, Средиземное море. — Едва только в шесть часов утра мы вышли в открытое море, как улетучились наши надежды на тихую погоду и спокойное море — дул сильный юго-восточный ветер и волнение было уже порядочное. Проснувшись от первых оборотов винта, я поспешила одеться и выйти на палубу, по опыту зная, что пребывание в каюте при качке влечет за собою самые пагубные последствия. День был серый, нависшие низко темные тучи сливались на горизонте с неопределенного серо-зеленого цвета морем, покрытым белыми пенящимися гребнями волн, ветер и ревел, и свистал наверху в снастях и все кругом глядело уныло, мрачно, не предвещая ничего хорошего в будущем. «Гималая», точно живое существо, со скрипом и стоном грузно переваливалась с боку на бок и то сердито клевала носом меж глубоких волн, вскидывая высоко кверху свою корму, то взбираясь на вершину других валов, чтобы, взобравшись туда, снова нырнуть в пучину. Погода была холодная в 4—5 R., так что я жалела об оставленной в Бриндизи шубе. Весь день усиливался ветер, дующий к вечеру с силою девяти баллов и сопровождавшийся от времени до времени дождем и даже градом; к счастью, ни тот ни другой нас не беспокоил благодаря тенту, покрывавшему верхнюю палубу. К крайнему нашему удивлению, качка не оказывала обыкновенного своего действия на нас: С. себя чувствовал вполне хорошо, у меня же только слегка кружилась голова; из предосторожности я тем не менее провела целый день на палубе, куда мне приносили завтрак и обед. Наверх выходили весьма немногие пассажиры и почти на всех заметно отражалась качка; супруги Ерби были одними из немногих иск-

Столовая на «Гималае».

лючений, оба переносили отлично самую бурную погоду и даже наслаждались ею. Ерби очень любезно привязал мое кресло к поручню, уверяя, что иначе от сильной качки я буду скользить с ним взад и вперед по палубе и могу расшибиться о борт. Одна из моих соседок была веселая и разговорчивая англичанка, с которой я вскоре познакомилась и разговорилась; мы весьма сочувственно относились друг к другу, так как обе по той же причине были прикованы к своим креслам.

Вечером разыгралась сильнейшая гроза: молния сверкала в одно время со всех сторон, а удары грома следовали беспрерывно один за другим; к этому же времени волнение значительно увеличилось и, несмотря на громадные размеры нашего парохода, его бросало по всем направлениям самым неприятным образом для нас, плохо переносивших качку. Только в двенадцать часов ночи я решилась, наконец, спуститься вниз и лечь, не раздеваясь, предчувствуя, что удачно отстраненная в течение дня морская болезнь в спертom воздухе каюты возьмет-таки свое. Увы, слишком скоро сбылись мои опасения и раздававшиеся из-за переборок стоны соседней слились с моими!

В два часа ночи почти одновременно в полупортики сверкнула молния и страшный удар грома потряс весь пароход — еще немного и пароход остановился! Совпадение раздавшегося над самыми головами громового удара с блеском молнии и моментальной остановкой машины, возбудило во всех жуткое чувство, у всех блеснула мысль: «Случилось несчастье»!

Царившая снаружи мгла, гул бушевавшего моря, удары волн, разбивавшихся о борты судна и свист ветра, сливавшийся с хлестанием дождя, увеличивали это тоскливое впечатление, когда вскоре затем винт снова завертелся, все вздохнули свободно, словно после испытанной, счастливо минованной опасности. С. так перепугался, что, выскочив из койки, наскоро оделся и кинулся на палубу; на трапе он столкнулся с Эндрюсом, одним из офицеров, объяснившим ему, что молния упала на медный резервуар спасательного пояса, который загорелся, но был тотчас потушен лившимся дождем. С., пришедший затем ко мне, рассказывал, что как Эндрюс, так и другие офицеры, встретившиеся ему, имели совсем растерянный вид, так как, не быв во время удара на вахте, они не знали, что случилось и все спешили наверх узнать о происшедшем.

Буря продолжалась с силою десяти баллов от двух до четырех часов утра, причем лил сильнейший дождь, застилавший подобно туману весь горизонт, поэтому пришлось идти малым ходом, пуская в ход беспрерывно ревуна.

Вторник 5 января, Средиземное море. — От сильной качки всю ночь заливались открытые части второй палубы, а оттуда вода проникала в коридоры и каюты. За ночь нас отнесло ветром на сорок пять миль к югу и, задержанные, кроме того, бурей, мы, вместо нормального суточного хода в 360—400 миль сделали всего с выхода из Бриндизи, т.е. в 30 часов, 273 мили.

Как только рассвело, я поспешила выйти на палубу; С. тоже начал вставать в семь часов утра, но был готов только к десяти часам благодаря припадкам морской болезни. Бледный, усталый вид пассажиров, даже детей, ясно говорит, что прошлая ночь болезненно отразилась на всех. К счастью, сегодня море не так бушевало, а погода, в особенности после полудня, стала много теплее. День прошел спокойнее ночи, и возможно было не только разговаривать, но и читать; хотя к вечеру волнение заметно утихло, я из предосторожности предпочла не спускаться в каюту и спала на палубе со своей горничной.

Среда 6 января, Средиземное море. — Сегодня мы сделали 366 миль. Ветер дул менее порывисто и термометр немного поднялся, но боковая качка была еще довольно чувствительная; успев привыкнуть к ней, мы впервые с выхода в море осмелились гулять по палубе и даже спускаться в столовую для завтрака и обеда. Четыре пустых места за нашим столом служили доказательством, что не всем так посчастливилось, и мы от души пожалели отсутствующих больных. Как больные, так и здоровые радуются мысли, что завтра будет положен конец неприятностям морского путешествия, так как утром мы должны прийти в Порт-Саид, вслед за которым начнется приятное, спокойное плавание по Красному морю и Индийскому океану.

Старший офицер нам рассказывал о вчерашнем ночном происшествии: он в то время был на вахте с Эндрюсом и оба находились на мостике, когда молния упала на спасательный пояс в нескольких шагах от них. Удар грома был настолько силен, что Эндрюс от неожиданности присел на корточки. Следует заметить, что последний — молодой, рослый, широкоплечий мужчина, не обладающий на вид особенно чуткими нервами, поэтому легко себе представить, каков был удар, если он на него даже произвел подобное впечатление. По словам старшего офицера, положение было из самых неприятных — буря с разразившейся над самым судном грозой, осложнилась еще неимоверно сильным дождем, мешавшим видеть, что происходило кругом, и приходилось идти с величайшей осторожностью; при малом же ходе трудно было держаться курса, и пароход ветром и волнами относился к югу.

Вечером для развлечения пассажиров жгли бенгальские огни. Море совсем успокоилось, и явилась возможность хорошо выспаться в первый раз после Бриндизи.

Четверг 7 января, Суэцкий канал. — Проснувшись в пять часов утра, я выглянула в полупортик и увидела вдали порт-саидский маяк; на «Гималае» свистали и жгли бенгальские огни — сигналы лоцману, без которого не позволено входить в гавань. Наскоро одевшись, мы в шесть часов уже высадились в Порт-Саиде, который с радостью приветствовали не только как старого знакомого, но в особенности как преддверья Востока и где мы с удовольствием снова окунулись в восточную жизнь. Восток — сколько приятных воспоминаний всплывает в памяти при одном этом слове, и как ясно восстанавливаются в воображении своеобразные картины восточной жизни с его шумными, вечно гомонящими толпами оживленных арабов, черноглазых, почти голых, назойливых мальчишек, женщин с вуалями на лицах, с его терпеливо хлопающими длинными ушами осликами и хладнокровными верблюдами, со всеми которыми неразрывно связано представление о ярком палящем солнце, постоянно голубом небе и прекрасных пейзажах. Все это так преисполнено прелести, что побывавшего хоть раз на Востоке неотразимо тянет опять и опять в эти края вечного лета.

Прокатившись по городу, мы вернулись на пароход, который в двенадцатом часу снялся с якоря и вошел в канал. Погода стояла прохладная, но зато воздух был уже другой: легкий, сухой, присущий Египту. Проходя каналом, мы заметили многие перемены, происшедшие в нем за последние два года: так, канал значительно расширен, бока его на большем протяжении обложены камнем, препятствующим обсыпанию краев и тем — обмелению русла, которое влечет за собою дорогостоящие работы по углублению. Вдоль канала и почти параллельно с ним проложе-

ны железная дорога и канал пресной воды; первая соединяет Каир с Измаилем* и Порт-Саидом, а второй проведен из Нила, как жетса, от Булака** — в те же два города.

На «Гималае» по принятому на английских пароходах обычаю составилсЯ комитет, обязанности которого придумывать и организовать всякие увеселения для пассажиров. Он вывесил в рубке программу, в состав которой вошли состязания в разные игры: шахматы, шашки, халма*** и др.; желающие принимать участие записывают свою фамилию против избранной игры. Вечером на верхней палубе был бал с оркестром из пароходной прислуги, человек шесть или семь из которых играли, кто на фортепианах, кто на скрипке, флейте, виолончели и т.д., весьма недурно.

В девять часов вечера мы вошли в Горькие Озера и пошли полным ходом, не останавливаясь даже для высадки пассажиров, едущих в Каир, за которыми подошел небольшой пароход из Измаилии. Высадка эта послужила для нетанцующей части публики большим развлечением, так как она сопровождалась довольно комичными сценами. До этого с палубы «Гималаи» перебросили весь немалочисленный тяжелый и ручной багаж высаживающихся, причем следует предполагать, что если первый не был особенно солидной конструкции, он немало пострадал, так как разница в высотах двух палуб была довольно значительная. Хотя ручной багаж ловко подхватывался на лету командой маленького парохода, но владельцы его с явным беспокойством следили за полетом своего имущества, не будучи уверены, куда именно он попадет: в воду ли или в руки арабов. Когда весь багаж был переброшен, началась пересадка самих пассажиров; некоторые бодро спускались по длинному качающемуся трапу «Гималаи» и прыгивали без посторонней помощи на другой пароход, другие же медленно сходили, боязливо цепляясь за поручень и, дойдя донизу, долго не решались перескочить, даже поддерживаемые матросами. Офицеры «Гималаи», по своему обыкновению всегда очень любезные, сопровождали дам и помогали, насколько могли.

Пятница 8 января, Красное море. — В Суэц мы пришли в семь часов утра и, не останавливаясь, вышли в Красное море. Одновременно с этим, точно мановением волшебного жезла, переменялось настроение пассажиров; забыты недавние невзгоды Средиземного моря: морская болезнь, холод, бурная погода — все это осталось позади, а впереди предстояло только спокойное, приятное плавание. И как было не позабыть всех неприятнос-

* Исмаилия.

** Остров на р. Нил у Каира.

*** Настольная игра.

тей минувших дней, когда солнце радует и греет своими яркими лучами, когда небо безоблачно, а море ласкает глаза своей зеркальной темно-синей поверхностью. Все способствовало физическому благосостоянию, а последнее, как известно, немало отзывается и на нравственном настроении. И так все, поддаваясь благодатному влиянию окружающей обстановки, оживились и повеселели, предаваясь различным интересным занятиям. Кто играл в шахматы, халму или шашки, кто состязался в quoits*, т.е. бросание веревочных колец в ведро или медных кругов на доску с цифрами, другие упражнялись в гимнастике с деревянными бутылками или просто расхаживали по палубе, многие, растянувшись удобно в своих креслах, вели нескончаемые беседы со знакомыми или углублялись в чтение. Появились и дети всех возрастов и засновали по всему пароходу со свойственным детям любопытством относительно нового жилища.

С., записавшись на состязание в шахматы, уселся играть с первым своим соперником, я же, хотя и записалась на таковое же состязание в халму, но, не зная в лицо других игроков, ждала, чтобы они первые предложили мне играть. Комитетом объявлен на завтра костюмированный бал, к которому все деятельно готовятся, изобретая всякие фантастические костюмы. После завтрака половину палубы окружили сеткой, и мужчины затеяли игру в крикет.

В этот же день после обеда мы возобновили свое знакомство с присущими тропическим странам дивными вечерами и ночами и долго наслаждались, гуляя по палубе, теплым чудным воздухом, поглядывая то на яркое звездное небо, то на фосфоритное море, по которому длинной светящейся струей обозначался пройденный пароходом путь. Большинство мужчин стало уже с этих пор спать на палубе, хотя погода не была еще настолько жаркая, чтобы в каютах чувствовалась чрезмерная духота. Температура в полдень была в 16° R. в тени.

Суббота 9 января, Красное море. — Утром состоялся аукцион билетов на суточную скорость парохода, бывшую в 388 миль; выигравший получил четыреста рублей. С нашими соседями по столу, очень милыми людьми, мы успели уже коротко познакомиться и в особенности с доктором Холманом и тремя Ерби. Все они едут в Ньюара-Элиа** на зиму и назад поедут опять на «Гималае», на котором и мы решили занять места для обратного проезда.

К обеду ввиду предстоящего костюмированного бала большинство пассажиров явилось в костюмах, довольно разнообразных, несмотря на затруднительность устройства таковых в столь короткое время и на ограниченность имеющихся для этого на пароходе

* Метание колец (англ.).

** Высокогорная курортная местность на Цейлоне.

Рубка на «Гималае».

средств. Некоторые, более осмотрительные, запаслись нарядами в Англии, другие взяли напрокат костюмы у пароходного парикмахера, который всегда держит небольшой запас таковых, многие мужчины позаимствовали платья у поваров, туземных матросов и др., а большинство смастерило себе одеяния как и из чего попало. Палуба была ярко освещена электричеством и красиво украшена флагами, между которыми красовались и русские в нашу честь. Ужин и угощение танцующих в подобных случаях всегда устраивается на счет «П. и О.» общества, весьма щедрого относительно всего, касающегося комфорта и увеселения пассажиров.

Дующий с утра сильный ветер поднял легкое волнение, не сопровождавшееся, впрочем, качкою.

Понедельник 11 января, Аден. — Вчера по случаю воскресного дня едущие с нами протестантский архидиакон и пастор отправляли две службы — раннюю и позднюю. Весь день чувствовалась умеренная зыбь, продолжавшаяся и сегодня, но погода стояла все такая же чудная, как и прежде, и, несмотря на прогрессивное изо дня в день повышение температуры, жара пока еще не чрезмерная, тем более, что она умеряется постоянным ветром.

Сегодня я сыграла первую свою партию в халму, выиграв ее у мисс Бэррингтон. С. в шахматы побил лорда Салтуна, а проиграл г-ну Стивенсу. На «Гималае» с раннего утра шли деятельные приготовления к ожидаемому приходу в Аден: вытаскивали из трюма почту для Индии и багаж пассажиров, едущих в Бомбей, на другом пароходе, поджидающем их в Адене. Часов в одиннадцать ут-

ра мы прошли мимо острова Перима, который захвачен был англичанами и сильно ими укреплен для ограждения сообщений Англии с Индией на случай войны с какою-либо другою державою. Рассказ о том, как этот захват был произведен, так любопытен и характерен, что стоит его привести: не помню в каком году, не так давно, пришла французская эскадра в Аден в то время, когда Перим никому еще не принадлежал. Адмирал и офицеры были приняты весьма радушно англичанами, устроившими в честь гостей большой обед. Вечером от обилия вина языки развязались, и французы, со свойственной им болтливостью, рассказали о цели своего прихода в Красное море, состоявшей в занятии острова Перима. Сообразительный и энергичный главнокомандующий в Адене сразу понял всю важность подобного захвата и его пагубные последствия для Англии. Нимало не задумавшись, хотя он действовал на свою личную ответственность, он немедленно приказал английским станционерам* отправиться в Перим и занять его от имени королевы. Задержанные под разными предлогами гостеприимными хозяевами, французы провели несколько лишних дней в Адене и когда они, наконец, прибыли в Перим, то увидели английский флаг, развевающийся над островом. Ловко проведенным своими недавними друзьями, им волею-неволею пришлось подчиниться совершившемуся факту захвата острова, проскользнувшего таким образом у них меж пальцев.

Перим находится в самом узком месте Баб-эль-Мандебского пролива, имеющего всего около 15-20 миль ширины, а так как единственный судоходный проход лежит между Перимом и большой скалой, возвышающейся из воды на восток от него, то понятно, что весь проход легко обстреливаем англичанами, владеющими вследствие этого ключом входа в Красное море. Весь остров Перим, почти плоский, без всякой растительности, производит самое удручающее впечатление как местожительство. Мы прошли совсем близко от противоположного ему утеса фантастической формы по проливу, на глазомер имеющему не более 4-5 верст ширины.

В пятом часу дня мы пришли в Аден и стали на якорь в обыкновенном месте при входе на рейд; почтовый паровой катер тотчас принял почту, и нам в виде любезности предложили отправиться на нем же на берег, предупредив, что «Гималая» простоят здесь до вечера, так как ей следует выгрузить на бомбейский пароход тысячу ящиков с серебром.

Высадившись у пристани, мы наняли фаэтон и велели везти себя к тэнкам** — громадным бассейнам, снабжающим Аден прес-

* Постовым (от *англ.* station — пост, гарнизон).

* Тэнк (танк) — водоем, цистерна, бак (от *англ.* tank).

ной водой. В предыдущие наши посещения этого города мы ни разу не успели побывать в этом интересном месте, а потому, узнав о более продолжительной против обыкновения стоянке, поспешили воспользоваться случаем, чтобы совершить эту поездку. Выехав из города и миновав небольшую равнину, лежащую между морем и горами, мы поднялись на последние по отличному отлогому шоссе. Не доходя до верху, дорога проходит через ворота в небольшой форт, оберегаемый английским постом; другие ворота замыкают вход с противоположной стороны, где скалы расступаются, образуя узкое, точно коридор, ущелье. Место это весьма живописно, с возвышающимися отвесно направо и налево дикими, грозными утесами. Как само ущелье, так и все соседние скалы и вершины сильно укреплены, составляя неразрывную линию стен и бастioned, опоясывающих весь полуостров Аден. Обхватываемая этими укреплениями местность настолько обширна, что имеющийся в мирное время гарнизон не в состоянии занять и восьмой части ее, и сомнительно, чтобы английское правительство даже в случае войны нашло возможным уделить Адenu нужное для защиты его количество войск. Поэтому непонятно, почему англичане истратили столько денег на устройство этих нескольких верст фортификаций, когда для них же было бы выгоднее иметь менее растянутую, но более крепкую линию.

После ущелья дорога снова спускается в окруженную горами громадную, версты в три-четыре в поперечнике, котловину, посреди которой расположен туземный город Аден. Только что мы въехали в последний, как нас с оглушительными криками «Бакшиш!» облепили со всех сторон мальчишки — арабы и сомалийцы, влезавшие даже на ступеньки коляски; их было так много, что из опасения раздавить кого-либо из этих назойливых ребятшек мы поехали шагом, пока, наконец, кучер, выведенный из терпения, не разогнал их бичом. Немного дальше у входа в тэнк мы вышли из экипажа и пошли пешком в гору.

Отсутствие всякой ключевой или другой пресной воды на полуострове Адена побудило правительство устроить громадные цистерны для накопления дождевой воды, собирающейся здесь годами, так как ежегодный осадок весьма незначителен. Цистерны, выложенные всецело из цемента, следуют одна над другой по узкому горному ущелью; по мере переполнения излишек воды переливается из верхнего бассейна во второй, оттуда — в третий и т.д. и, наконец, из нижнего относится трубами в Аден. Вся местность здесь точно взята из каких-нибудь волшебных сказок, для которых своим таинственным, чудовищным видом она могла бы служить отличным сюжетом. Гигантские пруды огромной глубины, окруженные суровыми, дикими скалами, отсутствие растительности, полное безлюдие и одни лишь коршуны, парящие на

воздухе — все вместе взятое производит какое-то особенное впечатление безмолвия и пустынности, так что можно было бы подумать, что это место находится далеко от людских жилищ, тогда как в действительности в нескольких шагах отсюда жизнь кишмя кишит в туземном городе и его окрестностях.

Мы вернулись в Аден, когда уже совсем стемнело и, зашедши в один или два магазина, отправились на «Гималаю», куда поспешили вовремя к обеду. Весь вечер при электрическом освещении продолжалась выгрузка серебра, большая часть которой находилась в слитках; наполненные им корзины беспрерывно поднимались из трюма на палубу, а оттуда сбрасывались на дно транспортного баркаса под наблюдением двух офицеров, зорко следивших за работающими туземцами.

Вторник 12 января, Аравийское море. — Сегодня впервые с выхода из Суэца море было гладкое, как озеро, и не чувствовался сильный ветер, дувший все последние дни; прохладная тихая погода была весьма приятная.

Днем я играла в халму с капитаном в его каюте, находящейся на верхней палубе, не открытой для публики. Каюта его, очень просторная и светлая, освещаемая с трех сторон окнами, имела то неудобство, что движение винта было чувствительнее даже, чем внизу. Выиграв две партии подряд у капитана, последнего своего соперника в состязании, я получила приз в пятьдесят рублей.

Суббота 16 января, Индийский океан. — Со среды температура значительно повысилась, так что термометр показывал по утрам и вечерам 20-21° R., а днем в тени 24-25° R. Моя каюта, находящаяся на солнечной стороне, сильно нагревалась в течение дня, вследствие чего по ночам в ней было донельзя душно, у С. на противоположном борту было сравнительно прохладно, но он тем не менее предпочитал спать на палубе.

В среду неугомымые пассажиры снова танцевали, а днем в четверг и в пятницу устраивались различные гимнастические состязания на палубе; кроме того, комитет затеял живые картины, бывшие довольно удачными. Вчера после обеда капитан водил нас в машинное отделение, поразившее меня своими громадными размерами. Машина triple expansion* в 10.000 лошадиных сил, снабжена шестью котлами; винт делает 155 оборотов в минуту; для электрического освещения имеются три машины. Капитан снабдил меня еще следующими данными относительно «П. и О. К°» и «Гималаи»: на последней, сверх командира, семь офицеров, доктор и двенадцать инженеров, команда же состоит из двенадцати английских боцманов и восьмидесяти матросов-

* Тройное расширение (англ.).

ласкаров*. Помещение первого и второго класса на 350 пассажиров, всего же на пароходе с прислугой насчитывается около шестисот человек. «П. и О. К°» получает ежегодно от английского правительства субсидию в восемьдесят тысяч фунтов стерлингов, взамен чего она обязана перевозить почту по всем своим пароходным линиям, т.е. в Индию, Цейлон, Австралию, Сингапур и Китай.

За последние дни наш суточный ход был в 393, 377 и 389 миль; сильное встречное течение порядочно задерживает нас, по словам капитана, на 14-20 миль в сутки.

Сегодня я случайно узнала, что в соседней каюте, отделенной от моей узким проходом, лежит больной корью, а немного дальше, в том же коридоре, другая каюта полна больными корью же детьми. Болезнь появилась вскоре по выходе «Гималаи» из Лондона и, конечно, между столькими детьми быстро распространилась, так что теперь более четырнадцати больных и выздоравливающих.

Воскресенье 17 января, Коломбо. — С вечера поднялся ветер и почувствовалась качка. Все утро мы укладывались, готовясь к переезду на «Рохиллу», пароход «П. и О. К°», на котором мы проследуем из Коломбо в Сингапур, «Гималай» же пойдет дальше в Австралию. В двенадцать часов дня мы вошли в гавань Коломбо и подняли карантинный флаг, вследствие чего до приезда портового доктора и осмотра им больных никого не впускали и не выпускали с парохода. «Рохилла» еще не пришла, но ее ждут с часу на час.

Вскоре после полудня мы съехали на берег и отправились сначала в агентство «П. и О. К°» занять каюты на «Гималае» для обратного путешествия, затем, прокатившись по городу в *джинрикшо***, наняли фаэтон и проехали вдоль моря к «Голь Фэс отель», где мы жили во время последнего нашего пребывания здесь, а оттуда, через Cinnamon Gardens (сады коричневого лавра), в фруктовый базар, где накупили вкусных манго.

Мы с особенным удовольствием возобновили наше знакомство с прелестным Коломбо, казавшимся нам теперь столь же хорошо известным, сколь любой город Европы, и не ощущали вовсе прежнего чувства удивления быть на Цейлоне, а, наоборот, находили это вполне естественным. Но в опровержение английской поговорки, гласящей что «фамильярность порождает презрение»***, мы ничуть не меньше, чем в первый раз, любовались красотами этого тропического уголка мира и его

* Матросы-индийцы, служившие на европейских кораблях.

** Рикша.

*** Familiarity breeds contempt (*англ.*) — чем ближе знаешь, тем меньше считаешь.

чудной, роскошной растительностью, так что впечатления 1891 года вполне подтвердились новыми нынешнего года. Об одном мы искренно жалели, а именно, что имели слишком мало времени в своем распоряжении, чтобы посетить Маунт-Лавиния, по описаниям замечательно красивое местечко, в полу-часовой езде по железной дорой от Коломбо. Мы сначала намеревались отправиться туда на сутки, но по наведенным справкам оказалось, что «Рохилла» должна прийти сегодня и в эту же ночь выйдет в Сингапур, вследствие чего необходимо на ней быть с вечера.

После довольно продолжительной прогулки мы вернулись к пристани и остановились в «Грейт Ориенталь отель», выпить чаю и дожидаться «Рохиллы». Во время прогулки мы всюду встречали своих спутников — «гималайцев», раскланивавшихся с нами, точно со старыми приятелями. «Рохилла» пришла только в пять часов; пройдясь немного пешком и закупив кое-что в туземных магазинах, мы прибыли на пароход к обеду. У входа на трап нас встретил наш прежний гоанийский* слуга Джон, вызванный нами через посредство «Кинг и К°» из Бомбея, для того, чтобы сопутствовать нам в путешествии по Яве. Мы, как оказалось, напрасно спешили с прибытием на пароход, так как он лишь в шесть часов утра должен был выйти в море.

Понедельник 18 января, пароход «Рохилла», Индийский океан. — Встав в пять часов утра и узнав, что стоянка наша здесь продлится еще несколько часов, мы спустились на берег, где, взяв *джин-фрикшо*, направились к живописному озеру, расположенному вне города; там мы вышли из экипажа и обошли кругом пешком, любуясь роскошными пальмами и бананами, отражавшимися в прозрачной воде, в которой купались многочисленные туземные ребятишки. Воздух под тенью тропических деревьев был так хорош в эти ранние часы, что мы с сожалением покинули сад и вернулись на пароход.

Только в полдень вышли мы, наконец, из гавани и, взяв курс на юг, пошли вдоль берегов Цейлона, ясно видневшихся с палубы. Погода была очень жаркая, но зато море было так спокойно, что напоминало озеро своей зеркальной поверхностью. В сравнении с громадной «Гималаей» теперешний пароход казался и маленьким, и неудобным; хотя каюты были довольно просторные, но, выходя дверьми в кают-компанию, они мало проветривались, факт немаловажный во время плавания в тропических морях.

Из прежних наших спутников с «Гималаи» человек десять ехали и теперь с нами, одни направляясь в Сингапур, другие —

* Гоа — ныне штат в Индии.

на Яву, а третьи — в Китай. Один из них, ближайший наш сосед по каюте, весь день так усердно пил бренди с содой, что вечером его силой увели в каюту. Долетавшие затем до нас оттуда звуки указывали на происходившее там нечто вроде борьбы между охмелевшим и стюардом, и действительно последний вскоре стал громко звать на помощь. Мы находились тем временем в столовой, где пили чай за одним столом с женой буянившего — г-жой Б., по-видимому, больной, которая, услышав крики, послала второго стюарда на выручку первому. После того она с видимым беспокойством то заглядывала в дверь мужа, то снова садилась, держа голову руками и вообще ведя себя довольно странно. Вдруг она вскочила, подошла к С., с которым она вовсе не была знакома и, положив ему руку на плечо, гробовым голосом проговорила: «Save me!» — «Спасите меня!». С. удивленно посмотрел на нее и спросил, чем он может помочь. Она, не отвечая на вопрос, только повторила: «Save me, speak to him» — «Спасите меня, поговорите с ним». Когда же С. стал отказываться от вмешательства в их семейные дела, она, как будто не слыша сказанного, несколько раз перерывала его таинственными словами: «Come, come, come!» — «Идите, идите, идите!». Тогда С. посоветовал ей обратиться к капитану как к человеку, по своему положению более всех способному повлиять на ее мужа, но и на это единственным ее ответом был: «He will listen to you, Prince, speak to him!»*. Во время всего разговора у нее был такой странный удрученный вид, что мне, наконец, стало жаль ее и я сказала С., что было бы, может быть, действительно лучше, если он лично попросил бы капитана прийти. С. пошел, но, встретившись по пути с знакомыми г-ном и г-жой Д., рассказал им о только что происшедшей сцене. На это Д. сказал, что Б. уже водили к капитану, который прочел ему нравоучение; Д. высказался еще в таком смысле, что и жена в том же состоянии, как и муж.

К вечеру мы стали заворачивать за южную оконечность Цейлона и встретили сильный ветер, за ночь посвежевший настолько, что качка была довольно чувствительна.

Четверг 21 января, пароход «Рохилла», Индийский океан. — Во вторник весь день продолжалась порядочная качка, уложившая большинство пассажиров, из которых весьма немногие показывались на палубе или в столовой. На наше счастье, ни муж, ни я не испытывали никаких дурных последствий от бурного состояния моря, но были тем не менее рады, когда в среду к вечеру волнение стало утихать. Погода стояла первые два дня не особенно жаркая, умеряемая дующим с Бенгальского залива ветром, который составляет здесь почти обычное явление в это время года.

* «Он Вас послушается, князь, поговорите с ним!» (англ.).

Зато сегодня снова стало жарко, так что термометр днем в тени показывал 27° R., а вечером — 22° R., море же совсем улеглось.

На днях, за обедом, разговор коснулся отношений России и Англии и возможности войны между этими державами и Индии, вопросов, без которых не может обойтись ни один политический разговор на Востоке между русскими и англичанами. Капитан по этому поводу рассказал о бывшем с ним случае, подтвердившем так часто слышанное нами мнение об убеждении индийских туземцев, что мы рано или поздно завоюем Индию. За какую-то провинность он толкнул ногой своего туземного слугу («He was rude so I kicked him»*, как выразился капитан), который в озлоблении за незаслуженное и грубое наказание сказал с сердцем: «Подождите, когда русские придут в Индию, вы поплатитесь за это!»

Пятница, 22 января, Малаккский пролив. — В пять с половиною часов С. меня разбудил с известием, что виден берег. Выйдя вслед за тем на палубу, я увидела с правой стороны гористый остров, весь покрытый лесами. По подробной карте здешних морей, которую нам любезно показал старший офицер «Рохиллы», оказалось, что мы проходили между островами Пуло-Брас**, где находится маяк, и Пуло-Уэй***, расположенными у северной оконечности Суматры, видневшейся вдали в промежутке между этими островами. Известный город Суматры — Грот-Атчин**** — скрывался из виду высотами Пуло-Браса. Налево от нас маленький островок Пуло-Рондо напоминал своими правильными очертаниями крупную булавоочную подушку, причем булавки изображались какими-то широко расставленными, с прямыми стволами, деревьями. С той же стороны возвышались из моря три или четыре острокопечные небольшие скалы.

В этом месте замечается очень странный, ничем не объяснимый феномен. Посреди совершенно спокойного моря из пролива между Суматрой и Пуло-Уэй идет неширокая, саженей в 70-90, зыблущаяся полоса воды, направляющаяся к берегам Малаккского полуострова. Во время нашего прохода волнение было не из сильных, но случается, что волны достигают громадных размеров и заливаются даже за борта судов. Капитан, к которому я обратилась за разъяснением, не сумел мне сказать, какова причина этого явления, тем более непонятного, что оно замечается весьма редко.

Днем пассажиры играли на палубе в крикет, причем С., почти никогда не упражнявшийся в эту игру, на этот раз так отли-

* «Он был груб, поэтому я пнул его ногой».

** Пуло по-малайски значит «остров». (Прим. О.А. Щербатовой).

*** Острова Брёех и Ве.

**** Ныне — Банда-Ачех.

чился, что зрители громко ему аплодировали. С. познакомился с одним из наших спутников, рассказавшим ему о недавно случившемся с ним кораблекрушении. Он шел на пароходе *Messageries Maritimes* из Бомбея в Коломбо, когда в двадцати милях от последнего сломался винт и пробил дно судна. Это произошло рано утром, и пассажиров, человек тридцать, продержали неизвестно почему до десяти часов вечера на палубе, не принимая никаких мер для отправки их в Коломбо, что было бы весьма легко, так как, к счастью, море было совершенно спокойное, а расстояние самое ничтожное. В 10 часов вечера их посадили в шлюпки, не снабдив ни водою, ни съестными припасами, но не пустили их на берег, находившийся всего в нескольких милях от парохода, а заставили держаться всю ночь около последнего. На следующее утро только когда пароход пошел ко дну, шлюпки отплыли, но опять-таки не к Коломбо, а к ближайшему берегу, где изнуренных уже суточными происшествиями несчастных пассажиров высадили под палящим солнцем без воды и припасов. Место было безлюдное, и мужчинам, дамам и детям пришлось идти пешком шестнадцать миль до Коломбо. Одна дама, потрясенная всем происшедшим, умерла, будучи еще в лодке.

Мы наслаждались сегодня весь день прохладной приятной погодой и тихим морем. Вечером были танцы, музыка и пение.

Суббота 23 января, Малаккский пролив. — Всю ночь в каютах было до того душно, что чуть стало светать, я поспешила выйти на палубу, где хотя и было жарко, но не настолько, как внизу.

В девять часов утра показались берега острова Пенанг*, вокруг которого мы стали загибать с севера, чтобы стать на якорь в проливе, всего в две с половиною версты ширины, отделяющем Пенанг от провинции Уэллслей** на Малаккском полуострове. Пролив этот, защищенный со всех сторон от ветров, образует натуральную гавань, до того обширную, что в ней легко может поместиться весь английский флот.

Весьма гористый и весь покрытый тропической растительностью, остров с палубы парохода был замечательно живописен; кое-где на небольших полянах виднелись плантации тапиоки и сахарного тростника, а из-за зелени деревьев выглядывали белые домики европейцев или хижины туземцев. Вдоль всех берегов на значительное от них расстояние были расставлены бамбуковые щиты, употреблявшиеся туземцами для ловли рыбы.

Остров Пенанг, входящий в состав английских так называемых Straits Settlements***, колоний пролива, лежит на западе от

* Пинанг.

** Уэлсли, ныне — малайзийский штат Кедах.

*** Британские владения на п-ове Малакка.

Малаккского полуострова, при самом входе в Малаккский пролив. Он издавна считался важным торговым центром, а за последние года благодаря его постоянно возрастающей торговле он как рынок занял первое место между английскими коронными колониями. Главное его значение проистекает из его близости к туземным малайским государствам и Суматре.

Лишь только мы бросили якорь напротив Джорджтауна, главного города острова, находящегося на восточной его стороне, как нас окружили оригинальные *сампанги** с лодочниками-китайцами в широкополых плоских шляпах, сплетенных из лакированного бамбука. В одной из таких лодок мы отправились на берег, где толпа «сыновей Небесного царства» накинута на нас, предлагая свои *джинфрикшо*. Наняв двух, мы велели себя везти к водопаду, считавшемуся самым красивым местом Пенанга. Наши крепкие, коренастые, среднего роста возницы побежали крупной рысью, ни разу, до самого водопада, не убавляя хода и, пробежав таким образом с час времени, по-видимому, нисколько не устали, несмотря на нестерпимую жару. По пути пришлось обратиться к полицейскому, говорящему немного по-английски с тем, чтобы тот объяснил нашим китайцам, куда мы хотели ехать, так как они нас плохо понимали: должно быть, мой малайский язык был еще далеко несовершенен, хотя я в продолжение всего путешествия очень усердно занималась его изучением.

Во время нашей поездки мы не раз удивлялись красоте Джорджтауна и его окрестностей, тем более, что вся обстановка была особенно привлекательна своей новизной. Здесь преобладал китайский элемент, приметный не только по жителям, но и по жилищам, фасады которых были украшены длинными панелями с китайскими надписями, написанными золотыми буквами по красному фону. Иногда у более зажиточных жителей эти письмены покрывали все стены. Кроме китайцев было много малайцев с тибетским типом, светлою кожей и длинными волосами; представители этой новой для нас человеческой расы, маленького роста, но плотного мускулистого телосложения, очень нам понравились своим добродушным, веселым выражением лица. Встречались также и индусы большею частию, вероятно, из Декана**, как заметно было по их тщедушному виду и темному цвету лица, находившимся в резком контрасте с коренастыми фигурами и светлой кожей малайцев и китайцев.

Главное украшение Джорджтауна составляет его богатая разнообразная растительность, состоящая из пальм всевозможных

* Китайские лодки.

** Деканское плоскогорье (Декан) на п-ове Индостан в Индии.

Джинрикшо.

сортов — хлебных, гуттаперчевых* — и массы других тропических деревьев, ползучих, цветущих и вьющихся растений самого различного роста, цвета и формы. Дорога наша пролегла по берегу залива, вдоль которого расположены главным образом, дома европейцев, все окруженные прелестными садами; сквозь зелень последних виднелось море, светившееся от прямых лучей полуденного солнца точно синяя парча, тогда как фоном этой прекрасной картины южной природы служили высокие лесистые горы, из которых состоит почти весь остров Пенанг.

Наши возницы высадили нас у входа в ботанический сад, окружающий водопад. При разбивке сада устроители очень искусно воспользовались живописной волнистой местностью широкой котловины, окруженной с трех сторон крутыми скатами гор, вследствие чего сад этот по своему местоположению и устройству можно считать одним из наиболее красивых в тропических странах. На больших гладко стриженных и тщательно поливаемых газонах посажены поодиночке и группами чудные представители местной и вывезенной из других краев флоры.

Невзирая на сильную жару, мы долго гуляли здесь, изучая название неизвестных нам деревьев, после чего по крутой тропинке взобрались к подножью водопада. Посреди девственного, не тронутого рукой человеческой леса громадная масса воды, прелом-

* Каучуконос гевея.

Ботанический сад Джорджтауна.

ляемая утесами, падает с вышины более трехсот футов из отверстия горы, образуя действительно весьма красивое зрелище.

Вернувшись в Джорджтаун, мы сначала позавтракали в отеле, а затем снова катались в *джинфрикшо* по городу, где закупили фотографии и телеграфировали в сингапурскую гостиницу о дне нашего прибытия.

В пять часов вечера «Рохилла» вышла из Пенанга и пошла Малаккским проливом, где было до того удушливо, что я почти всю ночь не замыкала глаз.

Воскресенье 24 января, Малаккский пролив. — Духота продолжалась весь день, не умеряемая ни малейшим ветром; только утром мелкий дождь временно освежил воздух. Малаккский пролив по своему положению между Малаккским полуостровом и Суматрой более схож на озеро, чем на море; тем более, что, вследствие небольшой его ширины берега постоянно в виду. Несмотря на узкость пролива, плавание по нем вполне безопасно благодаря частым маякам, расставленным по обеим сторонам. Расходы по содержанию этих маяков оплачиваются налогом в 105 фунтов стерлингов, взимаемых со всех судов, какой бы то ни было национальности, идущих из Суэца в Сингапур.

В течение дня мы встретили два парохода и обогнали одно парусное судно, терпеливо выжидавшее попутного ветра, которого оно, по-видимому, не скоро дождетсЯ. Несмотря на высокую температуру, энергичные пассажиры — англичане и с ними

С. — играли перед обедом с большим азартом в крикет.

В числе других пассажиров с нами едет один англичанин по имени Кнаулс, проживающий уже много лет на Яве, где он занимается торговыми делами. Узнав, что мы направляемся на Яву, он познакомился с С. и любезно предложил свои услуги для устройства нашего предполагаемого путешествия внутрь страны, о котором он, кроме того, сообщил много интересного.

Понедельник 25 января, Сингапур. — В пять с половиною часов утра мы вошли в архипелаг мелких островов, расположенных вокруг южной оконечности Малаккского полуострова, между которыми находится и остров Сингапур. Чем дальше мы подвигались, тем многочисленнее становились острова, один другого разнообразнее как по формам, так и по величине; площадь большинства равнялась всего нескольким десятинам, но все, большие и малые, были покрыты до самой воды богатой растительностью. Некоторые служили, по-видимому, загородными резиденциями европейцев жителей Сингапура, так как на них виднелись красивые виллы с садами.

В семь часов мы, приняв лоцмана, пошли малым ходом по проходу, который, усеянный скалами и островками, настолько узок и опасен, что суда входят в него только днем. Час спустя «Рохилла» ошвартовалась у верфей «П. и О. К°» в новом порту Танджунг-Пагара*, находящемся в четырех верстах на запад от города. У пристани нас встретили хозяин гостиницы и агент Литл (представитель «Кинг и К°»), передавший нам, что пароход в Батавию отходит рано утром в среду.

Шоссе из Танджунг-Пагара в Сингапур пролегает версты на две или более по полям, от которых оно огорожено живыми изгородями из красных *лантана* и других цветущих растений; изредка попадавшиеся дома тоже украшаются различными кустарниками, между которыми особенно выделялись пурпуровые и желтые цветы хибискуса. По дороге даже в этот ранний час сновали взад и вперед *джинфрикшо*, везомые коренастыми китайцами, и *гэфри* (маленькие кареты), запряженные крошечными, не выше крупного осла, лошадами, бегущими, несмотря на их миниатюрный рост, очень прытко. Тут же тянулись длинными вереницами буйволовые телеги и изредка мелькали нарядные собственные экипажи. Дальше начинались предместья города, с рядами китайских домов и лавок, а еще дальше и самый Сингапур со строениями на европейский лад.

Мы остановились в агентстве Нидерландской пароходной компании, чтобы занять каюты и достать зимнее расписание

* Танджунг-Пагар («ограда мыса», *мал.*) — в 19 в. западная окраина Сингапура. Док для ремонта судов был построен в 1868 г.

рейсов. Затем, заехав еще по пути к Литлу и в книжный магазин, прибыли в гостиницу «Европа». Последняя, очень хорошая на вид, состояла из нескольких зданий, помещавшихся посреди большого сада, по которому ходил ручной олень. Слово «хорошая», относящееся до гостиницы на Востоке, не следует понимать в европейском смысле, так как удобство обстановки весьма относительное. Так, например, полы покрыты циновками, меблировка же самая первобытная, состоя только из наиболее необходимых предметов, как-то: кровати, одного или двух столов, стольких же соломенных кресел и стульев, и — больше ничего; голые стены лишь выбелены и по ним вечером и ночью нередко бегают маленькие ящерицы.

Недостатки нашего помещения вполне возмещались прекрасным видом, открывавшимся из окон: налево находилось здание английского клуба — поло, lawn tennis и др. игр — с его большим огороженным майданом, свежие газоны которого тянулись вдоль берега моря. За этим майданом начиналась гавань, испещренная массою пароходов, барж, военных и других судов, между которыми виднелся флаг «Владимира Мономаха», матросов коего мы раньше встретили на улице. Покрытые растительностью островки окаймляли со всех сторон обширную бухту, оживлявшуюся кипучей на ней деятельностью. Весь день входили и выходили суда: одни грузились, другие выгружались, третьи принимали уголь; между ними сновали паровые катера, мелкие туземные лодки или под мерными размахами весел быстро неслись военные шлюпки. Налево от гостиницы высился готический спич* протестантского собора, а вокруг него теснились публичные здания, дома европейцев и всюду в промежутках деревья, зелень, роскошная тропическая зелень, которая в состоянии прикрасить самый невзрачный пейзаж.

Сингапур находится на острове того же имени, имеющем всего 27 миль длины и 10 ширины и отделенном узким проливом от Джохорского туземного княжества на материке. Лежа на 80 миль севернее экватора, он обладает вполне тропическим климатом. Город, основанный сэром Стемфордом Раффлзом в 1819 году, был в зависимости от правительства Индии до 1867 года, когда он перешел в ведение английского колониального министерства, и теперь считается центром правления всех Straits Settlements. По своему положению — на пути всей торговли Европы с Малайским архипелагом, Индокитаем, Китаем и Японией — Сингапур с самого своего основания сделался важным торговым центром. Теперь его значение из года в год

* Шпиль.

Аллея в Сингапуре.

все возрастает не только в коммерческом отношении, но и в военном как опорного пункта и угольного депо для английского флота.

После завтрака мы поехали в ботанический сад. По выезде из города начиналась длинная аллея, обсаженная великолепными экземплярами *Artocarpus incisa*, *Jacandra mimosaeifolia*, *Michelia cham-rasa*, пальмами и множеством других прекрасных деревьев. Подобные тенистые тщательно содержимые аллеи разветвляются по всем направлениям от города; построенные по сторонам их уютные бунгало окружены точно миниатюрными ботаническими садами: до того роскошна и разнообразна их растительность, среди которой особенно видное место занимают веерообразные пальмы *Ravenala madagascariensis*. Хижины туземцев и те прячутся

Улица в Сингапуре.

под тенью бананов, манго, *мангустинов** и иных фруктовых деревьев. От этого обилия зелени получается впечатление — точно весь остров состоит из одного нескончаемого чудного тропического парка. Климат здесь настолько хорош, что нередко приходится видеть в частных садах самые редкие и нужные сорта орхидей, подвешенных в скорлупах кокосового ореха к верандам или к ветвям деревьев, где они процветают без всякого ухода.

При таких выгодных климатических условиях можно себе представить, чего возможно достигнуть в садоводстве, приложив лишь немного труда и знания, а последних не жалели при устройстве Сингапурского ботанического сада, вследствие чего и полученные результаты таковы, что трудно описать все красоты этого места. Подобно Пенангскому саду растения или раскинуты поодиночке по газонам, не уступающим английским яркостью своей зелени, или соединены в группы тождественных пород. Тут раскинуло свои длинные ветви хлебное дерево (*Artocarpus incisa*) или могучий фикус свесил воздушные корни; там в первый раз виденный мною, *Cyrtostachys renda* выделялся от окружающей зелени своим кроваво-красным стволом; далее пышный *Poinciana regia* пылал покрывающими его багряными цветами, а *Bouvardia jerdoni* наполнял воздух благоуханием своих

* Современное написание — *мангостан*.

нежных сливочно-белых пахучих колокольчиков. Из группы в 20–30 разных видов пальм выделялись особенной красотой *Pinanga maculata* с желтым стволом и ребрами, *Caryota urens* с точно завитыми мелкими листьями, *Martinezia caryotaefolia*, *Latania commersonii*, *Attalea cohune* и другие не менее редкие, все имена которых невозможно запомнить: до того много было новых и интересных разновидностей.

Между цветущими кустарниками не менее было разнообразия, и из них мне более других понравились *Ixora macrothyrsa*, *I. bandthusa* и *Petraea volubiles*. У всех растений и деревьев поставлены надписи с названиями и местом нахождения. При саде имеется небольшой зверинец с обезьянами, попугаями, *кассоуарами** (австралийская птица), громадной змеей (python) и крошечными оленями в шесть или семь вершков вышины, названными за их небольшой рост мышинными. Под бамбуковыми навесами собрана богатая коллекция лиственных растений, требующих защищенного от солнца положения: *Heliconia*, *Anthurium*, *Dieffenbachia* и др. Перед отъездом мы зашли к директору сада доктору Ридлей, с которым я условилась относительно упаковки для перевозки в Россию растений, которые мы возьмем с собою при обратном проезде через Сингапур.

Я долго не могла оторваться от этого очаровательного сада, но, наконец, видя, что С. порядочно наскучило гулянье, предложила проехать по аллеям в экипаже. Миновав часть, оставленную в первобытном, диком виде, джунгля, мы другой дорогой вернулись домой, где с удовольствием укрылись в своих прохладных комнатах от палящего солнца. В наше отсутствие к нам заезжали жена нашего консула г-жа Выводцева и вице-консул.

Несмотря на усталость, мы вечером снова катались по городу, более отдаленные кварталы которого представляли интересное зрелище для новоприбывших, так как в них большею частью живут китайские лавочники и ремесленники, мастерские которых помещаются чуть ли не на самой улице. Кузнецы, башмачники, портные, столяры, бондари работают здесь, не стесняясь присутствием прохожих, и тут же на прилавках посреди тротуаров можно купить у них всевозможный дешевый европейский и китайский товар, как-то: гвозди, иголки, карандаши, бумагу, ножи, патроны, спички и пр. и пр. Мы побывали в некоторых лавках, где приценивались к японским вещам, цены коих были сравнительно невысокие.

После знойного дня наступила, наконец, прохладная ночь, освежаемая дующим с моря ветром, давшим нам возможность впервые за несколько дней хорошо отдохнуть.

Вторник 26 января, Сингапур. — Сегодня я встала в пять с половиной часов утра и после чая поехала одна в ботанический сад.

* Казуар.

Любопытная, пестрая толпа даже в этот ранний час наполняла уже улицы: китайские кули несли из деревни на базар овощи и плоды; толстые, сытые китайцы богатого класса в черных куртках, белых панталонах и белых европейских шляпах медленно и степенно совершали утреннюю прогулку; в дверях своих мастерских сухощавые китайцы-ремесленники наслаждались воздухом и курением, прежде чем засесть за дневную работу. В *гэффи* ехали китайцы-торговцы и европейские приказчики, конторщики и другие, отправлявшиеся из загородных предместий на место своего служения. Китайцы всюду преобладали, но немало было также и длинноногих *клингов** и коренастых маленьких малайцев, между которыми встречались также арабы, японцы и жители всех стран света. Смешение языков было поистине вавилонское: английский, голландский, немецкий, китайский, индостанский, испанский и др., но всего более слышался малайский, составляющий *lingua franca* Малайского полуострова и архипелага.

В ботаническом саду я гуляла часа два, записывая имена растений и изучая особенности неизвестных мне разновидностей; прогулка здесь по утренней прохладе была настоящим наслаждением, а в ботаническом отношении весьма поучительна. Едучи домой, я встретила с С. и с ним отправилась к Литлу посмотреть японские редкости, которых у него был большой выбор. Магазин находился в Раффлз-сквер, где под арками, окружающими площадь, помещаются лучшие магазины Сингапура, снабженные всевозможными европейскими, китайскими и японскими предметами лучшей доброты. От Литла мы заехали в китайские лавки, где накупили довольно много вещей, заплатив за них относительно недорого.

Остальную часть дня я провела дома, а С. отдал визит нашему консулу и вице-консулу. Выводцев утром вернулся из Сиам, куда он отвозил сыну Сиамского султана** орден св. Александра Невского. После чая мы снова были у Литла, где сделали окончательный выбор; имеющиеся у него предметы японского производства все более высокого качества, чем таковые же в туземных лавках, и, конечно, дороже. Инкрустации слоновой костью по дереву и золотом по кости отличались тонкостью и изяществом работы; не менее хороши были также чайные сервизы из тончайшего фарфора.

К сожалению, многие вещи отзывались влиянием европейского вкуса, искажавшим врожденное, весьма утонченное чувство прекрасного японцев, которые последнее время, стараясь подладиться под требования многочисленных английских туристов и

* Потомки выходцев из Индии, которых называли по имени средневекового южноиндийского государства Калинга *оранг-клингами*, или *клингами* (мал.).

** Монарх в Сиаме (Таиланде) носит титул короля.

Китайский дом.

крупных покупателей для лондонского рынка, изменили во многом древним преданиям искусства своей страны и потому теперешние их производства по художественности, хотя не по качеству, во многом уступают прежним. Это пагубное влияние англичан было уже нами неоднократно отмечено в течение нашего путешествия по Индии, где результаты еще более печальны.

Прокатившись затем по городу, мы вернулись в гостиницу, где, собрав свой багаж, отправились на пароход, отходивший на следующее утро в Батавию. *De Carpentier* (название нашего голландского парохода) по своим размерам, по нарядности внутренней отделки и по опрятности походил на большую яхту. В столовой переборки были выложены панелями из ясеневоего дерева, украшенный большими, в квадратный аршин, картинами из изразцов, нарисованные сепьёю* и кобальтом и изображавшими сцены из голландской жизни. Сочетание дерева с изразцами было очень удачно и придавало каюте уютный, веселый вид. Капитан встретил нас у трапа и сам повел вниз показывать помещение, которое за одним исключением было весьма удобное. Исключение составляли ваннные комнаты, отличавшиеся отсутствием ванн, заменявшихся большим баком с водой, которую приходилось черпать ковшом и им обливаться. Пароход освещался электричеством и по комфорту ничем не разнился от английских судов «П. и О. К°».

Продолжавшаяся всю ночь нагрузка сопровождалась таким шумом и суетой, что не было возможности заснуть.

* Сепия — светло-коричневая краска из морского моллюска (сепии).

Среда 27 января, Малайский архипелаг. — Мы снялись с якоря в семь часов утра и пошли между островами столь же живописными, сколь те, которые окружают вход в сингапурскую гавань. В двенадцать часов дня, дав предварительный сигнал пушечным выстрелом, *De Carpentier* остановился в двух или трех милях от берега, напротив города Риау на острове того же имени, принадлежавшем голландцам. У входа в бухту стояла яхта регента Риау. Сдав почту, пароход пошел дальше.

Сегодня мы впервые познакомились с голландским завтраком, основным блюдом которого служит рис и называемым потому «рисовым столом»*. Вначале, с непривычки, мы не знали, как приступить к нему, так как нам подали за раз двенадцать или пятнадцать различных блюд, состоявших из мелко изрубленных кусков каких-то трудно узнаваемых яств. Впоследствии, присмотревшись к соседям, мы открыли секрет удачного употребления этих блюд и даже стали различать их состав. Вся задача заключалась в том, чтобы наложить себе на тарелку миниатюрную гору из вареного риса, облить его очень перченым соусом и на этой основе надстроить содержание мелких блюд, состоящих из сушеной рыбы, холодной солонины, жареных цыплят, раков, говядины, ветчины, яиц, огурцов и пр. пр., а сверху еще непременно положить несколько больших кусков пикулей. Все, что не помещалось на главной тарелке, складывалось в виде запаса, на маленьких тарелках, окружающих полукругом большую, и с которых по мере надобности можно было пополнять истощившуюся рисовую гору. Я перечислила только те блюда, которые легко было различить или по вкусу, или по виду, но таких, которых невозможно было отождествить с чем-либо известным, насчитывалось еще почти столько же, и их мы до конца своего пребывания на Яве не выучились узнавать, а потому тщательно избегали до них дотрагиваться.

Своеобразными яствами не исчерпывались особенности *De Carpentier*, отличавшимся еще удивительным разнообразием собранных на нем представителей всевозможных наций мира, редко, мне кажется, сходившихся вместе на таком небольшом пространстве. В состав прислуги и команды входили яванцы, малайцы, китайцы и индусы; в числе же пассажиров и офицеров были: один француз, нас двое русских, трое англичан, китаец и пятеро голландцев. Когда все собирались за столом, смешение языков было полное: почтовый чиновник-голландец невероятной толщины болтал без умолку на ломаном французском языке с французом; китаец — по-китайски с одним из голландцев, другие голландцы — между собою на своем языке; англичане и мы с

* Традиционные блюда индонезийской кухни.

капитаном по-английски или между собою по-русски, а кругом прислуга, подавая нам блюда, что-то шептала по-малайски. Кроме того, слышались знакомые индостанские слова и вовсе непонятные яванские.

Утром сегодня мы поинтересовались узнать, в какое время мы перейдем экватор; на наши расспросы капитан отвечал, что наверное не знает: «Когда-то днем», — сказал он. Совершая беспрерывно круглый год и из года в год рейсы из Сингапура в Батавию и обратно по морям, испещренным островами и имея почти постоянно в виду берега, командиры пароходов знают отлично все это пространство и поэтому считают излишним делать какие бы то ни было обсервации.

Целый день мы шли островами и только к вечеру вышли в более открытое море, вследствие чего почувствовалась легкая качка; болтливое почтового чиновника укачало, и он к обеду не явился. Температура сегодня стояла довольно возвышенная: в полдень 23° R. в тени, а вечером 20° R.

Четверг 28 января, Малайский архипелаг. — Ночью мы испытали на себе близость экватора: было невероятно душно; в полдень также градусник показывал значительное против предыдущих дней повышение, а именно: 25° R. в тени и 50° R. на солнце, причем даже вечером он упал всего на один градус.

На рассвете мы вошли в Банкский пролив*, где больше не испытывали качки; в восемь часов пароход остановился около голландского военного судна, здешнего станционера, напротив главного города острова Банка — Мунтока, где повторилась вчерашняя процедура, т.е. дали пушечный выстрел, спустили шлюпку и сдали почту; после чего принимали груз олова, задержавший нас до десяти часов. Остров казался весьма живописным, и мы осведомились у капитана, нельзя ли отправиться на берег, но за неимением времени он нам этого не разрешил.

Кнаулс, который живет всегда в Батавии, где он женился на голландке, возвращается теперь туда после четырехмесячного отсутствия в Европе с молодым англичанином, которого он везет с собою в качестве помощника. Первую часть путешествия он был очень весел и разговорчив, радуясь скорому свиданию с семейством, но в Сингапуре узнал о смерти старшего своего ребенка, внезапно умершего от дифтерита, известие, сильно поразившее его.

* Пролив Банка.

Глава VI

Пятница 29 января, Батавия. — В шесть часов утра сегодня мы вошли в группу «Тысячи островов», состоящих из множества мелких островков, большею частию очень плоских, но всех покрытых частым, низким кустарником, среди которого возвышаются кокосовые пальмы и *варингины* (фиговое дерево), и окаймленных узким берегом снежно-беловатого кораллового песку.

Ночью выпал дождь, и небо было хмурое, так что только около восьми часов из-под низко нависших туч показались высокие горы Явы, а немного спустя — и низменный берег с пальмовыми рощами. Беспреданно встречавшиеся суда явственно указывали на близость большой гавани, и, действительно, мы вскоре увидели маяк, миновав который *De Carpentier* часов в десять утра ошвартовался у набережной Танджунг-Приока.

Батавия, бывшая когда-то морским портом, с течением времени благодаря постепенному повышению берега удалялась все дальше от моря, от которого она теперь находится верстах в двух. До последнего десятилетия только самые мелкие суда и баржи могли проникнуть в Батавию посредством канала, соединявшего этот город с морем; все же остальные суда принуждены были останавливаться на открытом рейде, который, хотя и защищен от ветров многочисленными островами, но тем не менее представляет много неудобств для загрузки и выгрузки.

По словам Реклю*, «наносный реками Ливунг** и Ангке ил способствовал еще более засорению и обмелению взморья; береговая линия удалялась из года в год все быстрее, так что с 1817 по 1874 год она отходила средним числом ежегодно на 16 саженей. Ввиду этих обстоятельств было крайне необходимо создать новую гавань, защищенную

* *Reclus Nouvelle geographie Universelle*, 1889. (Прим. О.А. Щербатовой).

** Чиливунг (Чи — река).

каменными дамбами; колониальное правительство, решившись сделать нужную для этого затрату, остановило свой выбор на местечке в семи верстах от Батавии, называемом Танджунг-Приок. Сооруженные здесь два громадных мола, один в 827 сажень длины, а другой в 920, образуют теперь обширный порт, вместимость которого равняется 220 десятинам и где могут свободно стать на якорь самые большие суда. Обширные доки и мастерские завершают удобства порта, который соединен с Батавией железной дорогой, каналом и шоссе».

Посланный из *Hotel des Nederlanden* встретил нас на пристани и предупредил, что до Батавии нужно еще проехать минут двадцать по железной дороге. Последняя проходила сквозь рощи пальм по низменной болотистой местности, пересеченной каналами; здесь все было любопытно и интересно: туземные жилища на сваях, лодки по каналам, идущие на бичевах, оригинальные костюмы жителей и способ запряжки плугов буйволами.

Приехав в Батавию, мы со станции поехали в экипаже, запряженном парой крошечных лошадок, которыми управлял кучер-малаец, одетый в *саронг** и *кабайо***, одежду местных жителей, и имевший на голове поверх тюрбана черный кожаный цилиндр с кокардой, что придавало ему в высшей степени комичный вид. По множеству каналов Батавия очень походит на голландские города, хотя этому сходству мешает большая оживленность улиц и толпы туземцев, между которыми замечалось особенно много китайцев. Вследствие сильных дождей, которыми сопровождается в нынешнем году наступивший недавно холодный сезон, в некоторых местах по нашему пути дома и улицы были совершенно затоплены водою.

Подобно всем гостиницам на Яве, построенным почти по одному плану, *Hotel des Nederlanden*, в которой мы остановились, состоял из обширного двора, обсаженного деревьями и окруженного с четырех сторон зданиями; в переднем находилась гостиная с дверьми, выходящими на широкий крытый балкон, вымощенный мраморными плитами и с расставленными по нему столами, креслами и стульями. Вечером балкон ярко освещался и был любимым местом пребывания живущих в гостинице в до- и послеобеденное время. Примыкая сзади к гостиной, открытая со всех сторон столовая выступала во двор и украшалась различными растениями, наполнявшими боковые арки. В этом же главном здании помещались лучшие спальни и, между прочим, наши, отличавшиеся от прочих большей вышиной и комфортом. Остальные три стороны двора окружены были верандой, служившей гостиной для спален, пристроенных сзади и выходивших на нее дверьми. Перегоро-

* *Саронг* — индонезийская мужская и женская национальная одежда в виде длинной юбки из куска ткани со шитыми концами, которая оборачивается вокруг талии и доходит до щиколоток (мал.).

** *Кебая* — распахнутая кофта (мал.).

женная местами ширмами и уставленная мебелью, веранда затенялась спереди от солнца большими спускавшимися соломенными жалюзиями, заслонявшими также сидящих от взоров прохожих.

Удобство подобного распределения состоит в возможности для всех останавливающихся в гостинице проводить время на открытом воздухе вместо того, чтобы запираться в душливых комнатах; неудобство же составляет публичность здешней жизни, так как нельзя выйти во двор, не подвергаясь любопытным взорам многочисленных зрителей.

После завтрака мы отправились к агенту «Кинг и К°» Райсу, чтобы осведомиться о способах передвижения внутри страны и об удобоисполнимости затеваемого нами путешествия. Райс ничего не сумел нам сказать и направил в справочную контору Шультце, также не снабдившую нас никакими точными сведениями. Батавские же магазины так бедны, что мы нигде не могли найти каких бы то ни было книг про Яву. Всюду, где мы побывали, все говорили только по-голландски и весьма немногие — на ломаном французском языке. С. же, мечтавший, что, зная немецкий язык, ему легко будет изъясняться здесь, решительно ничего не понимал из сказанного ему. Нестерпимая жара заставила нас поспешить домой и укрыться в комнатах, где было, хотя немного, прохладнее.

Батавия, сравнительно с числом ее жителей, занимает громадное протяжение: от одного конца города до другого по прямой линии более восемнадцати верст; жителей же всего 108 тысяч, из которых 8.821 европеец, 26.934 китайца, а остальные — туземцы. Впрочем это пространство включает в себя несколько городов, соединенных друг с другом каналами, дорогами и аллеями. Основанный в 1619 году, город первоначально находился у самого моря, на правом берегу Чиливунга, в устье которого на искусственном острове возвышалась цитадель.

Благодаря ее торговому значению Батавия понемногу обстроилась, но дождь пепла, выкинутый вулканом Салак, завалил каналы, остановив свободный до того сток воды, вследствие чего образовались в более низких кварталах зловредные миазмы; кроме того, морской берег стал ежегодно удаляться все дальше к северу. Таким образом Батавия одновременно лишилась выгод приморского положения и по своему климату, бывшему всегда нездоровым, а после извержения став им еще более, сделалась положительно пагубным местом жительства. Ввиду невыгодности таковых условий, европейские жители покинули древнюю столицу острова, предоставив ее сторожам складов и многочисленному китайскому населению, а сами перекочевали на возвышенные земли, находящиеся в нескольких верстах на юг от покинутого города; причем они из санитарной предосторожности насадили всюду широкие аллеи и обширные сады. Другие меры, принятые ими, и по сих пор исполняющиеся для уменьшения болезненности, состоят в безупречной чистоте улиц, домов и дворов; полицейские постановления по этому предмету обязательны для всех и полиция строго следит за их соблюдением. Все стены, дома и даже туземные хижины должны белиться два раза в

Аллея в Батавии.

год; улицы поливаются три раза в день; накопление нечистот на дворах и в зданиях наказывается как преступление, а каналы и дренажные трубы от времени до времени особенно тщательно прочищаются.

Голландцы и на Яву перенесли свою страсть к каналам: во всех главных улицах Батавии проложены посреди каналы, по бокам которых тянутся аллеи, затеняющие дороги. По сторонам последних помещаются окруженные садами дома, обыкновенно одноэтажные, с черепичными крышами и содержимые с тою удивительною опрятностью, которая присуща только голландцам. Сады с клумбами ярких цветов и изумрудно-зелеными газонами отделены от улиц лишь тщательно обстриженными живыми изгородями по большей части из цветущих хибискусов или низкой решетки, а не огорожены, как в Индии, высокими каменными стенами.

Нынешняя Батавия делится на четыре части, каждой из которых присвоено особое название. Первая, собственно говоря настоящая Батавия, самая древняя, посвящена исключительно торговле; особенности ее составляют узкие улицы и высокие дома с широко выступающими крышами и балконами, напоминающими старинные города Голландии. Здесь сосредоточиваются банки, конторы, агентства и проч.; днем улицы переполнены экипажами, телегами, пешеходами и всеми признаками деятельной деловой жизни; вечером же они пустые: европейцы уезжают в свои виллы в *Moltevreden*, *Wetevreden* или *Meester Cornelis*, туземцы — в свои *кампонги**. По установленному здесь обычаю

* *Кампонг* (мал.) — деревня или городской квартал (окраина), обычно населенный беднотой.

публичные здания и частные конторы открыты от десяти часов утра до пяти вечера, чтобы дать возможность служащим в них предаваться моциону на открытом воздухе в прохладное время дня, т.е. рано утром и вечером.

Вокруг торговых кварталов раскинулся китайский *кампонг*, имеющий своеобразный, не лишенный привлекательности, характер: крыши домов украшены резными карнизами, между которыми фигурируют преимущественно драконы, а фасады — оригинальной мозаикой, похожей на майолику. *Кампонг* с раннего утра до поздней ночи оживляется пестрой толпой туземцев; тут деятельность трудолюбивых, работающих китайцев не прерывается ни в течение полуденного зноя, ни утренней и вечерней прохлады.

Пригород Моленвлит соединяет два вышеназванных предместья с третьей центральной и самою красивою частью Батавии, носящей название Велтевреден, где находятся публичные здания, гостиницы, лучшие магазины и дома европейцев. Велтевреден одновременно и город, и парк, в котором собрано большинство тропических растений, замечательных яркостью зелени, красотой цветов, величавостью роста или причудливостью растительности, как-то: *равеналы*, пальмы, *ва-рингинны*, *кротоны* и пр. пр. Дома с широкими портиками ослепительной белизны, ионическими колоннами и мраморными полами выглядят из своей оправы зеленых деревьев; сады и дворы пестреют от густолиственных кустарников и разноколерных цветов, а обширные скверы, покрытые ярко-зелеными газонами, и широкие аллеи, обсаженные великолепными деревьями, дышат прохладой, столь необходимой в этой жаркой стране. Дороги, посыпанные красным песком, служат контрастом всему этому обилию зелени, адвигающиеся по ним

туземцы своими легкими бумажными или шелковыми одеяниями нежных цветов и грациозных форм придают еще более красоты окружающей обстановке.

В Велтевреде много прекрасных зданий, большинство которых группируется вокруг двух больших площадей — Кенингсплайн и Ватерлооплайн*. Первый окружен четырьмя великолепными аллеями тамариндовых деревьев (*Poinciana regia*), образующими грациозную арку мелколистенной зелени, разнообразящуюся тут и там величавыми *варингинами*, этими характерными гигантами яванской флоры. Ватерлооплайн с двух сторон обстроен домами офицеров, а с третьей находится «Конкордия», т.е. военный клуб и бывший дворец генерал-губернатора Дандельса, в котором помещаются теперь различные правительственные департаменты. Напротив дворца поставлена статуя Яна Питерсзоона Куна, основателя Нидерландской Ост-Индской империи (1619—1629 гг.). Посреди же Ватерлооплайна возвышается футов на сорок в высоту, монументальная колонна с бельгийским львом на вершине. На базисе этой колонны находится любопытная надпись по латыни следующего содержания: «Вечной памяти того знаменитого дня июня 20 1815 года, когда благодаря стойкости и искусству бельгийцев и их знаменитого генерала Вильгельма Фридриха Георгия Людовика принца Люксембургского после страшной битвы на полях Ватерлоо, батальоны французов были разбиты и рассеяны во все стороны и водворен всеобщий мир». Как видно из надписи, истина слегка извращена, так как Ватерлооская победа приписывается исключительно бельгийцам. Четвертая часть Батавии простирается к югу и называется Мистер Корнелис**.

После чая мы поехали в Кенингсплайн, служащий модным местом вечерней прогулки. Вся Батавия здесь гуляла, не обременяясь излишними шляпами и перчатками, и даже многие мужчины ходили с непокрытыми головами. Обычай выходить после заката солнца без головного убора сначала поражает своей новизной, но, если вникнуть в причину его, то следует признать, что он весьма целесообразен, и действительно к чему согревать голову, защищая ее от солнца, которого уже нет? Другой обычай на Яве — отдавать визиты по вечерам, а не днем, также очень разумен. В тех случаях, когда в каком-либо доме принимают, портик или балкон ярко освещается, тем означая, что гости могут войти; если же света нет, то никто и не думает заходить, зная, что или хозяев нет дома, или что они желают остаться одни.

Из Кенингсплайна мы заехали в зоологический сад, весьма запущенный и бедный по количеству экземпляров: единственное исключение составляли обезьяны, которых было довольно много; из них одна, очень злая, все старалась выхватить у меня из рук зонтик. Когда же ей

* Дословный перевод: Луг короля и Ватерлооский луг (*Прим. О.А. Щербатовой*).

** Меестер Корнелис.

это не удалось, она, рассердившись, стала брызгать на меня из своей чашки водой.

Возвращаясь домой, мы любовались картинностью города: балконы и портики были освещены разноцветными фонарями и на них виднелись группы нарядно одетых дам и мужчин. Всюду сквозь листву деревьев блестели огни и во многих местах слышались звуки военной музыки; по улицам толпились туземцы и гуляли европейцы, все стремясь воспользоваться свежестью здешних чудных ночей.

Днем С. был у нашего консула, голландца по имени Бауд, принявшего его довольно недоверчиво и сухо, как будто подозревая, что С. выдает себя за кого-то другого; он, между прочим, очень удивленно сказал, что ничего не знал о нашем приезде. Когда же во время разговора С. случайно упомянул об имевшемся у него письме к генерал-губернатору, Бауд тотчас стал гораздо любезнее. Генерал-губернатор, как оказывается, живет в Бейтензорге, в нескольких часах отсюда по железной дороге. Хотя центр управления Нидерландской Индии находится в Батавии, но климат ее настолько нездоров, что все европейцы стараются приезжать сюда только на день, а вечером уезжают обратно в Бейтензорг, где их семейства постоянно пребывают.

Суббота 30 января, Бейтензорг. — Сегодня я испытала на себе все неудобства верандной жизни: ваннные комнаты помещались в самом конце двора, и мне пришлось идти туда в утреннем костюме мимо веранд, где уже сидели многие жители гостиницы, пьющие утренний чай в самых легких одеяниях. Ваннные комнаты на Яве, подобно пароходным, не имеют ванн: на каменном полу поставлена решетчатая доска, а рядом с ней огромный бак с водою, с небольшим лишь отверстием, вероятно из предосторожности, чтобы кто-нибудь по ошибке не выкупался бы в нем. Способ купанья обливанием холодной водой отчасти освежает больше, чем окунание, но зато он медлен и скучен. Идя обратно после ванны, я застала уже всех мужчин на своих верандах с голыми ногами, перекинутыми через длинные ручки кресел. Как одна английская путешественница справедливо замечает: «Эта публичность домашней жизни является последствием климатических условий. Удобные позы и костюмы *pégligé** понятны у себя дома, но не в публичной гостинице, а, между тем, понемногу привыкаешь к ним и находишь их вполне естественными в столь жарком климате».

Большинство голландок на Яве носит малайский костюм, т.е. *саронг* и *баджу*; первый состоит из куска материи аршина в два с половиною длины, сшитого вместе в ширину полотнища, на нем изображены цветы, животные, фантастические фигуры, иногда целые деревни с домами и сценами из обыденной жизни. У бедных классов *саронги* бывают полотняные, у более зажиточных же — из тонких легких материй. *Саронг* надевается через голову в виде юбки и стягивается к переду, где из

* Неглижé, домашнее одеяние (фр.).

лишней материи образуют широкую складку; для удержания его на месте он в талии перетягивается шелковым поясом яркого цвета или жгутом с кистью. Сверху надевается *баджу*, широкая ночная кофточка из полотна или батиста, иногда украшенного кружевами. На босые ноги накладываются туфли, вышитые золотом или серебром. Мужчины носят просторную *баджу* и широкие пиджамы и в этом костюме ходят до полудня, показываясь всюду в нем без малейшего стеснения и лишь изредка надевая сверху шерстяную куртку. Дамы весь день не снимают *саронг*, и, хотя не принято вообще показываться гостям или вне дома в нем, но это правило редко соблюдается, и он заменяется европейским платьем только в течение нескольких часов вечером.

Для непривычного глаза подобная манера одеваться кажется не только странной, но даже неприличной, а между тем голландцы поступают в гигиеническом отношении весьма разумно, согласуя свое одевание с климатическими условиями, в которых им приходится жить; тем более, что такие кажущиеся мелочи, как форма одежды, имеют очень значительное влияние на здоровье, и наше европейское платье вовсе неподходяще к тропическим жарам. Дети, даже 13-14-летние, одеты еще более просто, чем взрослые, так как на них накинута лишь длинная ночная рубашка и, кажется, больше ничего; ноги, конечно, босые.

Туземцы, мужчины и женщины, носят также *саронг*, поверх которого первые надевают *баджу*, а вторые — *кабайю* или накидку, прикрепленную в талии булавкой и покрывающую почти весь *саронг*. Через левое плечо грациозно перекинут длинный шарф, называющийся *слендангом* и употребляющийся женщинами для ношения детей, а мужчинами во время работ в виде пояса. Женщины ходят с непокрытой головой, а мужчины обвивают вокруг нее квадратный кусок полотна, в виде тюрбана, а сверху надевают широкую грибообразную шляпу, сплетенную из соломы и затем выкрашенную и лакированную. Шляпы эти, различных величин, цветов и качеств, одни более простые, другие же украшенные золотыми узорами или золоченые, составляют отличительную черту малайского костюма и производят весьма комичное впечатление, в особенности при больших туземных сборищах.

В своем образе жизни голландцы также применились к местному климату: вставая рано, в пять или шесть часов утра, они до двенадцати гуляют, занимаются делами, посещают магазины; после завтрака, в двенадцать часов дня, все отдыхают, магазины запираются и в домах наступает сонное царство: никого не видно, ничего не слышно. Около четырех часов дня город просыпается, магазины вновь открываются, и жители, выкупавшись вторично, к пяти часам готовы, одетые в европейское платье, для вечерней прогулки, визитов и приемов.

Это разумное применение голландцев к обстановке, в которой они принуждены проводить иногда многие годы, составляет резкий контраст с привычками, при подобных же обстоятельствах, англичан, которые всюду, несмотря на различие климата, строго придерживаются

своих национальных обычаев. В Индии, как и в Англии, они в самую жаркую пору дня облачаются в сюртук и цилиндр и отправляются с визитами; кому нужно бывать в магазинах, приходится посещать их также во время денного зноя, так как они открыты только от десяти часов утра до пяти вечера.

Сегодня, во время утреннего чая, к нам зашел Бауд, бывший особенно предупредительным, вероятно вследствие показанного ему С. письма от министра колонии в Гааге генерал-губернатору Нидерландской Индии; письмо, любезно выхлопотанное нам А.Е. Влангали. Бауд хорошо говорил по-французски и, между прочим, рассказал нам следующие подробности о страшном извержении вулкана Кракатау в 1883 году. Он тогда находился в Батавии, где внезапно, в два часа дня, наступила ночная мгла, продолжавшаяся до пяти вечера; по какой-то причине газ не мог быть тотчас зажжен, так что город довольно продолжительное время был погружен в полную темноту. Удручающее впечатление этой темноты среди дня усиливалось землетрясением и гулом, похожим на сильную пушечную стрельбу.

Реклю так описывает это извержение, не имеющее себе подобного в истории земного шара: «Не так давно еще вершина Кракатау в 2,830 футов вышины служила руководительным пунктом для моряков, проходящих через Сундский* пролив. Последнее извержение этого вулкана, известное по преданиям, но давно забытое туземцами, было в 1680 г. В мае месяце 1883 года вулкан вдруг проснулся, на одном из его западных скатов земля разверзлась и оттуда показалось пламя, послышались взрывы и удары, сопровождавшиеся дождем пепла и дыма. Первое время это извержение никого не пугало, так как оно ничем не отличалось от вулканических проявлений, так часто наблюдаемых в различных местностях Инсулинды**; жители Батавии отправлялись в виде приятной экскурсии на необитаемый остров Кракатау, чтобы полюбоваться вблизи интересным зрелищем и даже подходили к самому краю кратера. Но после трех месяцев подземного гула вдруг последовал ужасный взрыв и в несколько часов вся география Зондского пролива преобразилась. В Батавии, отстоявшей на 115 верст от места происшествия, шум был так силен, что его приписывали извержению какого-нибудь близко находящегося вулкана и в волнении ожидали, что откроется под ними земля. Залпы вроде артиллерийских были слышны во всех морях Сунды и южного Китая, в Бенгальском заливе и в половине Индийского океана, и всюду слышавшие в недоумении спрашивали друг друга: не происходило ли где поблизости громадного морского сражения? Сотрясение всколыхало воздушное пространство на огромное протяжение, по расчетам, — на четырнадцатую часть земного шара; есть предположение даже, что подземные удары, слышанные на

* Зондский.

** Инсулинда — островная Индия (лат.).

антиподах Кракатау, на американском острове Кайман-Брэ*, происходили от того же очага извержения. Пепел, выкинутый конусообразно на 23 версты вверх и 35 верст в ширину, спустился густым слоем вокруг острова, раскинувшегося на части; на расстоянии $13\frac{1}{2}$ верст слой пепла достиг $22\frac{1}{2}$ вершков; в 135 верстах, в средней части Суматры, его выпало до полутора вершка, а на 1,080 верст, в Индийском океане, вся поверхность покрылась мелким пепельным порошком.

Количество веществ, выкинутых в виде пепла и камней, исчислено в 18 миллиардов кубических метров; морем доносило пепел до берегов Мадагаскара.

Если же допустить, что необычайный сумрачный свет, наблюдавшийся в течение осенних месяцев 1883 года в Европе, был последствием извержения Кракатау, то это доказывает, что вся атмосфера до крайних пределов воздушного пространства на всей окружности нашей планеты была наполнена тонкой вулканической пылью. По свидетельству наблюдателей, море на всей земной периферии испытало сотрясение от этого извержения, и огромная масса воды, вытесненная низверженным в море островом, громадной волной обошла весь земной шар, дойдя в тринадцать часов до мыса Доброй Надежды.

Когда же воздух очистился и стало возможно проникнуть в Зондский пролив, то глазам представилась ужасная картина разрушения. Города Аньер и Тваринги на яванском побережье, Бенуанг и Телухбетунг** на Суматре исчезли совсем; многочисленные деревни, рассыпанные по берегам обоих островов, пропали бесследно; множество лесов кокосовых пальм были выровнены с землей. Морская волна в 14-17 саженой вышины ударила о берег, унося с собою все препятствия и образуя новые бухты и заливы; более сорока тысяч человек погибло в течение нескольких часов или от морской волны, или от потоков дождя и грязи, выпавших с неба.

Единственным оставшимся в живых человеком на всем протяжении пролива был сторож маяка, построенного на изолированной скале в 19 саженьях от места извержения; волна дошла до фонаря маяка, но в темноте он этого даже не заметил. От острова Кракатау сохранился только южный вулкан; вся же остальная часть, т.е. две трети острова, занимавшая пространство приблизительно в 18 квадратных верст, была снесена и на ее месте образовалась морская бездна, в которой лот на глубине 985 футов не достиг дна. Но если в некоторых местах море покрыло земли, то взамен их сформировались новые поверхности из пепла и камней; остров Верлатен увеличился почти вдвое; в других местах, с глубины моря появились горы в 229 и более футов вышины. Некоторые острова, как, например, Себери, покрытый до того лесами и деревьями, изменил свой внешний вид и состоял теперь из беловатых каменных конусов. Вокруг этих островов море было покрыто пла-

* О. Кайман-Брак входит в гряду Больших Антильских о-вов в Вест-Индии.

** Телукбетунг.

вучею массою пемзы, мешавшей свободному движению судов. С течением времени пролив очистился от этих плавающих масс, но подводный кратер Кракатау не изменился. Недавние наблюдения, произведенные в этом месте, показали, что этот кратер существовал еще раньше извержения и что западная часть Кракатау образовалась недавно».

Сегодня я заходила в разные магазины и удивлялась тому, как всем в Батавии известно о нашем приезде. В одном месте у меня спросили, в какую гостиницу послать купленные вещи и сказали, что я, верно, княгиня Щербатова. На мой удивленный вопрос, каким образом меня знают, приказчик отвечал: «Помилуйте, мы уже слышали, что вы приехали!» По всему заметно, что Яву посещают весьма немногие туристы, и действительно число путешественников, побывавших внутри страны, очень невелико. У одной французской портнихи мне выразили удовольствие видеть русских и добавили, что если мне только угодно, то сама хозяйка магазина придет во всякое время за приказаниями в Бейтензорг. «Вы понимаете», — сказала портниха, — «что ввиду тех отношений, какие существуют между русской и французской нацией, я никогда не решусь исполнить вашего заказа кое-как». Кнаулс советовал нам путешествовать по Яве инкогнито, так как будто бы наш титул будет производить слишком сильное впечатление. До сих пор последнее заметно только по дороговизне всего как в магазинах, так и в гостинице, в которой нам подали такой невероятно дорогой счет, что мы при отъезде объявили хозяину о нашем намерении более не останавливаться у него.

В 4½ часа дня мы выехали в Бейтензорг, отстоящий от Батавии на сорок девять верст, расстояние, которое совершается по железной дороге в час с четвертью. Все железнодорожные служащие были или китайцы или яванцы, одетые в синее суконное европейское платье, перетянутое в талии туземным поясным куском полотна; головной же убор их состоял из тюрбана с надетой сверху жокейской заостренной шляпой. Миновав предместья Велтевреден и Мистер-Корнелис, где в лесу пальм и других деревьев прятались виллы европейцев и дома туземцев, поезд пошел рисовыми полями, устроенными террасами и покрытыми водой.

Посадка риса подразделяется на раннюю и позднюю, но способ обработки всегда одинаковый: земля сначала вспахивается буйволами, затем боронится, причем бороньбе способствует вода, которой наводняются поля, прикрывая их на два или на три вершка глубины; вода удерживается на необходимой высоте невысокими грядами, разделяющими поле на мелкие клетки, не более 50—100 квадратных футов* каждая. В этот период обработки поля представляются в виде жидкой массы грязи. Рис сеется густо в эту грязь на небольших участках; когда же растения достигают 2-3 вершков вышины, их рассажи-

* Т.е. 4,7—9,5 кв. м. Фактически площадь этих клеток существенно больше.

Савак под водой.

вают на более крупные участки, которые оставляют затопленными почти до полного созревания риса. Земли, на которых устроено орошение, называются *савак* и с них собирают два урожая в год; неорошаемые же земли дают только один урожай и называются *тегал*. *Савак* так искусно устроены террасами одни над другими, что без всяких водоподъемных машин или бассейнов для запасов воды получается постоянно с высоких гор нужное количество орошения. По созревании риса его руками срезают под самым колосом, солома же оставляется для удобрения почвы. После уборки риса затопленные террасы нередко употребляются для разведения рыбы, которая потом продается туземцами.

Любопытная особенность рисовой культуры состоит в том, что каждый отдельный фазис ее виден рядом один с другим, так что случается даже иногда, что посев и жатва смежных полей производятся одновременно.

По нашему пути в полях шла деятельная работа: тут пахали, там сажали, дальше сажали; в иных местах рис еще не всходил, а в других поля блестели яркой изумрудной зеленью почти уже созревших растений. Между полями были разбросаны группы пальм, деревьев и бамбука; за ними простирался джунгл, перерезанный реками и потоками, а, наконец, показались и горы, но менее высокие, чем какими они представлялись нам в нашем воображении. Вся местность была замечательно красива и поражала нас свежестью и разнообразием своей растительности, а также и явными признаками благосостояния страны.

Вид на Чидани и Салак из гостиницы «Белль Вю».

Когда мы высадились на станции Бейтензорг, дождь лил, как льет он только в тропиках, вследствие чего мы немного успели заметить по пути в гостиницу, и я разглядела лишь великолепную аллею, по которой мы проезжали, имевшую с одной стороны дома европейцев, а с другой — ботанический сад. Мы остановились в «Отель Белль Вю*», вполне оправдавшем свое название. Наши комнаты угловые выходили дверьми с одной стороны на веранду двора, а с другой — на широкий крытый балкон, служивший нам гостиной и отделенный от соседних помещений высокими ширмами. Чудный вид открывался с этого балкона, висевшего над высокой пропастью. Далеко внизу быстрым потоком неслись *тьи Дани***, окаймленный густым лесом пальм, сквозь кроны которых проглядывали черепичные крыши туземных домов. Прямо, напротив, возвышался вулкан Салак (7,260 футов), а левее его — еще более высокая горная масса, оканчивающаяся двумя конусами — Пангеранг и Геде (9,702 фута). Пространство, отделяющее нас от этих вершин, то гористое, то низменное, было покрыто непроницаемым джунглем.

Воскресенье 31 января, Бейтензорг. — Утром, при первых лучах восходящего солнца, вид с нашего балкона был еще восхитительнее, чем накануне. Весь окутанный зеленью деревьев, отчетливо выделялся красивый Салак и его четыре оконечности, между которыми плавали небольшие белые облака; налево сквозь утренний туман неясно обрисо-

* Прекрасный вид (*фр.*).

** Река Чидани.

вывался Геде с его вечно дымящейся вершиной; справа же горизонт замыкался амфитеатром невысоких возвышенностей. Сегодня тоже можно было разглядеть яснее простирающееся между этими горами целое море роскошной растительности, среди которой всего более обращали на себя внимание стройные кокосовые пальмы. Берега и русло реки оживлялись толпой детей, женщин и мужчин, купающихся, стирающих белье и ловящих рыбу. Вулкан Салак безмолвствует с 1692 года, когда его потоки лавы дошли до Батавии, зато Геде (т.е. Великий) и по сих пор находится в действии, часто выбрасывая пепел и серу.

Расположенный на высоте 872 футов, на лесистом хребте, разделяющем Чиливунг от Чидани, Бейтензорг, что значит *Sans Souci*^{*}, с 1747 года служит постоянной резиденцией генерал-губернатора Нидерландской Индии. Дворец его построен посреди обширного парка, смежного с знаменитым во всем мире ботаническим садом и в котором содержатся большие стада оленей. Как я упомянула раньше, здесь же живут консулы, большинство европейских служащих и коммерсантов. Хотя высота его над уровнем моря так незначительна, Бейтензорг, однако, обладает весьма здоровым климатом; днем жара никогда не бывает чрезмерной, а ночи всегда прохладные. Кроме того, хотя выпадающие дожди гораздо обильнее, чем в Батавии, но благодаря более возвышенному местоположению нет той чрезмерной сырости почвы, которая составляет самую вредную сторону климата столицы Явы.

Город населен четырьмя тысячами жителей и имеет отличный клуб, музей, скаковой круг и многие хорошие гостиницы. С соседними городами он соединен шоссе; железная дорога, начинающаяся в Батавии и проходящая через Бейтензорг, доходит уже теперь до Тасикмалаи, местечка на восток от Бейтензорга, откуда в скором времени она будет продолжена до Чилачапа — конечного пункта другой линии, идущей с противоположного конца острова. Таким образом, непрерывный рельсовый путь вскоре соединит все важнейшие города Явы между собою, кроме превосходно содержимых шоссе, которые уж теперь густою сетью покрывают ее. Дороги эти, обсаженные деревьями, возникли благодаря стараниям генерал-губернатора маршала Дандельса (1808—1811 гг.), так много сделавшего для улучшения путей сообщения на Яве.

С., гуляя утром пешком за городом, увидел нашего консула, работающего в своем саду, очутившись таким случайным образом около его виллы. С. счел своим долгом сделать ему визит, хотя час был очень ранний. Бауд, бывший босиком и в пиджаке, познакомил С. со своей женой, которая по местному обычаю, была одета в *саронг* и *баджу*; по словам С., ни муж, ни жена нисколько не стеснялись своими костюмами, хотя оба были мало знакомы с ним.

^{*} Сан-Суси (*фр.* беззаботность) — название бывшей королевской резиденции в Потсдаме, под Берлином. Голландское слово «бейтензорг» имеет то же значение.

Китайский кампунг.

Мы переслали через Бауда наше рекомендательное письмо генерал-губернатору, изъявив при этом желание познакомиться с ним; в ответ нас сегодня известили, что генерал-губернатор и его жена М. et М-me Рупаскер Нордык примут нас завтра, в одиннадцать с половиною часов утра, и одновременно получили приглашение на обед во дворец (резиденцию генерал-губернатора) на тот же день.

После чая мы поехали кататься по окрестностям Бейтензорга. Тотчас за ботаническим садом, огороженным высокой железной решеткой, начинался туземный *пасар* (базар), где по обыкновению толпы малайцев, китайцев и других туземцев шумно занимались своими делами. Эта улица была очень живописна с ее длинным рядом маленьких лавок, переполненных всевозможными предметами, между которыми выдающееся место занимали ярко-цветные плоды, как-то: пунцовые *джамбу*, желтые бананы, *помело*, ананасы, дыни и пр., вперемежку с подвешенными стручками самого блестящего красного и зеленого перца и бамбуковыми клетками с красивыми птицами. Маленькие, почти голые, дети медного цвета кожи, сновали всюду; продавцы свежескошенной травы, большие пучки которой свешивались с обоих концов бамбукового коромысла, почти скрывая несущих, медленно пробирались со своей тяжелой ношей; китайцы с длинными косичками, засунутыми в карман, и яванцы с грибообразными шляпами, покрашенными во все цвета радуги, покупали, продавали и торговались, все время оживленно болтая.

Пасар оканчивался у моста через Чиливунг, от которого шла широкая тенистая аллея, окаймленная живыми изгородями из переплетающихся вьющихся ползучих и цепких растений. Из-за них выглядывали окружен-

Туземная деревня.

ные садами дома европейцев и красивые, корзинообразные жилища туземцев. Последние на Яве всегда одной конструкции и состоят из деревянной рамки, к угловым столбам которой прикреплены в виде стен опрятные циновки, сплетенные из листьев *раттана**, выющегося растения или из бамбука. Циновки украшены вплетенными в них красными, черными и белыми узорами. Бамбуковые полы приподняты от земли низкими сваями или каменными столбами, так что под ними остается свободное пространство, предосторожность, принимаемая во избежание сырости. Крыши бамбуковые или из длинной травы, реже — из листьев *ни-на*, разновидности пальмы, и только у более зажиточных туземцев — черепичные. У всех домов спереди тянется веранда, и они окружены садом или двором, обсаженным живой изгородью из хибискусов.

Читателям по описанию должно казаться, что в подобных хижинах мало материалов для красоты, а тем не менее они со своей неизменной группой банановых деревьев, грациозные, типичные листья коих высоко поднимаются над крышами, с их садами, где цветут ярко-колерные цветы, составляют одну из наиболее прекрасных характеристик тропического пейзажа.

Замечательную особенность как домов, так и деревень на Яве составляет удивительная чистота, опрятность и порядок. Англичанин Моне в своей интересной книге про Яву** говорит: «Всякий деревянный

* *Ротанг*.

** Книга Джона Мани (*John Money*) «Ява или как управлять колонией» (на *англ.*) вышла в свет в 1861 г.

и каменный столб белится два раза в год; стены постоянно чинятся и чистятся, а крыши поправляются. Пространства вокруг домов очищены от навоза и мусора и подметены, а изгороди тщательно подстрижены. Дороги и тропинки на Яве всюду проходят на протяжении многих верст между изгородами и домиками в вышеописанном блистательном порядке, удивляющем проезжих.

Эти привычки чистоты и опрятности были вовсе неизвестны туземцам на Яве до тех пор, пока голландцы, считая их необходимыми мерами цивилизации и санитарии, не стали настаивать на их соблюдении и наказывать довольно строго всякую в этом отношении небрежность».

Через горные потоки и многие деревни мы объехали с запада весь Бейтензорг по гористой, волнистой местности, где изобиловали пальмы, громадные бамбуки, древесные папоротники и тысячи других деревьев и растений, входящих в состав здешней флоры. Прелестные виды следовали друг за другом с такой быстротой и с таким разнообразием, что не успевали далее отпечатлеваться в памяти, и у меня сохранилось лишь общее впечатление многих красот природы, промелькнувших перед глазами во время этой прогулки. На обратном пути кучер провез нас через дворцовый парк, въезд в который по аллее столетних *варфингов* (*Ficus sycomorus*); на газонах паслись стада оленей, как говорят, числом около трехсот, настолько ручных, что они безбоязненно подпускали к себе и давались даже ласкать. Везде, где мы проезжали сегодня, дороги были необычайно оживлены: *тонги**, запряженные волами или лошадьми, перемежались с верховыми и пешеходами, но совсем не было видно европейских экипажей и вообще туземный элемент всюду преобладал.

Вечер мы провели у себя на балконе, по потолку и стенам которого бегали маленькие ящерицы, издававшие какие-то особенные звуки. Погода здесь, в особенности после Батавии, верх совершенства: днем жарко, но не слишком, так что термометр показывает 22-23° R., по утрам же и вечерам только тепло, т.е. 16-18° R.

Понедельник 1 февраля, Бейтензорг. — Утром дождь лил до того сильно, что я не решилась идти гулять с С. Хотя эти беспрестанные дожди довольно неприятны, но они имеют и свою выгодную сторону, так как освежают воздух и придают здешней зелени тот богатый, яркий колорит, свойственный только растительности жарких, влажных климатов, как, например, Цейлону и островам Малайского архипелага.

В одиннадцать часов мы отправились во дворец, построенный в классическом стиле, которого придерживаются голландцы во всех своих публичных зданиях, т.е. с фронтонами, пилястрами и галереями. Широкая лестница вела к большому портику с колоннами, находившемуся в средней, более высокой части строения, по обеим сторонам которой тянулись обширные флигеля. С портика открывался великолепный вид на озеро и парк, где гуляли олени, и на вулкан Салак, видневшийся в конце

* *Тонга* (инд.) — легкая двуколка.

Аллея *варингинов* в Бейтензорге.

нарочно для этого устроенной просеки и казавшийся, в сравнении с светло-зеленой листвой окружающих пальм и бамбуков, темно-лазуревой отвесной вершиной. Посреди просеки красовалась колонна, воздвигнутая лет пятьдесят тому назад неизвестно по какой причине.

По приезде во дворец нас встретил адъютант генерал-губернатора и ввел в небольшую гостиную, куда через несколько минут вошли г-н и г-жа Пинакер Хордик. Разговор завязался по-французски, которым первый владел довольно плохо, а жена его — недурно. Сообщив о наших планах относительно путешествия по Яве, С. просил генерал-губернатора дать ему циркулярное письмо ко всем резидентам, а также облегчить сношения с туземными регентами. Заговорив про землетрясения, повторяющиеся довольно часто на всем острове, хотя редко с разрушительной силой, г-н П. Хордик рассказал, что лишь пятьдесят лет тому назад весь верхний этаж здешнего дворца был разрушен подобным явлением. В то время генерал-губернатором был дед теперешнего нашего консула Бауда, который с женой посреди ночи едва только успели выскочить из дому, в чем были, как часть здания обрушилась. После этого происшествия дворец был перестроен в один этаж. Недавно также от землетрясения в восточных провинциях Явы погибло более двух тысяч человек.

Посидев около получаса, мы вернулись домой и до чая более не выезжали, так как дождь шел почти непрерывно; под вечер мы прокатились немного в коляске.

Бейтензоргский дворец и пруд с *Victoria regia*.

В семь с половиною часов мы были снова во дворце, где в нашу честь давался парадный обед; генерал-губернатор с женой по примеру высокопоставленных должностных лиц в Индии явились в гостиную только когда все гости были уже в полном сборе. Обед продолжался довольно долго, и разговор, коснувшийся преимущественно Явы, снабдил нас многими интересными сведениями. По поводу змей, о многочисленности и ядовитости которых европейцы, впервые посещавшие тропические страны, имеют самые неверные понятия, мой сосед справа рассказал мне о том, как его жена, недели две тому назад, гуляя вечером в тонких башмаках в ботаническом саду, была укушена в ногу одним из этих гадов. Благодаря тому, что яд немедленно высосали из раны, которую потом прижгли, больная теперь поправляется, хотя змея была из самых ядовитых. Д-р Трей (Трейб), директор ботанического сада, по этому поводу сказал, что за все пятнадцать лет, которые он здесь провел, это единственный пример на его памяти укушения европейца и что даже между многочисленными туземцами, работающими у него в саду, за это время было не более двух или трех случаев и те не оказались смертельными.

Разговаривая потом с бароном Суертсом де Ландас-Уйборгом, генеральным секретарем Нидерландской Индии, меня удивило что-то сказанное им о том, что С. был предводителем дворянства Рузского уезда; на мой вопрос, каким образом он мог быть знаком с такой подробностью, он, смеясь, отвечал, что в нашем рекомендательном письме был внесен своего рода формулярный список С. Потом оказалось, что осторожный министр колонии в Гааге сначала снесся с нашим министерством иностранных дел и только по получении удовлетворительно-

Группа панданусов в Бейтензорге.

го ответа насчет личности С. прислал А.Е. Влангали просимое им для нас рекомендательное письмо. Свояченица барона замужем за сыном нашего бывшего министра иностранных дел Гирса.

После обеда пили кофе, стоя на балконе, после чего все вскорости разъехались.

Вторник 2 февраля, Бейтензорг. — С. во время своей утренней прогулки дошел до большой чайной плантации, находящейся где-то очень далеко к югу от Бейтензорга; я же ходила по базарам и снимала фотографии. Туземцы здесь гораздо менее любопытны по отношению к европейцам, чем в Индии, и неизменно вежливы и услужливы. Известная натуралистка англичанка мисс Норт так отзывается о них и о Яве: «Порядок во всем на Яве необычайный и, несмотря на властное управление голландцев, у туземных жителей необыкновенно счастливый, независимый вид, какого не видно в Индии. Ява с одного конца до другого представляет собою непрерывный плодоносный сад с грандиозными вулканами, возвышающимися посреди его, превосходя красотой, богатством и роскошью своей растительности и пейзажей Бразилию, Ямайку и Саравак, соединенных вместе. Скаты гор покрыты густыми лесами и можно подняться до самых их вершин и объехать весь остров по отличным почтовым дорогам. Всюду находятся удобные почтовые дома, где ночлег и пища оплачиваются по установленному тарифу. Кроме того, путешествие на Яве вполне безопасно».

С базара я зашла в ботанический сад и осматривала отделы *Pandanus*, *Zamia*, *Agave* и *Dracaena*. В числе первых находится очень любопытный экземпляр с Никобарских островов, имеющий длинные воздушные корни, по-видимому, совсем бесполезные, так как они не

способствуют питанию дерева. Другой представитель семейства пальм *Lodoicea sechellarum* отличался размерами листьев и плодов, своей величиной превосходящих какое бы то ни было растение на земном шаре: так, например листья достигают десяти футов в поперечнике, а плоды, которых, я, впрочем, не видала, — двух футов. По общей же красоте особенно выделялась *Areca crinita* с верхней частью ствола, окрашенною в оранжево-красный цвет. В отделе *драцен** было столько разнообразия, что, пересматривая свои заметки о них, я затрудняюсь даже, кому дать предпочтение; более выдающимися все-таки мне показались *Cordyline jacquinii planch.*, *Dracaena gloriosa*, *D. hendersonii*, *D. excelsa*. Но несомненно, что первое место между пальмами принадлежит уже раньше описанному мною *Cyrtostachys renda*, названному одним натуралистом во время его путешествия по архипелагу «славой богатейшего пальметума в мире», и действительно ярко кроваво-красные стволы и стебли этой пальмы производят поражающий эффект. Все кварталы панданусов, пальм и *драцен* расположены по газонам, волнообразно спускающимся к берегам Чиливунга.

После ботанического сада я побывала у одного фотографа, с которым мы занялись проявлением моих негативов; покончив с ним, я вернулась в гостиницу, так как было уж довольно жарко. У нас вообще во время пребывания в тропиках день распределен следующим образом: встав рано, часов в шесть, мы, напившись чаю, отправляемся гулять; самые жаркие часы дня, т.е. от одиннадцати до четырех, мы проводим дома, предаваясь чтению или писанию, после чего до сумерек катаемся в экипаже.

Сегодняшняя наша прогулка была по направлению к Батутулису, станции на железной дороге из Бейтензорга в Гамбонг; прескверные наши лошаденки еле подвигались, но мы этого почти не замечали, поглощенные вечно сменяющимися красивыми пейзажами по сторонам. В одном месте два широких горных потока сливались вместе и с шумом неслись через камни и обломки скал меж чащей гигантских бамбуков, дынных деревьев, пальм и древесных папоротников, сплетенных вместе вьющимися растениями. Горы, овраги, окутанные зеленью, перемежались с рисовыми полями, за которыми простирался джунгл, окаймляющий отдельные конусы вулканов. Туземные дома выглядывали всюду из-под листвы окружающих их банановых, кофейных и хлебных деревьев, кокосовых и *саговых* пальм, бывших тогда в полном цвету, и большие пучки коралло-розовых цветов которых выступали прямо из центра кроны.

Как мы условились вчера, в шесть часов вечера к нам пришел д-р Трейб, весьма умный, всесторонне образованный ученый, говорящий свободно по-французски и оказавшийся очень приятным, интересным собеседником. Понятно, что разговор мы повели о здешнем ботаническом саде, о флоре Явы и ее культурах. Ботанический сад был осно-

* Род преимущественно древовидных растений семейства агавовых.

Окрестности Бейтензорга.

ван в 1819 году, причем одним из первых его директоров был знаменитый натуралист Д.Е. Тейсманн, сделавший весьма много для сада и, между прочим, введший ту отличную систему распределения растений по видам, которой придерживаются и до сих пор. С 1868 года сад был признан публичным учреждением, и правительством назначена для его содержания известная сумма денег.

Голландские правительственные сады на Яве, известные научному миру под названием *Hortus Bogoriensis**, а официальное наименование которых *Nederlands Plantentium te Buitenzorg*, состоят из трех различных отделений: ботанического, практического и горного. Первый находится в Бейтензорге, второй — недалеко отсюда, а третий — в Чибодасе, около санаториума Синданглая на скатах Геде.

Задача ботанического сада состоит не только в приобретении всевозможных представителей флоры всего мира и в особенности растений, могущих развить колониальную промышленность, но также и в изучении их патологии и физиологии. С целью же увеличения производства постоянно делают опыты над усовершенствованием продук-

* Bogor — туземное название Бейтензорга (Прим. О.А. Щербатовой). Богор — современное название Бейтензорга.

Дорога в Бейтензорге.

тивности сахара, кофе, чая, хинного дерева, табаку, индиго и других полезных экономических растений. Так, например: сахарный тростник и рис могут улучшаться подбором семян, причем первый не сеется, а сажается. Из разновидностей чая ассамский более других подходит под условия здешнего климата и почвы. Д-р Трейб того мнения, что качество и вкус чая более в зависимости от способа его выделки, чем от почвы и климата, и что поэтому преимущество всегда останется за чаем Китая, где существует ручная обработка в противоположность машинной, принятой на Яве, в Индии и Цейлоне.

Хинное дерево природно Перу, правительство которого долго ревниво оберегало свои права на исключительное владение и пользование им. Полученные оттуда в пятидесятых годах семена были столь плохого качества, что оказались вовсе бесполезными. Только в 1866 году одному англичанину, г-ну Леджеру, удалось приобрести в Боливии семена этого ценного дерева, которые и были куплены английским и голландским правительствами. На Яве лучшие результаты получаются от прививки гибрида или *Chinchona ledgeriana*, испытанного качества, на стебле *C. succirubra*; последнее — достигает зрелости быстрее, но дает незначительный процент хины, гибрид же содержит от 10% до 16% серноокислой хины. Таким образом, посредством прививки полу-

чается быстрый рост с хорошей продуктивностью, так как привитое растение столь же плодоносно, как и черенок.

Для читателей, не знакомых со способом добывания хины, привожу краткое описание этого производства: хина содержится в коре дерева, сбор ее производится в наиболее для этого удобное для плантатора время года, безразлично когда. Первый сбор получается с нового насаждения только с ветвей, в следующие затем года кора снимается со стволов. Шесть лет после посадки один ряд деревьев вырубается, причем получается кора не только со стволов и ветвей, но и с корней. В этих случаях она отделяется посредством деревянных молотков, которыми бьют по дереву. Высушенная затем на больших подносах кора кладется в длинные деревянные корыта и толчется мелко тяжелыми деревянными пестами, затем она упаковывается и перевозится на ближайшую железнодорожную станцию.

На предложение д-ра Трейба показать нам ботанический сад мы пригласили его выпить с нами чай завтра утром в семь часов, после чего мы приступим под его руководством к осмотру сада, находящегося напротив гостиницы.

В восьмом часу мы поехали обедать к нашему консулу, живущему довольно далеко за городом. Бауд был замечательно с нами любезен и снабдил многими полезными советами относительно нашего будущего путешествия по Яве. Дед его, бывший, кажется, купеческого звания, по случаю генерал-губернаторства получил дворянство и баронский титул, перешедший к старшему брату консула. Обед прошел незаметно в приятных разговорах и так как мы были единственными приглашенными, то могли говорить гораздо свободнее о разных предметах, чем на официальном обеде. Бауд, между прочим, не стеснясь, высказывал свое мнение о теперешнем генерал-губернаторе, которого он, кажется, не особенно долюбивает, хотя отдает ему при этом должную справедливость как отличному человеку и деловитому администратору.

Едучи обратно в открытой коляске, мы наслаждались свежим воздухом, наполненным ароматом многих цветов; по пути мы миновали несколько *гарду*, или сторожевых будок. В этих *гарду* дежурят по двенадцати часов, днем и ночью, по очереди, домохозяева каждой деревни, без вознаграждения, так как сторожевая служба зачисляется в натуральную повинность, которой подвержен всякий крестьянин по расчету каждого седьмого дня. *Гарду* расставлены всюду по дорогам, тропинкам и перекресткам на таком расстоянии друг от друга, чтобы данный в одном из них сигнал легко слышался бы в соседнем; таким образом, населенные части всего острова находятся в непосредственном между собою сношении по разным направлениям. Сторожки имеют вид обыкновенных часовых будок, но с окнами с четырех сторон; внутри их висит длинная деревянная колода, выдолбленная в середине, которая при ударе в нее деревянным молотком издает странный, унылый

звук, без труда различаемый от всяких других и переносящийся, в особенности по ночам, на значительное расстояние.

Сторожа, начиная с ближайшего к полицейской станции, отбивают часы днем и ночью; этим способом время передается от одного к другому, пока оно не встречается с часом, идущим по *гарду* от следующей станции. Посредством этих будок, известие о каких бы то ни было необычайных событиях: пожарах, кражах, преступлениях, малайцах *амок**, немедленно сообщается по всей окрестности. О всяком событии извещается особым сигналом, повторяемым остальными сторожами и хорошо известным населению. Ускоряя или замедляя темп ударов, каждый *гарду* указывает направление, по которому идет опасность, вследствие чего окрестные жители имеют возможность приготовиться или к самозащите, или к оказанию помощи в поимке преступника. Последний же, заслыша сигнал, знает, что его проступок открыт и что все стороже.

Каждый туземец, проходящий по дорогам после восьми часов вечера, обязан предъявить свой вид во всех *гарду*, лежащих на его пути. Сторожа записывают его имя, час прохождения и направление, по которому он идет; если же он покажется им подозрительным, то они имеют право задержать его до утра. Поэтому полиция, узнав о совершенном где-либо преступлении, осведомляется сначала в соседних *гарду* о ночных прохожих, и так как каждый житель хорошо известен, то полученные сведения дают указания относительно личности преступника.

* *Амоком* называется припадок сумасшествия, случающийся с малайцами, во время которого они в исступлении бегут куда попало, убивая ножом всех встречающихся им по пути. (Прим. О.А. Щербатовой).

Глава VII

Среда 3 февраля, Бейтензорг. — Д-р Трейб пришел утром в назначенный час, и мы, позавтракав, отправились вместе в ботанический сад. По дороге директор нам объяснил, что сад устроен по особой системе кварталов, в которых деревья и растения сгруппированы вместе по семействам и подразделениям этих семейств. Благодаря этой системе все экземпляры одного рода и сродственных им видов можно легко изучать и сравнивать между собою, не теряя времени на розыски по всему саду. Принцип, которого придерживаются при посадке, строго научный, а эстетика оставлена в стороне; если же сажать деревья или растения, имея в виду только красоту их и производимый ими эффект, то потребовалось бы вдвое больше места, а в научном отношении оно было бы крайне неудобно.

Сад занимает пространство в сорок шесть десятин и в данную минуту вмещает девять тысяч разнообразнейших растительного царства, по два экземпляра каждого. Управление состоит из директора, заведующего всеми тремя садами — ботаническим, практическим и горным, имеющими каждый свой отдельный состав служащих. В Бейтензорге кроме директора, есть адъюнкт-директор, три помощника и несколько рисовальщиков, умеющих фотографировать и литографировать, — все европейцы. Под руководством последних находятся туземцы: три малайца с специальными ботаническими знаниями, старший садовник, девять помощников и около ста рабочих.

Мы вошли в сад через главный вход, от которого тянется знаменитая аллея *des Kanaries* (*Canarium commune*). Ветви этих гигантов образуют густой свод зелени, возвышающийся на сто футов над дорогой, причем нижние ветви и стволы покрыты различными паразитами, папоротниками и вьющимися растениями, свешивающимися гирляндами. Трудно себе представить что-либо величественнее этого ряда могучих деревьев, фотография которых не передает и сотой части их красоты. Направо и налево от центральной аллеи идут другие — меньшие, а так-

Аллея *Canarium commune* в Бейтензорге.

же дорожки и тропинки, ведущие к различным кварталам. Д-р Трейб обратил наше внимание на огромное дерево *Albizzia moluccana* в 40-50 футов вышины, которому было всего пять лет. Сама по себе *Albizzia* со своей светлой корой и акациеобразной листвой не представляет ничего особенного и единственное ее преимущество состоит в необычайном росте, быстротой которого она превосходит все известные древесные породы. На Яве она разводится в больших количествах для посадки между молодыми кофейными насаждениями, которым она служит защитой. Другое дерево, оказавшееся хвойным, по своему наружному виду ничем не разнилось от лиственных.

Далее мы завернули к кварталам, на надписях которых значилось *Pandanaceae*, *Cycadeae*, *Palmae*, описанным мною уже раньше. Рядом с пос-

ледными находился небольшой отдел с орхидеями, довольно немногочисленными, так как здешний климат оказывается для них слишком жарким и их разведением занимаются более специально в Чибодасе. Потом мы спустились к Чиливунгу, по ту сторону которого недавно было отчуждено в пользу сада еще десять десятин, стоивших правительству двенадцать тысяч гульденов и предназначавшихся почти исключительно выющимся растениям. Пройдя от реки вверх, мы достигли участка, отведенного под виды *Ficus sycomorus* и пр., отличавшиеся роскошным ростом, раскидистыми кронами и богатырскими стволами. Мы отдохнули немного в беседке, построенной на небольшой возвышенности, откуда открывался вид на местность, окружающую сад: внизу у ног наших весело струилась река, а за ней начинались террасы *савахов*, окаймленные темными массами джунгла, простиравшегося до подножья двойной горы Панггеранг и Геде.

В конце сада, где помещался квартал хвойных пород, мы любовались красивыми *Casuarina*, имевшими длинные пониклые ветви и светлую перистую зелень, по сходству которой с перьями птиц *кассаури* эта разновидность и получила свое название. На обратном пути д-р Трейб повел нас мимо среднего пруда, одна часть которого была покрыта различными *Nymphaeae** с большими широкими листьями и великолепными красными, розовыми и желтыми цветами, а другая — известной *Victoria regia* (семейство *Nymphaeae*), этой царицей водяных растений.

Листья ее в семь футов в поперечнике, приподнятые с краев, похожи на огромные зеленые подносы; между ними почти на одном уровне с водою выступают цветы, в первое время воскового белого колера, переходящего затем в бледно-розовый или пурпуровый. Нам посчастливилось видеть все фазисы цветения этого замечательного цветка, достигающего одного фута в диаметре и бывшего действительно замечательно красивым.

Перейдя аллею *канафи*, мы пошли по другой, параллельной ей, состоящей из бразильских пальм со стволами, снизу шарообразными, а сверху круглыми, совершенно гладкими, которые своей белизной сильно выделялись от темной зелени кроны. В конце этой аллеи начинался настоящий джунгл выющихся растений, между которыми особенно выдавались *палтаны* (*Calamus*) с большими колючками и разновидность выющейся пальмы в шестьсот футов длины, громадные змеинообразные ветви ее то ползли по земле, то обвивались вокруг стволов, то свешивались на воздухе, перекидываясь с дерева на дерево.

Этим завершился наш интересный, продолжительный обход Бейтензоргского сада, который, хотя и уступал по красоте посадки саду в Перадении, но был в ботаническом отношении гораздо богаче и поучительнее. Прежде чем проститься с нашим любезным проводником, мы посетили с ним различные здания, находившиеся в его ведении. То

* *Nymphaeae* — по-французски — *nenuphar*; разновидность ее составляет священный лотус древних египтян. (Прим. О.А. Щербатовой).

Группа деревьев *Ficus elastica* в ботаническом саду.

были музей с обширным гербариумом, ботаническая лаборатория с пятью тысячами с лишком томов, несколько лабораторий, темная фотографическая комната и помещения для фотографирования и литографирования растений, которыми занимаются специалисты по этим делам. Кроме того, для ученых посетителей, приезжавших на Яву с целью изучения ее флоры, устроена особенная лаборатория. Директор указал нам на законченность всех деталей последней, состоявшей из обширной залы в семьдесят пять футов длины, освещавшейся с двух сторон десятью окнами. У каждого окна был поставлен мраморный стол, снабженный всеми оптическими инструментами и другими приспособлениями, требующимися при ботанических исследованиях. При лаборатории имеется небольшой гербариум, библиотека и фотографическая комната. По словам д-ра Трейба, многие европейские ученые посещают Бейтензорг, в особенности немецкие и французские.

Напротив вышеописанных зданий тянется ряд навесов с соломенными плетеными стенами, где помещаются лесные растения, требующие более прохладного, защищенного от солнца положения.

Из ботанического сада я вернулась домой, а С. поехал к барону Сурертсу де Ландас-Уйборгу, снабдившему его письмами к Суракартскому резиденту и к главному инженеру строящейся железной дороги из Гарута в Чилачап и посоветовавшему при этом избегать встреч в Джокьякарте с резидентом, отличавшимся неприятным характером. Кроме этих писем, мы получили от генерал-губернатора официальную бумагу, обращенную ко всем голландским служащим на Яве и предписывающую им оказывать нам во всем содействие.

После чая мы поехали в практический ботанический сад, заведываемый д-ром Ромбургом, которого д-р Трейб предупредил о нашем посещении, и лично нас всюду водившего. Цель этого сада строго практическая, следовательно, в нем все направлено к тому, чтобы извлечь наибольшую пользу из пространства, находившегося в распоряжении управления. Все дорожки проложены под прямыми углами или параллельными линиями; между ними на опрятно содержимых грядках посажены деревья и растения, имеющие практическое значение и применение; так, мы видели здесь растения, из которых извлекается кокаин (*Erythroxylon coca*), перувианский* бальзам, пачули, какао, ваниль, *афрыт*, *кубеба*, а также деревья арабского и либерийского кофе, стрихниновое дерево, из плодов которого получается *пих vomica*, каучуковые и гуттаперчевые деревья. Из последних разновидность *Pelagium (isonandra) gutta*, дающая наибольший процент гуттаперчи, не растет в диком виде на Яве, но семена ее были приобретены д-ром Трейбом и теперь дерево это разведено в большом количестве ботаническим садом. Далее следовали сахарный тростник, табак, перец, чайные кусты, деревья, дающие таннин**, разные масла, пряности, орехи мускатные, грецкие и пр. Кроме торговых и лекарственных растений, много есть и таких, которые служат полезным кормом для скота.

Здесь же сад не только делает наблюдения над культурой растений, но занимается также химическими их исследованиями, изучением присущих им болезней и производит опыты над улучшением различных полезных продуктов, как-то: чая, кофе, риса, сахарного тростника, индиго, хинного дерева и других.

Значительной долей своего успеха как правительственное учреждение Бейтензоргский ботанический сад обязан именно этому практическому отделу, благодаря которому правительство издавна уже имеет возможность раздавать даром семена и растения, потребные для многочисленных колониальных предприятий. Яванские ботанические сады не продают растений, а с известными условиями раздают их даром. Управление практического сада состоит из европейского директора и главного садовника, нескольких туземных помощников и семидесяти рабочих.

Бывшую у нас вечером жену Бауда я за нездоровьем не могла принять, но с нею виделся С., которому она передала, что муж ее нашел нам яванского слугу по имени Кромози, знающего немного немецкий язык и долженствовавшего служить нам курьером. Так как завтра мы предпринимаем путешествие внутрь страны, нам необходимо иметь человека, говорящего по-малайски и с которым мы сами могли бы изъясняться, так как Джон ничего не понимает из здешних наречий, а мой запас малайских слов пока еще весьма невелик.

* Перуанский.

** Применяется при дублении кожи, крашении и в медицине.

Группа туземцев с ношами.

Четверг 4 февраля, Синданглая (3.500 футов). — В шесть часов утра мы отправили людей и багаж по железной дороге в Чианджур, откуда до Синдаглаи им следовало ехать шестнадцать верст на лошадях; сами же мы поехали туда же в экипаже (тридцать три версты) по прямой дороге, идущей через горный проход Мегамендунг в 4,586 футов вышины.

Со времени открытия железной дороги из Бейтензорга в Бандунг и Чианджур шоссе, по которому прежде поддерживалось сообщение с этими городами, запущено и на нем не содержится более почтовые лошади. Нам пришлось устроиться с одним китайцем, взявшим нас доставить в Синданглаю на своих лошадях без перекладки. Экипаж наш имел вид деревянного ящика, поставленного на четырех колесах, натянутого сверху парусинным тентом и имевшего внутри узкое низкое сиденье и маленькую дощечку спереди для кучера. В этот ящик были запрыжены в ряд три маленькие тощие лошадки, которыми управлял китаец с босыми ногами и непокрытой головой, одетый в туго обтянутые панталоны, доходившие только до колен, и в полотняную белую кофточку. Толстую свою косу, заплетенную красным шелковым шнурком, он для большего удобства запрятал себе в карман. Экипаж был настолько узок и низок, что даже я не без труда в нем уселась; С. же со своими длинными ногами только после больших усилий кое-как поместился.

Выехав в семь с половиною часов утра, в чудную, не слишком жаркую погоду, мы тотчас за Бейтензоргом стали подыматься в гору, сначала мимо деревень и садов и затем через рисовые поля. Дорога, окаймленная живыми изгородами вьющихся и цветущих растений, затенялась высокими деревьями, растущими по ее сторонам; туземные опрятные плетеные домики с широкими верандами, где копошились полунагие ребятишки, перемежались иногда с красивыми виллами голландцев, сады кото-

Продавец овощей.

рых нередко скрывались под громадными раскидистыми ветвями *варингинов* (*Ficus sycomorus*), этих столь типичных деревьев Явы. Стволы последних достигают неимоверных размеров, а кроны их настолько широки, что четыре или пять подобных гигантов затеняют целые большие площади. Между домами встречались также туземные лавки и рестораны, состоявшие из большого навеса с подмостком, на котором были расставлены блюда с различными яствами и неизменный чай; туземцы-посетители помещались тут же на полу, рядом с блюдечками, и предавались чаепитию или еде. Лавочники по большей части были китайцы, которые, подобно евреям у нас, забрали на Яве всю мелкую торговлю в свои руки.

Масса туземцев направлялась в город, неся самые разнообразные деревенские продукты на базар; они были очень живописны с перекинутыми через плечо длинными бамбуковыми коромыслами, к обоим концам которых на тонких бечевках были подвешены плоские плетеные подносы. На этих подносах у одних громоздились картофель, лук и всякая зелень, у других — ананасы, у третьих — птицы и т.д., даже дрова в виде маленьких, аккуратно сложенных друг над другом, поленцев, переносились этим способом. У продавцов травы большие ворохи ее скрывали и подносы с коромыслом, и даже человека, несшего ее; свежесжатый, несмолотый рис был связан маленькими пучками, висевшими поперек коромысла. Тут же находились и разносчики, у которых в больших круглых корзинах, покрытых сверху плетеными подносами, с деревянными подставками снизу, помещались нитки, иголки, бумага, шляпы и прочий дешевый товар; такие же корзины служили переносными кухнями для приготовления и продажи прохожим туземцам всяких лакомых блюд. Особенно красиво и искусно сделаны были мешки из плетеного *рамтана*, употреблявшиеся для переноски сыпучих веществ.

Вообще, столько переносилось разных предметов, что невозможно все перечислить, и по ним одним составлялось понятие о занятиях туземцев и производимых ими сельских продуктах. Мужчины, кроме поясного куска полотна, не имели никакой другой одежды, если не считать неизменной большой шляпы, которую они при виде европейцев снимали, низко кланяясь. Во всякое время оживленные дороги сегодня были ими более обыкновенного, так как китайцы праздновали свой Новый год.

Вскоре рисовые поля сменились лесами, пересеченными оврагами и реками; в одном месте деревянный крытый мост высился над бурным многоводным потоком, протекавшим далеко внизу меж зеленых берегов, с которых высокие перистые бамбуки грациозно склонялись над водой. Вообще вся местность была крайне волнистая и разнообразная. Изредка виднелся вулкан Геде, коего скаты казались совсем черными от густого джунгла, росшего по ним, а вершина отчетливо обрисовывалась на безоблачном небе.

Дорога, по которой мы следовали, шла все время в гору, иногда только спускаясь, так что наши лошадки даже шагом с трудом втаскивали экипаж, несмотря на то, что С. и кучер на всех более тяжелых подъемах выходили и шли пешком. У подножья хребта Мегамедунг нам припрягли еще пару лошадей цугом, которых двое *саисов** повели под уздцы, двое других стали подгонять бичами, а пятый пошел сзади. От этого места шоссе, в инженерном отношении очень дурно проложенное, поднималось почти прямо вверх без всяких поворотов, вследствие чего подъем в несколько верст длины был крайне крут, а от плохого ремонта покрылся большими камнями, обсыпавшимися под ногами лошадей. Окрестности становились все диче, жилища исчезли и великолепный девственный лес показывался во всем своем величии. Громадные деревья, пальмы, массы папоротников, древесных и других, множество выющихся растений, *раттаны*, различные паразиты — таков был состав этого роскошного джунгла. Я несколько раз выходила из экипажа, чтобы снимать фотографию, чередуясь с С., так как невозможно было идти долго пешком: ветер сюда не проникал, а полуденное солнце сильно припекало.

Добравшись, наконец, до вершины Пунчак, мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям и полюбоваться видом, открывавшимся сверху на одно из самых больших резидентств Явы — Преангер**, расстилавшееся перед нами широкой панорамой. Рисовые поля, равнины, между которыми виднелись реки, местами озера, к югу дома санаториума Синданглая, деревни, окруженные деревьями, разбросанные всюду, а вдали и кругом горы с оголенными от лесов скатами — все это отчетливо виднелось с нашего возвышенного места, давая ясное понятие о местности, куда нам предстояло ехать.

* Конюх, кучер (мал.).

** Прианган.

Пунчак, по дороге в Синданглаю.

Отстегнув уносную пару лошадей, мы стали круто спускаться с двумя *саисами*, задерживавшими экипаж за колеса и изображавшими собою живой тормоз. Погода вдруг изменилась: нависшие тучи заволокли солнце, накрапывал небольшой дождь и температура воздуха заметно понизилась.

Приехав в Синданглаю в двенадцать часов дня, во время общего отдыха, мы долго никого не могли найти, чтобы показать нам помещение и внести ручной багаж. Гостиница — большой двухэтажный деревянный дом с широким крытым балконом вокруг, куда выходили все комнаты, оказалась довольно посредственной и даже не особенно чистой. Зато неудобства ее окупались имевшейся при ней просторной купальней с чистой проточной водой, где мы после пыльной, душной пятичасовой езды с наслаждением освежились. Люди наши с вещами прибыли только в третьем часу.

Перед обедом мы ходили пешком в Чипанас, отстоящий на четверть версты от гостиницы и где находится небольшой дворец генерал-губернатора, окруженный маленьким, но очень красиво разбитым садом. На обратном пути, проходя через туземную деревню, я сняла несколько фотографий жилищ и типичных групп жителей, весело и охотно слушавшихся моих указаний относительно позировки.

Вулкан Геде из сада Чибодас.

Синданглая — санаториум, куда приезжают европейцы, больные и другие, нуждающиеся в перемене воздуха и более прохладном климате; сюда же присылаются на казенный счет больные и выздоравливающие голландские офицеры и солдаты, для которых правительством построены особые здания. При санаториуме имеется врач, аптека и небольшая больница. Средняя годовая температура здесь колеблется между 13° и 19° R.

Пятница 5 февраля, Синданглая. — Встав рано, мы в семь с половиною часов уже отправились верхом в ботанический сад Чибодас, находящийся в шести или семи верстах отсюда на высоте пять тысяч футов, на скалах Геде, а оттуда к водопаду Чибурум. До сада мы ехали почти все время открытой местностью, сначала мимо рисовых полей и огородов, а затем по высокой, доходящей почти до седла траве, называемой по-явански *аланг* (*Imperata arundinacea*). Всюду виднелись во множестве цветущие растения и кустарники: вербена, хибискус лилифлорус и спектабилис с громадными колокольчикообразными цветами, прекрасные *датуры* и др.

Ботанический сад Чибодас особенно богат цветущими растениями и такими, как, например, австралийскими и японскими, требующими умеренного климата. Между цветущими более всех выдавалась *Datura knightii*, образующая куст в 4-5 аршин вышины, сплошь усеянный восково-белыми цветами, не менее пяти вершков длины, имеющими форму удлинненного узкого колокольчика; затем очень красива была *Russelia juncea* с длинными гибкими, тонкими, безлиственными ветками, густо усаженными красными цветами. На другом небольшом кусту *Medinella peysmannii* из среды блестящих, темно-зеленых листьев, выступали розовато-лилово-красные, звездообразные цветочные колосья. Далее рос

Въездная дорога в Синданглая.

ли *Aeschynanthus javanicus*, эпифит с красными цветами, *Strelitzia reginae* с желтыми и голубыми, в 2—3 вершка длины, *Zephiranthes candidum*, *Heterocentium roseum*, *Callistemon linearifolia* и проч. Одно дерево, *Xanthorrhoea hastilis*, из семейства пальм и родом с Новой Голландии*, было чрезвычайно любопытно: ствол его неимоверной в сравнении с вышиной толщины состоял из крупных чешуй, напоминавших спину дикобраза, беловато-зеленые же листья, в два или три аршина длины и четверть вершка ширины, образовывали громадную крону, имеющую форму совершенно правильного шара.

Осмотрев сад, мы снова сели верхом и поехали дальше по еле заметной узкой, каменистой тропинке, поднимающейся очень круто в гору. Тропинка шла по девственному лесу, вероятно, много десятков веков не тревожимому рукой человеческой, в котором, под сенью громадных деревьев, царил какой-то таинственный полумрак. Подрост состоял из уже отцветавших магнолий и рододендронов, различных травянистых и кустарных растений, муз, панданусов и в особенности большого числа папоротников. Последних на скатах Гёде найдено ботаниками до трехсот разновидностей. Наполняя промежутки между деревьями и высокими растениями, на всех стволах, пнях и ветвях, большими массами росли орхидеи, *ликоподии***, паразиты и *фаттаны*, свешивавшиеся и переплетавшиеся самым невероятным способом. Но в особенности выдавались своей красо-

* Западная Австралия (устар.)

** То же, что *плаун* — род вечнозеленых травянистых растений семейства *плауновых*.

той и обилием древесные папоротники, иногда в пятьдесят футов вышины, образующие тут и там отдельные рощи посреди окружающего леса.

На полдороге мы переехали поляну, покрытую столь высокой травой, что в ней скрывались и лошади, и седоки. Через дорогу беспрестанно перебегали ручейки, неожиданно появлявшиеся из-за зелени и, пробежав немного, также внезапно исчезающие под ней; последнюю же часть нашего пути эти ручейки избрали своим руслом самую тропинку, которая стала так скользка и крута, что, несмотря на грязь и воду, нам пришлось идти пешком.

Водопады, до которых мы добрались только после довольно продолжительной езды, находятся в широком ущелье, имеющем форму полукруга и окруженном с трех сторон высокими, отвесно поднимающимися скалами. В двух местах большие массы воды свергаются с вершины горы в пенящийся бассейн, наполовину скрытый наклонившимися над его поверхностью столетними деревьями, древесными и другими папоротниками, растущими здесь роскошнее даже, чем в остальных частях джунгля. Валявшиеся стволы сгнивших гигантов леса, обросшие мхом и покрытые лианами, увеличивают еще более общее впечатление дикости, производимое этой лощиной, грандиозной своею пустынностью и безмолвием, которое нарушается лишь шумом падающей воды.

Сняв фотографию местности и отдохнув немного на берегу бассейна, мы пустились в обратный путь; немного ниже водопадов наш проводник показал нам интересную пещеру, наполненную водою. Под скалистыми сводами ее было слишком темно, чтобы определить, на какое расстояние она простиралась вглубь земли, но видимое пространство было настолько обширно, что походило на небольшое озеро. Выходя из пещеры, мы встретились с директором ботанического сада, извинившимся, что он не успел вовремя, чтобы показать нам свои владения.

Обратно мы ехали другой дорогой, по более открытой и пересеченной оврагами местности; многие глубокие ложбины, очищенные от больших деревьев, заросли сверху донизу древесными папоротниками, перистые кроны которых грациозно колыхались на воздухе. Под конец нашей поездки погода, бывшая до того довольно жаркой, посвежела: тучи заволокли все горы, грозя нам дождем, во избежание которого мы ускорили шаг, так как в здешних краях ливень, продолжавшийся лишь несколько секунд, может вымочить насквозь.

Вернувшись домой в двенадцать часов дня, мы до вечера отдыхали и читали; во время чая нам принесли от директора ботанического сада корзинку с великолепными цветами бегоний, лилий, фиалок и др. Перед обедом мы ходили пешком по туземной деревне и по саду гостиницы, очень красивому, со множеством *афалий*^{*}, *датуф*, пальм *афека* и разных деревьев, росших полудико среди скал, где протекала прозрачная ключевая вода.

* Род растений семейства *афалиевых*: деревья, кустарники, высокие многолетние травы.

Глава VIII

Суббота 6-го февраля, Бандунг. — Мы выехали из Синданглаи в восемь часов утра в четырехместном низком экипаже, запряженном четверкой цугом; на запятках сидели два *сауса*, беспрестанно соскакивавшие, чтобы подгонять лошадей, а на козлах, больше для виду, чем для управления запряжкой, восседал кучер в большой шляпе, подвязанной под подбородком меховым жгутом. Один путешественник говорит: «Кучер в тарелкообразной шляпе столько же полезен, как если бы вожжи были привязаны к его шляпе, и вся работа производится босоножими *саусами*, бегущими рядом или сидящими на дощечке сзади экипажа». У подножья двух особенно крутых подъемов нас поджидали пары черных крупных буйволов, припрягавшихся впереди лошадей. Последние, привыкшие к этой помощи, в подобных случаях не притворялись даже, что везут экипаж, и с висячими постромками следовали за медленно шагавшими буйволами, предоставляя им весь труд втаскивания коляски.

Дорога по обыкновению оживлялась многочисленными пешеходами с различными ношами; на Яве, как пишет мисс Норт: «Все переносится людьми; так, нередко приходится видеть туземца, вся ноша которого состоит из четырех-пяти яиц, подвязанных в платке к палке, перекинутой через плечо, а другого, несущего на длинном шесте с полдюжины стульев и в придачу диван». Встречавшиеся экипажи и телеги принадлежали почти исключительно европейцам.

У всех туземцев был сытый, довольный, здоровый вид, беспечные, веселые, добродушные, без воспитания и почти без религии, для них жизнь протекает беззаботно в стране, где холод, голод и засуха неизвестны. Пища им доставляется всегда удачными посевами риса и множеством плодов, даруемых им круглый год самой природой, почти без всякого с их стороны труда; топлива не требуется, а одежда их настолько ничтожна, что не стоит почти и упоминать о ней; других же потребностей и стремлений у них нет; кроме того, патриархальное управле-

Продавец плодов.

ние голландцев не обременяет их ни излишними налогами, ни работами; поэтому неудивительно, что при таких обстоятельствах они относятся беспечно ко всему в жизни.

Та часть Преангерского резидентства, через которую мы проехали сегодня, казалась очень населенной: всюду встречались деревни, а рисовые поля террасами простирались до самых гор, замыкавших горизонт с трех сторон. Отличное шоссе то спускалось в долины, то поднималось на холмы, откуда открывались прекрасные виды на изумрудно-зеленые равнины с пересекающими их реками и ручьями и на высокие горные хребты, затянутые утренним туманом, точно прозрачным, газовым вуалем.

Мы приехали на станцию железной дороги Чианджур* в девять часов утра и, заказав себе завтрак, пошли прогуляться пешком по городу. Последний, довольно большой, поражал, подобно всем городам Явы, обилием своей зелени. Вскоре после двенадцати часов пришел поезд из Батавии, в котором, благодаря любезности железнодорожного начальства, нам был отведен отдельный вагон. К этому времени погода стала очень жаркой, а в вагоне, нагретом солнцем, было нестерпимо душно.

По выходе из Чианджура линия сначала поворачивает к востоку, спускаясь между высоких гор в долину Чисокан, где леса пальм, банановых и хлебных деревьев перемежались с *савахами* и деревнями, а затем

* Из Синданглаи в Чианджур 16 верст. (Прим. О.А. Щербатовой).

Мост по железной дороге из Бандунга в Гарут.

проникает в обширный бассейн Читарум, окруженный амфитеатром вулканов. Через Читарум дорога проходит по мосту, возвышающемуся на двадцать восемь саженей выше реки, очень широкой, и которая, сердито разбиваясь о преграждавшие ее скалы и камни, величественно течет среди берегов, заросших высокой *аланг-аланг* и *глагой**. Вся местность имела дикий, необитаемый вид, невольно наводивший на мысль о диких зверях: тиграх, пантерах и носорогах, которые легко могли здесь укрываться. Отсюда, везомые уже двумя паровиками, мы подымались все выше в гору; овраги, реки, потоки, глубокие ущелья, покрытые сверху донизу сплошной тропической растительностью, быстро мелькали перед нашими глазами с постоянно изменявшейся живописностью.

Наконец, показалась и столица Преангерского резидентства — Бандунг, весь затонувший в зелени высоких деревьев, с господствовавшим над ним с севера длинным кряжем вулкана Тангкубан-Прау. Прибыв туда в три часа дня, мы остановились в гостинице «Хоман», весьма недурной, состоящей из нескольких домов-особняков, окружавших двор, посреди которого в отдельном здании помещались столовая и гостиная.

Бандунг своими многочисленными магазинами, хорошими домами и широкими бульварами произвел на нас впечатление большого,

* *Аланг-аланг* — высокая жесткая трава, *глага* — разновидность тростника. (Прим. О.А. Щербатовой).

зажиточного города. Между деревьями, посаженными всюду по улицам, многие находились в полном цвету: так, например *Spatholia campanulata* огромной вышины была сплошь покрыта крупными оранжево-красными цветами, выступавшими из-за блестящих листьев, *Jacaranda mimosifolia* с зонтикообразной кроной, листьями, как у мимозы, и светлой кроной имела пониклые синие цветы, *Cedrela serrulata* — белые и т.д. По поводу растительности следует отметить замечательную черту всех туземцев Явы, состоящую в их всеобщем знании большинства имен растений и деревьев, растущих у них. Когда бы нам ни приходилось спрашивать у *саисов*, кучеров и других об интересующих нас экземплярах здешней флоры, они всегда снабжали нас верными о них сведениями.

С. побывал с визитами у Бандунгского резидента г-на Хардерса и у главного инженера железной дороги г-на Карстенса. Вечером последний был у нас и любезно обещал распорядиться насчет проезда нашего по не открытой еще публике части железной дороги из Чибату в Тасикмалаю. Погода здесь была много жарче, чем в Синданглае.

Воскресенье 7-го февраля, Бандунг. — Мы встали сегодня раньше обыкновенного и в шесть часов, взяв с собою Кромози, с провизией и нашими седлами отправились в двух экипажах, запряженных тройками, в *пасанграхан** Лембанга, а оттуда верхом на вулкан Тангкубан-Прау. Вулкан этот, в 6,030 футов вышины, получил свое название, означавшее по-явански «опрокинутая лодка» от сходства своего с последней.

Около гостиницы нас ждал поехавший за нами верхом *лурах*** с полосатой красной и черной перевязкой через плечо и в такой же полосатой большой шляпе; по выезде из города к первому присоединился второй, и по мере того как по нашему пути мы въезжали в пределы различных *дес*, наша свита все увеличивалась поджидавшими нас на границах своих деревень другими *лураками*, так что под конец их было человек пять или шесть, каждый с перевязкой и шляпой иного цвета.

По принятому на Яве обычаю, при встрече с европейцами все попадавшиеся нам туземцы низко приседали, отворачиваясь в противоположную сторону, так как им не полагается стоять в присутствии *оранг-пути****. Обычай этот производит весьма комичное впечатление, в особенности когда по дорогам много прохожих и издали по обеим сторонам, чуть ли не в канавах, виден длинный ряд каких-то высоких грибов, какими яванцы кажутся, когда они сидят на земле, благодаря их широкополым плоским шляпам. Еще забавнее бывает, когда какой-нибудь человек, идущий, вероятно, по спешному делу, не хочет остановой потерять время, а вместе с тем не смеющий показаться стоя на

* Постоялый двор, гостиница (яв.).

** Деревенский староста (мал.).

*** *Оранг* по-малайски значит человек, *пути* — белый, *оранг-пути* — малайское название всех европейцев. (Прим. О.А. Щербатовой).

глаза европейцу, поэтому в виде компромисса он, приседая, на короточках продолжает подвигаться вперед.

Шоссе, по которому мы следовали, шло слегка в гору по открытой местности; у всех более крупных подъемов нас ожидали *мантри**, с собранным из соседних деревень народом, который сзади пособлял лошадям втаскивать экипаж; обязанность эту они исполняли очень охотно и весело, смеясь и толкая друг друга, чтобы поместиться у задка коляски.

В семь с половиною часов мы приехали в *пасанграхан*, где нас принял секретарь бандунгского регента *раден адипати*** Кусумадилага, *ведана**** уезда, и многие *мантри* и *лурахи*. Сев верхом, мы тронулись дальше, предшествуемые двумя *лурахами* и сопровождаемые остальными должностными лицами и *саисами*, числом до двенадцати. Кромози тоже посадили на лошадь, но он, по-видимому, чувствовал себя не особенно удобно на ней. За исключением секретаря и *веданы*, одетых по-европейски, все носили малайский костюм и были босиком с разноцветными шляпами и таковыми же перевязями через плечо. Как перевязи, так и шляпы, смотря по их цвету, служат отличительными признаками туземных должностей; так, например, у *веданы* первая имела широкую золотую полосу, а вторая была вся вызолочена.

Тотчас за Лембангом потянулись плантации кофе, где дорожка наша пролегла меж невысоких песчаных холмов. Обернувшись случайно назад, я залобовалась картинностью нашего шествия, разнообразившегося яркими цветами туземцев, которые на английских седлах со стремянами, пропущенными между большим и вторым пальцем, заставляли своих красивых маленьких лошадок гарцевать и горячиться. Под нами тоже были небольшого роста жеребцы, принадлежавшие регенту и оказавшиеся, несмотря на свою миниатюрность, весьма выносливыми и крепкими на ноги.

На Яву привозятся в большом количестве лошади с островов Сандабуд**** и Тимор, где разводится особая порода плотных и замечательно крепких пони; многие из них очень красивы, напоминая собою в маленьком виде арабов. Жеребцы по большей части с довольно жидкими задами, не соответствующими широким передам, но с отличными ногами. В последнее время местная порода на Яве стала улучшаться вывезенными из Австралии и иногда из Англии кровными производителями.

Оставив позади плантации, мы поехали сначала мелким кустарником, потом покрытым густой травой лугом, за которым начинался уже чудный девственный лес. Здесь, круто подымаясь в гору, причудливо извивалась узкая тропинка, то покрытая булыжниками и камнями, обсыпавшимися под ногами лошадей, то сырой красноватой глиной, своею липкостью и скользкостью напоминающей чернозем, и по кото-

* Мелкий Уездный чиновник (яв.).

** *Раден адипати* — титул мужчин знатного происхождения (яв.).

*** Глава (яв.).

**** Сумба.

рой наши бедные *джараны** вязли и скользили, с трудом взбираясь вверх.

Дорожка была окаймлена великолепными, наизысканнейшими папоротниками, *панданусами* и широколиственными *арумами***, из-за которых возвышались бананы, бамбуки, грациозные древесные папоротники огромных размеров, хлебные деревья, кокосовые и другие пальмы, *аренги* (*Arenga saccharifera*)***, *суриансы* (*Cedrela serrulata*), *канарифумы*, многие разновидности фикусов и гиганты здешних лесов — *Dattara orientalis*, достигающие иногда полутора фута вышины. Всюду на стволах и ветвях подвешивались и сцеплялись многовидные эпифиты, орхидеи и паразиты. Вся эта роскошная растительность сплеталась вместе выющимися растениями, цепкими пальмами и ароидами всех величин и форм, образуя непроходимую чашу, в которую немисливо было проникнуть без помощи топора. Под деревьями росли, покрытые цветами кусты вербен, розанов, гелиотропов**** и других, а по земле стлались различные мелкие цветущие растения, как-то: бегонии, селлагинелла, а также и *каладдиум*, *мафанта* и пр., пр. Ложившаяся всюду, густая тень лишь местами освещалась играющими по поверхности листьев лучами солнца, которые с трудом пробирались сквозь густую листву деревьев, образующих над головами нашими почти непроницаемый свод зелени.

Кстати, говоря о местной флоре, следует заметить, что Ява особенно богата папоротниками, из которых ей природны не только древесные виды, но даже такие редкие и прекрасные разновидности, как *Angiopteris*, с листьями в 12-15 футов длины, *Marattia*, *Matonia* и другие не менее ценные сорта.

Наш поезд, вытянувшись в длинную вереницу, по тропинке, где можно было ехать только поодиночке, красиво оживлял безмолвный лес, показываясь то тут, то там меж сплошных лиственных стен. Яркие колеры шляп и одежды туземцев живописно выделялись из окружающей зелени, замечательной богатством своих цветов, которые, начиная с самой мягкой светло-зеленой окраски более нежных пород папоротников, переходили через все промежуточные фазисы до почти черно-зеленого оттенка листьев *Cyathea*. Были тут и серебристо-лиственные растения, были и ярко-красные, и желто-пятнистые, словом, окрашенные во всевозможные цвета. Деревья отличались не меньшим разнообразием: у некоторых, как, например, у *аренгов*, стволы были темно-красные, у *канарифумов* — гладкие, беловатые, у *сурианов* — темные, рыхлые, как у дубов; у древесных же папоротников совершенно черные.

* *Джаран* по-малайски значит лошадь. (Прим. О.А. Щербатовой, допущенной неточность: *джаран* — слово яванское).

** То же, что *ароник* — род многолетних трав семейства ароидных.

*** Сахарная пальма.

**** Род кустарников и трав из семейства бурачниковых.

Вид в джунгле.

Местами, где лес редел, мельком показывались чудные виды на дальние равнины, с пересекавшими их реками Читарум и Видар, а поблизости — на соседние горы и глубокие ущелья. Хотя день был жаркий, но не успевшая еще испариться сильная роса освежала воздух и в тени жара почти не чувствовалась.

По всему пути мы объезжали партии рабочих, чинивших и прочищавших дорожку, которая, редко употребляемая, сильно заросла; к счастью, они не успели многого сделать, и джунгл остался вполне в первобытной своей дикой красе. Туземцы в присутствии стольких начальников приседали ниже обыкновенного между кустами, еле смея поднять на нас глаза; все они были вооружены исключительно *крисами* — малайскими кинжалами, с которыми яванцы никогда не расстаются и потреблявшими ими для всевозможных целей.

Как мы узнали впоследствии, все почести, оказываемые нам сегодня, и все приготовления, сделанные для нашего приезда, были последствием распоряжений регента, уведомленного, вероятно, накануне резидентом о нашей поездке. Последний же, должно быть, осведомился о наших планах в гостинице, так как С. лично не упомянул о них при нем.

Чем выше мы поднимались, тем чувствительнее делался запах серы, исходивший из вулкана. Наконец, после двух часов езды мы добрались до вершины и очутились на краю одного из самых обширных кратеров Явы, находившегося до сих пор еще в полном действии. Д-р Хорсфилд, спускавшийся на дно, так описывает его: «Кратер Тангкубан-Прау имеет форму

неправильной воронки. Перпендикулярная глубина стен его с той стороны, где я спустился, не менее 250 футов; к западу же края поднимаются значительно выше. Окружность его должна быть в полторы мили. Южная сторона внутреннего кратера, около гребня, очень крута; на треть вышины она делается более наклонной, а книзу состоит из больших, нагроможденных друг на друга скал, между которыми стекающие ручьи дождевой воды пробили себе русла. Северная сторона отложе других и отчасти покрыта растительностью. Западная состоит из сплошной перпендикулярной массы обломков скал, а восточная спускается отлого до половины вышины ее, где она круто обрывается у груды камней, простирающихся до дна. Скалы, покрывающие внутренность кратера, имеют совершенно прокаленную поверхность, по большей части белого цвета, иногда сероватого или желтоватого. Во многих местах остались небольшие частицы лавы. Дно кратера имеет 900 футов в поперечнике, но форма его не вполне правильная. Около середины, ближе к западной стороне, находится овальное озеро или скопление воды, диаметр которого почти в 300 футов. Безостановочное пузырение и белизна воды придают ему совершенно вид кипящего молочного озера. Температура воды в 36° R., а казавшееся кипение происходит от постоянного образования сгущенного воздуха. Вода имеет серный запах, а вкус ее вязущий, слегка соленый. Берега озера на некоторое расстояние покрыты белым пылеобразным слоем земли, состоящим из квасцевика* лав, растворенного серными парами кратера. Около восточной оконечности озера сохранились провалы, служившие отверстиями подземному огню, из которых беспрерывно выделяются теперь серные газы. Последние стремятся наружу с невероятной силой и громким подземным гулом, похожим на кипение в недрах земли громадного котла; на вид газы схожи с водяными парами».

Когда мы посетили вулкан, то его кратер состоял как бы из двух частей, отделенных друг от друга посредине огромной грудой скал, поросшей кое-где кустами. В одной части, западной, находилось небольшое озеро, кипятившееся и пузырившееся, как описано Хорсфилдом, и кругом которого от времени до времени выбрасывались невысокие фонтаны серных паров. Местами лежали большие кучи, по-видимому, совершенно чистой серы. Над всем кратером стоял легкий дым.

Мы попытались спуститься на дно кратера и, карабкаясь через нагроможденные друг на друга скалы, цепляясь за что попало руками, дошли до половины спуска, но далее скаты кратера были настолько скалисты и обрывисты, что нам пришлось отказаться от этого предприятия. С того места, где мы остановились, еще яснее представлялось дно, покрытое желто-бело-зеленоватою жидкою массой; нижние стенки вулкана были совершенно оголены и только около верхнего края левого кратера показывалась тощая растительность; вокруг же правого виднелись высохшие пни и стволы деревьев, погибших, веро-

* Аллюминит или квасцевый камень. (Прим. О.А. Щербатовой).

ятно, от серных испарений. В общем вулкан производил какое-то странное впечатление дикости и унылости, не наводя при этом никакого чувства страха, так что даже трудно было себе представить его очагом многих опасных извержений.

Обратно для большего разнообразия мы поехали по другому, более длинному пути, пролежавшему сначала по пройденному нами чудному лесу, а потом по хинным плантациям. Проезжая мимо правительственных складов хинной коры, мы остановились, чтобы ознакомиться со способом ее обработки. Кора сперва раскладывается на больших деревянных столах или стеллажах, которые ходят по деревянным же рельсам, расположенным в три яруса. Рельсы с одного конца прикрываются *раттановым* навесом; стеллажи или выдвигаются на солнце, или вдвигаются обратно под навес, смотря по требуемому для сушки коры жару. Таких навесов было несколько рядов, согласно различным фазисам производства; на некоторых стеллажах разложены были более крупные куски, на других совсем измельченные. Тут же вблизи в открытом сарае женщины скоблили кору с веток и стволов деревьев.

За хинными плантациями потянулись глубокие ущелья, по склонам которых мы то круто спускались, то так же круто взбирались. Из среды густой растительности, покрывавшей все склоны, выделялись большие группы высоких диких, кустообразных вербен с мелкими оранжевыми и красными цветами, а также другие кусты, очень похожие на *Iresine lindenii* с такими же, как они, кроваво-красными листьями; но преимущественно изобиловали прекрасные *дамуры*, бывшие в полном цвету. В одном месте две или три десятины были сплошь устланы этими растениями с их чудными цветками, удивительную красоту которых можно вполне оценить, только увидав их растущими в диком виде. До сих пор памятно мне впечатление, произведенное ими на меня, когда они впервые бросились мне в глаза в Индии на горах Ниль-гири около Утакамунда*.

Окружающая нас сегодня природа была так чудесна, что я неоднократно жалела о неумении своем владеть кистью или карандашом, в особенности раз, когда, взобравшись на гору, я обернулась, чтобы осмотреться на развернувшуюся передо мной панораму. Мы находились в эту минуту на правом гребне глубочайшего оврага; вокруг нас и на всей нашей стороне до самого низа возвышались отдельные экземпляры гигантских фикусов, *канафиумов* и *даммафа ориенталис*, а противоположная сторона, в верхней ее части, застилалась белыми цветами *дамуф* вперемежку с красными *ирезинами*. За ними начиналась темная масса растительности, состоящая из пальм, бананов и папоротников, которая, всползая вверх по скату горы до вершины оврага, служила как бы темным фоном этой прекрасной картины. Под нами, вытянувшись по дороге в длинную вереницу, ехали наши спутники-туземцы, своими ярко окрашенными одеяниями оживляя картину и придавая ей движение и разнообразие.

* Современное написание — Утакаманд, расположен в штате Керала.

Достигнув в двенадцать часов *пасангфрахана* Лембанг, мы с удовольствием укрылись в комнатах от жарких лучей солнца. Позавтракав и поручив секретарю благодарить от нашего имени регента за всю его любезность, мы сели в экипаж. На обратном пути нам отдавались те же почести, как при следовании в Лембанг, многочисленные *лурахи* сопровождали нас верхом до самого города, а на горах ждали крестьяне, на этот раз тормозившие экипаж посредством длинной веревки, привязанной к задней оси. Уважение к европейцам на Яве, по-видимому, внушается не только людям, но и животным: так, в одной деревне крошечный мальчуган, кормивший большого петуха из чашки, вместе с ним при нашем проезде присел на дороге; в другом месте шли женщина, девочка и маленькая собачка, и, когда мы с ними поравнялись, все трое прекомично прижались к изгороди.

В два часа мы были дома и до чая отдыхали. Под вечер я заходила к фотографу, чтобы отдать ему свои негативы для проявления; он оказался немцем, долго жившим в Китае и недавно только переехавшим сюда. Из Китая он привез с собою любопытную собачку весьма редкой пекинской породы, всю белую, мохнатую и с огромными черными глазами.

Сегодня было много жарче предшествующих дней: термометр в полдень показывал 23° R. в тени и 40° R. на солнце, а вечером 19° R.

Понедельник 8 февраля, Гарут. — После утреннего чая С. гулял пешком по городу, а затем мы ездили в экипаже смотреть водопад Даго в семи верстах от города; поездка не представляла никакого интереса, так как водопад настолько оброс деревьями, что его почти не было видно. Возвращаясь домой, мы остановились у фотографа и условились с ним относительно пересылки негативов в Магеланг.

В три часа дня по проливному дождю мы выехали по железной дороге в Гарут. Город этот, как Чианджур и Бандунг, лежит в большой равнине, окруженной со всех сторон вулканами. Вообще огнедышащие горы на Яве постоянно на виду и им принадлежит безусловно первое место в большинстве яванских пейзажей. Сегодня нам виднелся *гунонг* Гунтур или «гора Гром», один из наиболее деятельных вулканов Явы и почти единственный не покрытый растительностью; он возвышается на 7,356 футов над уровнем моря огромной серовато-черной массой, состоявшей от подошвы до вершины из совершенно оголенных скал. Извержения его часто покрывали пеплом окружающие плантации и деревни; так, в 1843 году он выкинул зонтикообразно на 9,827 футов вышины огромное количество песка, определенное Юнгхуном в десять миллионов тонн, и которое, продержавшись на воздухе полдня, затмевая собою солнце, обрушилось затем на окрестности. Между тем извержение это считается не из сильных. *Гунонг* Галунгунг или «гора Кимвалов»* в 7,306 футов вышины, хотя проявляет свою деятельность реже предшествующего, но зато выказывает при этом такую необычайную силу, что его ставят наряду с самыми опасными вулканами Малайского

* Кимвалы — музыкальный инструмент в виде медных тарелок (*греч.*).

Равнины и горы по дороге из Бандунга в Гарут.

архипелага. В 1822 году два последовательных взрыва, один — днем, а другой ночью, слышны были по всему острову, оба сопровождаясь дождем пепла и камней и потоками грязи. Когда, месяц спустя, явилась возможность приблизиться по остывшей грязи к подошве Галунгунга, то оказалось, что все деревни, *савахи*, кофейные плантации и леса были покрыты серовато-синим слоем ила, достигавшим местами 16½ сажень толщину. Сто четырнадцать деревень, с населением в четыре тысячи человек, погибло, а на 18 верст кругом его пропала вся растительность.

Местность, по которой проложена железная дорога из Бандунга в Гарут, замечательно красива; особенно живописен *гунонг* Калайдон (4,000 футов), покрытый сверху донизу деревьями, фермами и полями. В двух-трех местах перекинуты длинные мосты через потоки и лесистые ущелья. До станции Лелес путь то подымается, то спускается, беспрестанно меняя направление и проходя все время в виду перечисленных и многих других гор. Немного не доходя станции Чибату, дорога проходит между высокими утесами по громадной выемке в скале, после которой поезд круто заворачивает сначала направо, а затем налево. Отсюда открывается великолепный вид на равнины с возвышающимися непосредственно из них несколькими изолированными невысокими каменистыми конусами; вдали *гунонг* Гунтур грозно вздымает свою остроконечную главу, а на межлежащем пространстве зеленеют *савахи* в различных фазах обработки.

Бедойо и гамеланг.

В шесть часов мы прибыли в Гарут, где на станции, к нашему удивлению, толпилось множество голландцев и туземцев в праздничных одеяниях. Когда мы, ничего не подозревая, вышли из вагона, толпа вежливо раздвинулась и проводила нас до выхода; здесь стояла четырехместная коляска, запряженная четверкой белых лошадок цугом с кучером и четырьмя *саисами* в белых ливреях. Недоумевая, кому предназначалась эта торжественная встреча, мы только что собирались нанять себе экипаж, как секретарь Гарутского регента подошел к С. и пригласил его занять место в коляске, присланной для нас регентом. Вплоть до гостиницы улица была запружена народом, почтительно кланявшимся или приседавшим. В гостинице нас встретили ассистент-резидент г-н Верлооп и регент *раден адипати ариа** Вира Тану Датар, первый министр которого *пати раден деманг* Сурия Картадиреджа сидел около них на земле, не смея встретить нас стоя.

Кстати, говоря о туземных титулах, здесь будет уместно объяснить существующие между ними различия. Самый высокий титул принадлежит императору, величающемуся *сусухунаном* или султаном; членам его семейства присвоен титул *пангеран*, жене — *рату*, а наследнику — *пангеран адипати*. Титулы дворянства подразделяются на высшие: *бупати* (множественное число *адипати*), *тумунгунг* или *анг'абей*, которыми именуются регенты, и на второстепенные: *мантфи*, *раден*, *деманг*. *Бупати* более должностное название, чем родовое; *адипати* высший титул после императорского, значение его может быть увеличено прибавлением префиксов: *киау* (почтенный), *мас* (золотой) и др. Первые министры называются *раден адипати*, сыновья регентов —

* *Раден ариа адипати* — титул высокопоставленного чиновника (яв.).

раден. Название *раден тумунгунг* означает степень выше простого *тумунгунг*.

Гостиница «Хорк», в которой мы остановились, была очень удобная, с просторным балконом и верандами и обширным тенистым садом кругом. Перед обедом к нам явился туземный оркестр в составе шести человек и девочка-танцовщица лет восьми; оркестр по-явански называется *гамеланг**, а танцовщица — *бедойо*. Последняя была одета в древний национальный костюм страны, состоящий из юбки, или *таных*, из разноцветной шелковой материи, низкого лифа *пемакак* и пояса *удат*, и тот и другой из серебряной ткани; в руках она держала оранжевый кисейный шарф — *сембонг*. Обнаженная шея и руки ее были украшены золотым ожерельем и браслетами, а голова — золотыми пластинками, загнутыми кверху в виде шлема.

В состав *гамеланга* входили: *челемпунг* — инструмент в 10-15 струн, на котором играют пальцами, как на арфе, *кенданг* — продолговатый узкий барабан, *бананг* или *кром* — ящик с десятью металлическими чашами, каждой соответствующей отдельной ноте, получаемой ударами молоточков, *гамбанг кайу* с деревянными клавишами различной длины, расположенными поперек лодкообразной рамки, при ударе молотком они издают довольно приятный звук, *гонг* и, наконец, *ребаб* — инструмент вроде балалайки с двумя струнами, принадлежавший дирижеру оркестра — *далангу*.

Медленная и торжественная музыка сопровождалась пением романсов Панджи, описывающих красоту и одеяния жен этого героя; танцы состояли из плавных, нескорох, довольно грациозных движений стана, рук и ног, изгибания талии, выгибания суставов и медленных движений рук, которыми *бедойо* то покрывала лицо шарфом, то разводила им в разные стороны. Окруженное тропической растительностью, заменяющею театральную сцену, представление это при свете факелов имело совершенно своеобразный характер, не лишенный ни грации, ни поэзии.

Вечером к нам приходил г-н Верлооп, чтобы переговорить относительно программы завтрашнего дня. Сегодня нами получены письма из России, первые со времени нашего отъезда полтора месяца тому назад.

Вторник 9 февраля, Гарут. — После утреннего чая мы поехали снова в коляске регента смотреть горячие источники Чипанас, находящиеся у подошвы вулкана Гунтур. Тотчас, по выезде из города, потянулась аллея мимоз и хлебных деревьев, по сторонам которой виднелись туземные жилища. Одна деревня, выстроенная, по-видимому, недавно, отличалась живописностью своих домов и узорчатостью свежеплетенных мат. Встречные, завидя нас, по обыкновению садились на землю: самые почтительные — у края дороги и оборачиваясь к нам спиной, другие, более смелые только приседали, а менее вежливые снимали лишь шляпу. Ми-

* *Гамелан*.

Алун-алун и варингин в Гаруте.

новав рисовые поля, леса бамбуков, а в одном месте, небольшую рощу *джати*, тиковых деревьев, мы добрались до прудов Чипанас, отделенных друг от друга невысокими берегами, обсаженными бананами.

Вода в прудах настолько горяча, что над ней постоянно стоит пар, точно над гигантскими котлами с кипятком. У подножья горы, где выстроены купальни, мы вышли из экипажа и осматривали ручьи и источники замечательно чистой и прозрачной воды. В нескольких местах, где из-под земли бьют горячие ключи, вырыты большие ямы, огороженные невысокими плетнями; в эти первобытные ванны вода течет из бамбуковой трубы, и в них купались туземцы, нисколько не стесняясь прохожих. Проводник наш повел нас затем на возвышение, откуда хорошо были видны все окрестности: на первом плане находились пруды, окруженные рядами бананов и группами пальм, далее пестрели *савахи*, перемежавшиеся с лесами, рощами и деревнями, а горизонт замыкался со всех сторон цепью гор с выделявшимися из нее вулканами Папандаянто, т.е. «Кузница», в 7,300 футов и Чикурай в 7,900 футов. Далее высился Гунтур, скаты которого были изборождены потоками остывшей лавы, не успевшими еще покрыться растительностью.

Вскоре после нашего возвращения в гостиницу г-н Верлооп, регент, его *пати* и контролер приехали, чтобы сопутствовать нам в осмотре школ и туземных кустарных производств. Из дому до экипажа

меня провожал туземец, державший над моей головой большой открытый зонтик, кажется, плетеный и выкрашенный в белую краску с позолотой. На Яве зонтик — знак почести, поэтому никакой туземец, обладающий известным положением, не показывается вне дома без своего зонтиконосца. По той же причине сегодня за мною всюду несли *пайунг* или зонтик регента. Коляска была запряжена парой прекрасных маленьких вороных лошадок, а кучер и *саисы* одеты в белые суконные ливреи с золотыми и красными эполетами, таковыми же позументами и золочеными пуговицами; головной их убор состоял из обшитых красным и золотым галуном, кеши, надетых поверх тюрбанов.

Мы направились к *алун-алуну**, по углам и посреди которого росли гигантские *варингинны*, громадной своей листвой затенявшие толпы народа, расположившиеся в их тени. На Яве всюду перед дворцами, домами высокопоставленных лиц и *пасанграханами* имеются большие площади, неизменно обсаженные 4–5 *варингинами* и называемые *алун-алуну*. Мы вышли из экипажа у высокого павильона, стоявшего на одном конце площади, где с тем, чтобы дать нам понятие о местных кустарных изделиях, были собраны по приказанию регента различные мастера. Нам показали сначала способ выделки *саронга*; трое или четверо мужчин, сидя на полу, рисовали на белой бумажной материи, натянутой на бамбуковую рамку. Употреблявшиеся для рисования инструменты похожи на низкие металлические плоские масленки с ручкой и длинным, весьма узким наконечником. Сосуд этот наполняется топленым воском, тонкой струей которого из наконечника выводятся по ткани различные узоры без всякого предварительного наброска**.

Мастера быстро и ловко сочиняют прямо из головы арабески, фантастических птиц и животных. Когда рисунок готов, материя красится, т.е. ее кладут в железный чан с окрашивающим веществом и мнут руками; причем воск, которым начертан узор, предохраняет его от окраски и остается, таким образом, белым по красному, синему или другому фону или *vice versa****, фон остается белым, а рисунок цветным. Затем мы смотрели выделку стрел и *крисов*, у одного из которых ножны были очень тонко и красиво вырезаны из дерева *нангка* (*Artocarpus integrifolia*). Далее женщины ткали бумажные материи, прессовали кокосовое масло и перерабатывали тапиоку из корня этого растения. Процедура эта состоит в том, что корень тапиоки сперва трется, и затем моется и сушится и, в конце концов, получается известный в продаже белый порошок. По осмотре различных производств мужчины и мальчики, собранные на площади, показывали нам свое искусство в стрельбе из лука в мишень. После этого мы отправились в школу, зайдя еще по пути в весьма некрасивую мечеть.

* Центральная площадь в деревне или городе (*яв.*).

** Описанный способ окраски ткани известен под названием батика.

*** Наоборот (*лат.*).

В первой виденной нами школе, содержавшейся правительством, принимают туземных детей всех сословий, и на одной скамье сидели рядом как сыновья регента, так и крестьянские мальчишки. Хотя не принято поступать раньше пятилетнего возраста, но в виде исключения здесь были мальчуганы не более четырех лет, толстые, черномазые, с очень серьезным видом относившиеся к своим занятиям, несмотря на то, что головки их только что были видны из-за парт, а ножки высоко болтались над полом. Курс продолжается от 4-х до 6-ти лет и распределяется на четыре класса с подразделениями на два отдела; экзамены производятся ежегодно. Предметы учения составляют: чтение, письмо, арифметика, рисование, география Малайского архипелага, пение и языки — малайский, яванский и сундский. Обстановка и помещение ничего не оставляли желать лучшего: четыре высокие просторные комнаты с чистыми циновками на полах и скамейками со столами из лакированного дерева самого новейшего образца, а на стенах рисунки педагогического содержания. Детей было всего сто сорок, из числа которых только три девочки. Когда мы вошли, они встали и спели весьма недурно на малайском языке приветственные стихи и голландский национальный гимн. Вообще школа произвела на нас отличное впечатление как по устройству, так и по порядку. Ученики держались чинно, а преподаватели, по-видимому, интересовались своим делом и казались развитыми и дельными. В звание учителей туземцы готовятся в особых семинариях, коих на Яве имеется три: в Бандунге, Магеланге и Проболинго.

Из туземной мы перешли в голландскую, тоже первоначальную школу, где обучались преимущественно метисы, мальчишки и девочки, числом около сорока пяти. В этой курс был несколько полнее, чем в туземной; кроме перечисленных в той предметов, здесь преподавались всеобщая география и история Нидерландов. Классные комнаты также были очень хороши; учебный персонал состоял из трех учителей и одной учительницы, всех голландцев. На старшего из них наше посещение подействовало так сильно, что он почти лишился голоса и с дрожащими губами отвечал на вопросы.

Сегодня за завтраком мы впервые познакомились с *мангостинами*, одними из наивкуснейших, если не самыми вкусными плодами всего мира. *Мангостин*, по-явански *мангис* (*Garcinia mangostina*), является специальным продуктом Малайского архипелага; на Малайском полуострове он встречается только до 16° северной широты. Все попытки к разведению его в Индии и Вест-Индии* оказались неудачными, а на Цейлоне он только изредка и то с трудом принимается. Растение, дающее *мангостины*, имеет вид низкого, вечно-зеленого дерева с густой кроной и темной кожистой листвой, напоминающей португальский лавр; цветы с восковообразными лепестками держатся на конце веток;

* Я слышала, будто бы его удалось вырастить на Ямайке в ботаническом саду Кингстона. (Прим. О.А. Щербатовой).

Регент Гарута и его семейство.

плоды крупные, величиной с небольшое яблоко, снаружи темно-пурпуровой окраски, а в разрезе цвета портвейна. Обрезав кругом твердую оболочку, она распадается надвое и внутри ее показывается самый плод, похожий на мандарин и состоящий из 6-8 кусков снежно-белого колера. Высушенная корка, настоянная в кипятке, пьется как чай и служит вяжущим средством, весьма полезным при дизентерии, для туземцев она составляет самое общеупотребительное лекарство против этой болезни и продается всюду на базарах.

Перед обедом мы по приглашению посетили регента и присутствовали на яванском драматическом представлении. У входа на большой крытый балкон нас встретили хозяин дома и жена его *раден-аю** (малайский титул ее), одетую в цветной *саронг* и черную шелковую кофточку; черные, как смоль, волосы ее были собраны сзади в виде шиньона, а руки украшались золотыми браслетами. Недостаток красоты ее возмещался приятным выражением лица; умением же держаться просто и любезно, несмотря на малое знакомство с европейцами, она нас удивила.

В числе гостей находились г-н Верлооп и контролер, севшие с нами около двери в гостиную; сбоку, на полу расположились *пати*, коллектор и *вузиф*; снаружи же, на площади стояла и сидела толпа народа, с молчаливым интересом следившая за представлением. На противо-

* *Раден-аю* — титул замужней женщины знатного происхождения (яв.).

Туземные актеры в масках.

положном от нас конце балкона было устроено нечто вроде беседки, выкрашенной в красную и синюю краску с позолотой и расставлены два ряда табуретов. Из-за ширм, стоящих позади беседки, выходили по очереди актеры. С правой стороны этой импровизированной сцены поместился *гамеланг* и руководитель представления *даланг*, говоривший или читавший речи; актеры же молча исполняли свои роли, применяя действие к словам *даланга*.

По описаниям сэра Стемфорда Раффлза яванские драматические представления бывают двух родов: 1) *топенг*, в которых роли действующих лиц исполняются мужчинами в масках, не надевающих лишь в присутствии царствующих особ, и 2) *ваянг**, т.е. марионеток. Сюжет *топенга* всегда заимствован из приключений Панджи, любимого героя яванских сказок. Пьесы аккомпанируются музыкой *гамеланга*, темп которой бывает различный, смотря по роду действия или выражаемым чувствам. Актеры одеты в старинные национальные костюмы и исполняют свои роли с большой точностью и грацией, но все представление имеет скорее характер балета, чем драмы или комедии, и человеческие страсти, страдания и увлечения выражаются только подходящими движениями и словами. Любовь и война служат неизменными сюжетами драм, которые обыкновенно заканчиваются битвой между вождями-соперниками. Труппа *топенга* состоит большею частью из четырех музыкантов, шестерых актеров и *даланга*.

В *ваянге* сюжеты взяты из басней первых периодов истории, относящихся до времен, предшествующих уничтожению индусской импе-

* Как представление, так и фигуры называются *ваянг*. (Прим. О.А. Щербатовой).

рии Маджапахит. Различные исторические личности изображаются фигурами в один-два фута вышины, вырезанными из буйволово́й кожи и, чтобы придать им сходство с олицетворяемыми ими лицами, тщательно окрашенными или позолоченными. Все фигуры странно искривлены и в высшей степени комичны с преувеличенно выдающимися, в особенности, носами. Предание гласит, что такую карикатурную наружность им придали впервые при *сусухунане* Мориа, одном из первых мусульманских проповедников; целью этого было, сохранив древние народные развлечения, согласовать их с требованиями магометанской религии, воспрещающей всякое изображение или драматическое представление человеческого образа.

«Посредством этой меры», — говорил находчивый *сусухунан*, — «тогда как большинство людей не примет этих фигур за человеческие, яванцы, вспоминая историю, сумеют отождествить их с личностями, которые они должны изображать и тем будут иметь возможность втайне наслаждаться народными увеселениями. Если же впоследствии они забудут оригиналы и не будут различать их от искривленных изображений, то у них сохранится убеждение, что предки их получили теперешний образ человека после обращения в веру Пророка».

Впрочем, сомнительно, чтобы вышеприведенное предание было бы верно, так как имеются многие древние монеты с изображениями фигур, во всем сходных с нынешними *ваянгом*, а поэтому более чем вероятно, что они существовали в теперешнем своем виде до введения магометанства.

Фигурам придается движение в плечах и локтях посредством тонких роговых пластинок или палочек. Для представления натягивается на рамку белое полотно, которое, освещенное сзади лампой, отражает *ваянги*, движимые сообразно ролям *далангом*, говорящим при этом подходящие речи.

В виденном нами у регента *топенге* актеры являлись одни за другими по два, по три и более за раз; они не то танцевали, не то выступали мерными, неимоверно длинными шагами совершенно, как автоматы, и также на вид машинально и тихо двигали руками. Костюмы их состояли из суконных панталон в обтяжку, вышитых золотом, короткой куртки и длинного шелкового шарфа вокруг пояса, широкие концы которого висели сзади до земли. Маски были донельзя странные и уродливые: одна ярко-красного цвета с оскаленными зубами и глазами навывкат, другая — известково-белая, третья — коричневая и т.д. Мужчины, исполняющие женские роли, были одеты в *саронги* с низкими лифами, обнаженной шеей и руками и также в масках. В виде головных уборов у всех были какие-то золотые украшения, торчавшие кверху наподобие крыльев.

Сюжет даваемой пьесы был следующий: у некоего короля была сестра, на которой хотел жениться дядя ее, но, кроме него, были также и другие искатели ее руки; все они по очереди являлись на сцену,

любезничали с девицей, ссорились между собою; при этом за них говорились длинные монологи; потом дядя дрался со своими соперниками, убивая их одного за другим и т.д. Вообще представление было очень любопытное и интересное. Труппа принадлежала регенту и играет у него каждую субботу, причем представление длится с вечера до утра.

Посидев около часа, мы уехали домой. На прощание регент подарил С. лук и стрелы, особенность которых состояла в том, что они выделаны из какого-то весьма редкого бамбука.

Нынешний день был переполнен новыми впечатлениями: вдобавок ко всему виденному к нам вечером в гостиницу явились китайские танцоры и оркестр. Последний отличался своей шумностью: барабан, невозможно громкий, металлический инструмент и еще что-то не менее нестройное издавали самые негармонические звуки. Под аккомпанемент этой действительно «адской» музыки происходила борьба человека в меховой куртке и маске с дьяволом, изображенным двумя людьми; у дьявола был длинный хвост, громадная голова с движущимися глазами и огромной пастью, то открывающеюся, то закрывающеюся. Человек и дьявол кривлялись, становились в различные комические позы, нападали друг на друга и т.д.

Сегодня в саду гостиницы опять подвернулся «шпион», прозвище, данное мною одному из пассажиров парохода *De Carpentier*, который с самого нашего приезда на Яву, как будто нарочно, всюду неотступно следует по нашим пятам. Куда бы мы ни приехали — в Бейтензорг, Синданглаю, Бандунг и теперь сюда — первое встречное лицо неминуемо его, так как он является почти одновременно с нами и останавливается даже в одних гостиницах. Мы его принимали сначала за француза, но узнали впоследствии, что он состоит турецким консулом в Батавии. Упорное его преследование нас я приписываю нахальному намерению прокатиться по острову в качестве самозванного нашего спутника, дабы таким образом воспользоваться различными удобствами путешествия, предоставленными нам вследствие письма генерал-губернатора, о котором он проведал, вероятно, в Батавии. Несносная его фигура до того наскучила нам, что мы радуемся мысли избавиться послезавтра от него.

Ввиду того, что от Чибату до Чилачапа, т.е. на расстоянии 162 верст, железная дорога еще не открыта и нет ни гостиницы, ни почтовых лошадей, «шпиону» без особого разрешения, которое навряд ли он получил, невозможно будет проехать. Для нас же, благодаря любезности главного инженера г-на Карстенса и бандунгского резидента, все приготовлено заранее, так что до Тасикмалаи мы проедем в экстренном поезде, оттуда на сменных лошадях до Киндер-Зе, а через последний на казенном паровом катере. За отсутствием же гостиниц в наше распоряжение предоставлены правительственные *пасанграханы*.

Среда 10 февраля, Гарут. — Сегодня мы выехали из дому в семь часов утра для восхождения на вулкан Папандаянг, т.е. «Кузница», в 7,300 футов вышины. Первые пятнадцать верст до *пасанграхана* Чисерупана мы

Алун-алун в Чисерупане.

делали в экипаже, запряженном четверкой цугом, причем на подъемах поджидавшие люди и буйволы помогали лошадям втаскивать коляску.

Прибыв к девяти часам в Чисерупан, мы залюбовались картинностью *алун-алуна*, простиравшегося перед домом. Пять маститых *ва-рингинов* широко раскинули свои гигантские ветви, затеняя собою многочисленную пеструю толпу туземцев, собравшуюся, чтобы поглядеть на редких гостей — европейцев. Тут были и танцоры, выделявавшие какие-то па, и *гамеланг*, разыгрывавший в нашу честь различные арии, и продавцы с бамбуковыми коромыслами, предлагавшие свой товар. Под одним деревом *саисы* держали наготове целый табун оседланных верховых лошадей, под другим — сидели *мантри*, *лурахи* и прочие местные власти; полунагие же ребятишки сновали всюду. Кругом площади, плетеные домики туземцев ютились под группами бананов, пальм, *нангка* и других деревьев, а налево из-за их вершин высился грозный Папандаян. Все это было в высшей степени оригинально и красиво; живописность же самой местности выигрывала еще от ярких разноцветных костюмов туземцев, придававших пейзажу совсем своеобразный колорит и характер.

В *пасанграхане* нас встретили голландский контролер и *ведана*, последний был одет в синий мундир с серебряными пуговицами, золотой перевязью и позолоченной шляпой с голубым бордюром, на поясе у него висел *крис*, богато украшенный инкрустациями золота и перламутра. На веранде был приготовлен завтрак, присланный ре-

Кратер Папандаянг.

гентом; слегка закусив, мы сели верхом и тронулись в путь. Рослыми, крепкими, добрыми нашими лошадьми мы тоже были обязаны регенту, взявшемуся устроить всю нашу поездку; моя лошадь была сандальской породы, а С. — помесь австралийского уэлера с полукровной кобылой.

Сопровождавшие нас туземцы вскоре вытянулись в длинную вереницу, медленно подымаясь в гору, сначала по плантациям кофе, сильно пострадавшим от болезни листьев, а затем по великолепному джунгли. Точно гигантский змеиный хвост, извивалось наше пестрое шествие с ехавшим во главе его помощником *веданы*, отличительными цветами перевязи и шляпы которого были серебро и золото, за ним следовал сам *ведана*, потом я, С. и контролер, а позади ехали шесть или семь *мантри*; кроме того, каждого верхового сопровождали двое или трое пеших *лурахов*, сменявшихся несколько раз по дороге поджидавшими их другими.

Часа полтора мы подымались все в гору по крутым подъемам, только изредка спускаясь и часто останавливаясь, чтобы дать передохнуть запыхавшимся людям и лошадям. Окружавший нас лес был так великолепен, деревья таких огромных размеров и вся растительность до того роскошна, что казалось невероятным, чтобы не более столетия прошло с последнего извержения Папандаянга и чтобы в такой сравнительно короткий период по пеплу и лаве успела бы возникнуть столь богатая флора и подобного роста деревья.

Дорожка к вулкану Папандаянг.

Но нельзя было не верить несомненному факту и оставалось только дивиться и восхищаться плодотворному действию тропического климата.

Папандаянг в былое время считался одним из обширнейших вулканов Явы, но большая часть его была снесена в 1772 году извержением, числившимся между самыми сильными последнего столетия. Сэр Стемфорд Раффлз говорит, что часть горы и ближайших его окрестностей, равняющихся пространству в 23 версты длины и девяти ширины, провалились в недра земли от сотрясения. Сорок деревень и 2,937 жителей погибли, а большинство насаждений и полей было уничтожено выкинутыми вулканическими веществами, которые шесть недель спустя извержения были еще настолько горячи, что не было возможности подойти даже близко к ним.

Редевший постепенно лес делался все мельче, пока он вовсе не прекратился и взамен его показались тощие кустарники, с трудом росшие по остывшей лаве, через которую пролежала и наша дорожка. Местность была дикая, пустынная, вся обезображенная потоками лавы, течение которых ясно виднелось, то ровной струей, то, встретившись, вероятно, с каким-либо препятствием — деревом или скалой — волнами и буграми. В одном месте сквозь твердую корку пробили себе отверстие ключи настолько горячей воды, что над ними стоял пар. У подножья кратера мы сошли с лошадей, так как скаты его состояли из нагроможденных друг на друга в невообразимом хаосе громадных

Кратер Папандаянга.

глыб, камней, обломков лавы и гладких скользких скал, по которым немислимо было подняться верхом, а поэтому последнюю версту нам пришлось взбираться пешком. Весь подъем от Чисерупана в $6\frac{1}{2}$ версты занял два с половиною часа времени.

Наконец, добравшись с трудом доверху, мы очутились на краю самого кратера, окруженного с трех сторон амфитеатром гор, из которых южная была покрыта растительностью, а западная и северная состояли из оголенных, обрывистых, красноватого цвета, утесов; с четвертой стороны, не защищенной горами, открывался вид на дальние равнины Гарута с их *савахами*, деревьями и лесами. Дно кратера, на котором мы находились, хорошо было видно от крытого сарая, построенного на уцелевшем от извержения невысоком холме, и состояло из остывшей лавы, покрытой толстым слоем серо-ватой пыли — давно выкинутой серы. Все пространство было усеяно отверстиями различных размеров, из которых почти непрерывно выбрасывались столбы дыма, пара и серы, ярко-желтые осадки которой окружали все эти отверстия. Серные пары то уменьшались в объеме, то увеличивались до того, что густыми облаками застилали всю окрестность.

Мы обошли кругом всего кратера, осторожно ступая за проводником; корка лавы была настолько тонка, что колыхалась и поддавалась под нашими ногами, и воткнутая в нее по бокам тропинки палка уходила без усилия на пол и больше аршина. За исключением немногих мест, вся поверхность была до того горяча, что жар чувствовался даже сквозь подошву сапог. Мы подошли на несколько шагов от главного отверстия,

окруженного кусками черной обугленной серы, но внезапный взрыв заставил нас поспешно удалиться, кашляя и задыхаясь от едкого серного газа. Немного дальше под землей слышались гул и клочкотание, подобное шуму, производимому несколькими мощными паровиками.

Все виденное было в высшей степени ново и интересно, тем более, что к чувству любопытства примешивалось сознание некоторой опасности, которой мы подвергались. По словам Реклю, «этот кратер проявляет почти все феномены вулканического свойства: серные кипящие болота, конусы, которые колышутся и стонут, метая камни и грязь, горячие ключи, со свистом бьющие из-под земли. Все звуки вулкана сливаются в оглушающий, но вместе с тем гармонический гул, напоминающий громадный завод с его тысячами молотков и его пронзительными струями пара. Ручей, который спускается на дно «кузницы» чистым и прозрачным, выходит из него горячим и пропитанным серою».

Сняв фотографии кратера, мы тем же порядком, но гораздо быстрее, в полтора часа времени спустились к *пасанграхану* Чисерупана, где, позавтракав и распростившись с услужливыми нашими провожатыми, вернулись в Гарут.

С первого дня нашего пребывания здесь нас каждое утро на рассвете будят своим замечательным пением птицы хозяина гостиницы. Эти птицы, малайское название которых *чичак рава*, на вид ничем особенным не отличаются, по форме клюва, по оперению, хвосту и общему складу они, по-видимому, принадлежат семейству дроздов; пение же их до того красиво, оригинально, звонко и вместе с тем мелодично, что мне никогда не приходилось слышать ничего подобного ему. *Рава*, по собранным мною сведениям, находятся только на Яве, и они до того редки и ценны, что их можно приобрести лишь с величайшим трудом. Хозяин гостиницы согласился мне продать одну, а для того, чтобы не возить ее с собою, он обещался переслать ее нашему агенту в Батавию, куда мы должны заехать на обратном пути.

Собираясь уехать завтра, мы решили отослать Кромози ввиду того, что он донельзя непонятлив и решительно ничем не полезен. Мы рассчитываем, что легко обойдемся без переводчика, так как я уже кое-чему научилась из малайского языка, а расторопный Джон, хотя ничего не понимает, но тем не менее отлично устраивается всюду.

Четверг 11 февраля, пасанграхан Банджафа. — Мы выехали по железной дороге в шесть с половиною часов утра и через час прибыли в Чибату. Отсюда дорога, прокладываемая в Чилачап, окончена только на расстоянии 63 верст, но для движения еще не открыта. Для нас был приготовлен паровик с прицепленным спереди небольшим директорским вагоном, имевшим просторный крытый балкон. Садясь в поезд в Гаруте, мы опять увидели «шпиона», не отстававшего от нас и тут, но вообразили, что он возвращается в Батавию. Каково же было наше удивление, когда поезд ушел из Чибату, а он вместе с нами остался на станции! Удивление наше перешло в негодование, когда мы узнали, что он с неучтивостью, присущей турке,

не спросив даже на то согласие С., выпросил себе у начальника станции позволение ехать в нашем вагоне до Тасикмалаи, на что и получил разрешение. Грубость и нахальство его были тем более возмутительны, что он, как нам было известно, не имел бумаги от генерал-губернатора, необходимой для этого проезда, а хотел пробраться, надеясь, что его примут за нашего знакомого. Всякий другой, на его месте, обратился бы, по крайней мере, к С., чтобы узнать, не имел ли он чего-либо против подобного спутника, но «шпион» счел это, вероятно, излишней учтивостью.

С балкона нашего вагона отлично была видна та часть страны, по которой мы проезжали; сопровождавший нас железнодорожный начальник объяснял и указывал на достопримечательности окрестностей. По его словам, благодаря гористой местности работа по прокладыванию дороги потребовала больших затрат на устройство насыпей и мостов через реки и овраги. От Чибату путь постепенно подымается, достигая в Чипеундеви высшей своей точки в 2,300 футов над уровнем моря и спускаясь затем довольно отлого до Чиави (1,658 футов) и Банджара, где он доходит почти до уровня моря.

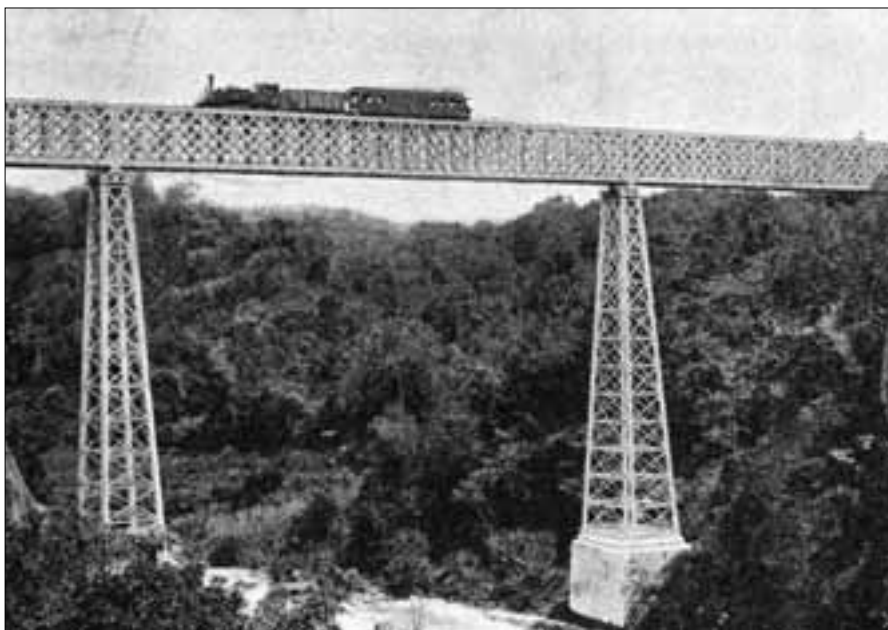
По сторонам почти всюду леса были вырублены, и земля обработана под рисовые и другие поля. Около Варонг-Бандрека открывался замечательно красивый вид: к востоку большое, почтовое шоссе, усаженное деревьями, извивалось у подножия горы Чакра-Бувана, теряясь затем вдаль в провинции Черибон, направо и налево подымались террасами *савахов*, с усеянными между ними многими деревушками, исчезающими под рощами бананов и пальм, а далеко на западе возвышались свои главы *гунонги** Калайдон и Мандалаванги.

В горах от быстрой езды воздух стал настолько прохладным, что я ушла в отделение. После Чипеундеви дорога проходит по мосту в тридцать саженей длины над долиной Чикиданг, в конце которой виднелся красивый водопад. В одном месте высокая насыпь была размыта дождями и нам пришлось, покинув свой вагон, перейти по ней пешком; на противоположной стороне нас ждал другой паровик с прицепленной к нему багажной платформой, на которой были устроены скамейки и поставлены для нас кресла, не защищенные ничем от палящих лучей солнца. Жара здесь под конец стала совсем нестерпимой. К счастью, до Тасикмалаи было недалеко, и мы прибыли туда в 10¹/₂ часов утра.

На станции нас встретил ассистент-резидент г-н де Кок, устроивший все наше путешествие в Банджар. Тасикмалая, хотя и большой город, но гостиниц не имел; принять же приглашение г-на де Кока заехать к нему и отдохнуть перед отъездом нам не хотелось, а потому мы немедленно поехали дальше, взяв с собою Серафиму и ручной багаж. Джон же с остальными вещами поехал отдельно.

За неимением, вероятно, коляски нас снабдили каким-то допотопным ящикообразным крытым экипажем, имевшим три большие отверс-

* Гунонг — гора (мал.).

Мост по железной дороге из Бандунга в Гарут.

тия (трудно назвать их окнами) с боков и спереди. Сильная жара чувствовалась еще более в нашем рыдване, где мы со всеми своими мешками и свертками с трудом уместились. Не имея возможности поесть с самого отъезда из Гарута, мы порядочно проголодались и намеревались закусить взятой с собою провизией во время перепряжки в *пасанграхане* Манонджаи, первой остановке после Тасикмалаи. Но, приехав туда, нас подвезли к дому ассистент-резидента, объяснившего, что по всей дороге существует только один *пасанграхан* в Банджаре, где нам приготовлен ночлег. Ввиду этого, волей-неволей, пришлось подчиниться необходимости и заглушить в себе чувство голода еще на несколько часов.

Шоссе, по которому мы ехали, было так красиво, что походило более на хорошо содержимую дорогу в парке, чем на почтовый тракт; четыре ряда чудных тиковых деревьев (*Tecona grandis*), росших попережку с различными фикусами и мимозами, образовывали такую тенистую прекрасную аллею, какую нам и в садах не часто приходилось видеть. Характер местности тоже изменился после Манонджаи; вся эта часть Преангерской резиденции, местами гористая, но преимущественно низменная, отчасти даже болотистая, отличается особенным богатством своей флоры. Сегодня впервые мы увидели сплошные леса тиковых деревьев, имеющих невероятно высокую крону, достигающую нередко полутора-два фута вышины, и типичные, огромные, темные листья. Эти леса сменялись другими, состоящими из самых

Туземный дом.

разнородных представителей тропической растительности: *канари*, *нангка* (*Artocarpus integrifolia*), хлебное дерево (*Artocarpus incisa*), *суриан* (*Cedrela serrullata*); *ага-ага* (*Pteurocarpus indicus*), *вапунгин*, *Fagraea fragrans*, *Jacaranda mimosaeifolia*, пальмы: кокосовые, *Arenga saccharifolia*, *лиственния*, *латания*, фиговые деревья, масса разновидностей плантанов и бананов, папоротники древесные и другие, множество эпифитов, орхидей, мхов, вьющихся и цепких растений, лиан, *рамтанов* и пр., пр. При чтении список кажется нескончаемым, но он далеко не исчерпывает всех растений, входящих в состав здешних девственных лесов, перечисление и описание которых составили бы целую книгу. По временам джунгл был до того густ, что по обеим сторонам дороги возвышались точно лиственные стены всевозможных зеленых, красных и других цветов.

Столько было нового и столько было разнообразия, что во все время нашей поездки нам ни на минуту не было скучно: следить за постоянно сменяющимися картинами растительной жизни, различать во всем этом хаосе знакомые сорта и любоваться многими выдающимися экземплярами как по необыкновенной величине (стволы некоторых гигантов имели не менее 7-8 обхватов), так и по исключительной красоте — все это составляло непрерывное развлечение и коротало длинные часы езды.

Новую черту сегодняшнего пейзажа составляли травянистые бугры и пологие скаты, которые с живыми изгородями вдоль дорог и аллеями

напоминали собою английские downs*. По пути часто встречались деревни, тонувшие в зелени пальм и хлебных деревьев, в садах которых цвели розы, хибискусы**, *бугайвиллеи* и росли роскошные, разнолиственные *кротоны* и *акалифы* с кроваво-красными листьями. За деревнями тянулись рисовые поля в различных периодах спелости, а за ними снова шли леса. Вдали показывались холмы и горы; вообще край сегодня был большею частью гористый, перерезанный ложбинами, с крутыми по дороге спусками и подъемами: то мы переезжали реку, то спускались в овраг; нередко быстрые потоки с шумом неслись мимо дороги или живописные водопады обрамлялись пальмами и папоротниками.

И так целый день одна тропическая картина за другой разворачивалась пред нашими глазами в бесконечном разнообразии и с трудно описываемой красотой. Над всем этим пейзажем парило горячее полуденное солнце, пробивавшееся даже через густую листву деревьев, под тенью которых мы все время ехали, так что жара давала себя порядочно чувствовать. Синее небо не затянулось еще обычными облаками, заволакивавшими почти ежедневно горизонт около трех-четырех часов дня и сопровождавшимися настоящими тропическими ливнями, до того сильными, что в несколько секунд по дорогам образуются глубокие ручьи. Отличаясь необыкновенною порывистостью, дожди на Яве зато длятся недолго: не более двух или трех часов посреди дня, утра же и вечера всегда ясные.

Мы сменили лошадей три раза в течение дня; взамен почтовых станций на Яве повсеместно устроены, во всю ширину дороги, длинные навесы, под которыми легко могут поместиться две или три упряжи, так что во время перепряжки путешественники защищены от солнца или дождя и имеют возможность, выйдя из экипажа, стоять или сидеть рядом в тени. С боков навесов у туземных лавочников на прилавках разложены различные местные питья, яства и плоды. По случаю нашего проезда навесы были украшены флагами, растениями и цветами и под ними расставлены ковры, кресла и столы. Вообще, благодаря любезности и предупредительности бандунгского резидента и распорядительности его подчиненного ассистент-резидента в Манонджае, через регентство которого пролегла наша дорога, всюду от Тасикмалаи до Калипучанга нас встречали местные власти и все было наготове: на станциях лошади были в сбруях; на горах дожидавшиеся буйволы и крестьяне, предводительствуемые своими *лураками*, помогали втаскивать или задерживать экипаж; *веданы* в мундирах ждали нас на границах своих уездов, а пять или шесть *мантфи* и *лурахов* все время сопровождали нас, меняясь у каждой деревни, в которых при нашем въезде играли туземные оркестры.

* Безлесная возвышенность, невысокое плоскогорье (англ.).

** Род растений семейства молочайных, деревья, кустарники и травы.

Дерево папая (*Carica papaya*) 2 1/2 лет.

Мы ехали довольно скоро, несмотря на то, что все без исключения почтовые лошади на Яве прескверные, будучи до того норовисты, что они никогда не берут с места и при малейшем подъеме моментально останавливаются. В таких случаях *саисы* и прохожие являются на помощь, толкая и таща экипаж; подобные остановки повторялись через каждые двадцать-тридцать минут и так как всякий раз проходило несколько секунд прежде, чем удавалось сдвинуть упрямых лошадок, то много времени терялось даром. Зато, пущенные в ход, мы мчались во весь карьер до тех пор, пока какая-нибудь новая непредвиденная причина снова не задерживала нас.

Вся работа управления и пр. упряжью падала на неутомимых *саисов*; кучер же был вовсе бесполезен, даже, если четверка сбивалась в сторону дороги, он не в состоянии был справиться с ней и ему приходилось прибегать к помощи *саисов*, которые то и дело соскакивали со своих сидений позади экипажа и подгоняли или поворачивали лошадей, тянули за постромки или колеса и, таким образом, всю станцию, т.е. 13-15 верст, бежали рядом; даже когда они сидели сзади, они не отдыхали, а хлопали бичами, прикрикивали на лошадей или приказывали встречным посторониться.

Мы приехали в *пасанграхан* Банджара в половине второго, сделав 40 1/2 верст в три с половиною часа. Здесь встреча была еще торжественнее предыдущих: на площади играла музыка и толпились разряженные жители, везде развевались флаги, а веранды дома были увешаны гирляндами зелени. Внутри на столах красовались букеты цветов, мягкие ков-

Варингин.

ры покрывали полы и удобная мебель наполняла комнаты, устроенные со всевозможным комфортом и роскошью, гораздо большими даже, чем в гостиницах. Присланный сюда г-ном де Коком яванец-метрдетель в красной, шитой золотом ливрее помог нам высадиться у подъезда *пасанграхана*, тогда как другой туземец при переходе из экипажа в дом держал над моей головой великолепный малайский зонтик. Местный *ведана* тоже дожидался нас, почтительно присев поодаль на корточках.

Оказалось, что всему, как тут, так и в Калипучанге, мы обязаны г-ну де Коку, выславшему свою прислугу, мебель, белье и пр. К тому же мы только сегодня узнали, что наше путешествие из Гарута в Чилачап совершается на счет правительства, взявшегося снабдить нас необходимыми почтовыми лошадьми, экипажами, прислужкой, столом, катером и пр., так что, когда мы перед отъездом спросили у здешнего распорядителя, сколько следует заплатить, он весьма удивленно посмотрел на нас, не понимая, о чем идет речь.

Банджарский *пасанграхан*, как и все прочие на Яве, состоял из четырех просторных спален, выходивших дверьми в высокую, большую комнату, занимавшую всю средину здания; спереди широкий, крытый балкон служил гостиной. Снаружи дом был обсажен красивым опрятным садом с пальмами, лиственными деревьями, *кротонами* и цветами, а за ним начинался обычный *алун-алун** с *варингинами*.

* Алун-алун — площадка или площадь перед зданием, дворцом, официальной резиденцией (яв.).

Мы сначала выпили чаю, в ожидании завтрака, не заставившего себя долго ждать, и за который мы принялись с величайшим удовольствием, быв натошак с шести часов утра. Утолив свой голод, мы пробовали было пуститься в разговор с сидевшим тут же на полу *веданой*. С отъездом Кромози нам приходится рассчитывать только на самих себя в сношениях с окружающими туземцами, не говорившими ни на каком другом языке, кроме малайского. Усердное изучение последнего дает мне теперь возможность немного на нем изъясняться и понимать кое-что из сказанного.

Поговорив с *веданой*, мы отпустили его, и С. отправился спать, я же занялась фотографией, а затем и чтением. Когда жара стала умереннее, я вышла погулять пешком, думая пройти недалеко одна, но не сделала и десяти шагов, как меня нагнали метрдотель в красной livрее, зонтиконосец и еще какой-то человек, не отстававшие от меня ни на шаг во все время прогулки. Встречные, завидя меня, еще издали поспешно приседали, а если попадались такие, которые не знали, как подобает держаться в присутствии такой высокопоставленной особы, какой я вдруг оказалась, то мне заметно было, как из-за моей спины сопровождавшая меня свита сердитыми знаками давала понять провинившемуся, что он должен сесть, что им немедленно испуганно исполнялось. Когда же пошел дождь и я открыла зонтик, над ним тотчас появился большой *пайунг*, которым был вооружен мой зонтиконосец.

Джон, весь мокрый, попав под обычный вечерний ливень, приехал с багажом только в пять часов. Немного спустя, к нашему крайнему изумлению и негодованию, подкатил и «шпион». Выведенный, наконец, из терпения его дерзостью, С. сказал ему, что, путешествуя по не открытой для публики дороге, мы обязаны всем особому разрешению генерал-губернатора, вследствие которого мы и пользуемся, предоставленными нам любезностью резидента, *пасанграханами*, прислугой, лошадьми и пр., и поэтому, он С., считает неуместным присутствие «шпиона» в доме, где мы сами живем лишь в качестве гостей. «Во всяком случае», — добавил С., — «завтра вам невозможно будет ехать с нами на катере, так как это нас стеснит». «Шпион» ответил, что здешний доктор, приятель его, сумеет распорядиться, чтобы ему дали отдельную шлюпку и исчез из *пасанграхана*.

Оставшись наедине, мы посмеялись над его уверенностью, хорошо зная, что для такого господина, как он, не вытребуют нарочно из Чилачапа катера: в Калипучанге же они не стоят. Вечером, довольно поздно, он прислал за своими вещами: по всей вероятности, знакомый его объяснил ему неловкость его поведения. Мы надеемся, что наконец-таки избавились от него и что ему придется ехать обратно*.

* Наши злорадные пожелания сбылись, как мы узнали впоследствии: катера «шпиону» не дали, и он принужден был возвратиться тем же путем в Батавию. (Примечание О.А. Щербатовой).

После обеда посреди темноты площади замелькали огни, послышался говор собравшейся толпы и заиграла музыка, аккомпанировавшая танцам. Мы хотели было спуститься на *алун-алун*, чтобы посмотреть вблизи на танцоров, но нам сказали, что последние сейчас явятся к нам. В виде приготовлений к представлению пред балконом поставили два высоких бамбуковых шандала со свечами, осветившими более или менее небольшое пространство. Сюда выступили девять *бедойо*, очень нарядно одетые в шелковые *саронги*, с шитыми золотом лифами, обнаженными шеями и руками и газовыми шарфами, перекинутыми через плечи. *Гамеланг* расположился сзади, а кругом весь сад наполнился народом. Танцы, хотя довольно однообразные, были весьма любопытны и состояли из различных медленных движений рук, ног и станов; танцующие в такт тихо двигались вокруг шандалов или кругом друг друга, то по одной, то попарно, то быстрее, то медленнее. Понемногу к ним присоединялись мужчины, вместе с ними выделявая всякие «па», значение которых трудно было понять. Когда они останавливались, чтобы передохнуть, народ дружно кричал нам что-то вроде «ура!».

По окончании танцев появились туземные паяцы, за исключением костюмов, так как старший был почти совсем голый, мало отличавшийся от своих европейских собратьев-клоунов в цирках и, подобно последним, выкидывавшие всякие фокусы. Несмолкаемые разговоры их и рассказы вызывали все время громкий смех зрителей.

*Пион** г-на де Кока, приехавший с Джоном, объяснил нам, что как танцовщицы, так и клоуны были из сословия дворян и родственники *веданы*, лично руководившего зрелищем, устроенным им для нашего развлечения, и что потому для них было бы кровной обидой предложить, как мы хотели, денежное вознаграждение.

Погода вечером и ночью была крайне душлива. Из предосторожности мы и люди наши принимаем теперь два раза в день небольшие дозы хины, так как весь этот край, весьма низменный и болотистый, считается одним из самых лихорадочных на Яве.

* *Пион* на Яве соответствует должности *каваса* (посыльного) в Турции. (Прим. О.А. Щербатовой).

Глава IX

Пятница 12 февраля, Чилачан. — Мы выслали Джона с багажом рано утром, а сами выехали в шесть с половиною часов. Джона сопровождал *пион*, а нас — красная ливрея. По пути нам оказывали те же почести, как и накануне и даже в полях тут и там были поставлены беседки с растениями и флагами.

Сегодня вдоль дороги впервые показались болота с растущей по ним громадной пампасовой травой, в 4-5 аршин вышины, но были также и холмы, а по сторонам и впереди весь день виднелись цепи низких возвышенностей, поэтому для нас осталось непонятным, где находятся пресловутые бесконечные болота, составившие этой части Преангерской резиденции репутацию самой нездоровой местности Явы.

Растительность стала, если возможно, еще богаче и разнообразнее; в иных местах лианы и *раттаны* покрывали сплошь, от корня до верху кроны, все деревья и, свешиваясь оттуда до земли, образовывали совершенно непроницаемые занавеси зелени, так что издали казалось, будто бы это был не натуральный рост растений, а искусственно устроенные циклопические зеленые стены. На полянах цвели во множестве дикие белые лилии, встречались также великолепные арумы с большими бутылкообразными красными цветами, оканчивающимися двумя огромными белыми лепестками; всюду росли лиловые и розовые ипомеи*, а на прудах распускались белые *Nymphaea*. Тиковые деревья также находились в полном цвету, одни с белыми, другие с темно-розовыми крупными круглыми метелками. Из знакомых древесных разновидностей замечались *панданусы* в 20—30 футов вышины, *цикасы*, самые отборные пальмы: *Caryota urens*, *Oncosperma horrida*, различные финиксы**, *арека пумила* с желтыми стеблями и масса других. У ме-

* Род выющихся или стелющихся трав и кустарников семейства выюнковых.

** Финиковая пальма.

ня положительно глаза разбегались при виде этой чудной флоры, превосходящей все, что либо зримое мною до этих пор, и я не могла достаточно налюбоваться окружающей природой.

Одно время шоссе пролегало по скатам каменистого хребта, где оно то спускалось в овраги, то поднималось на гребни гор, тут изгибаясь вокруг глубоких ущелий, поросших пальмами, там входя в самую глубину девственных лесов. Иногда, завернув круто за угол утеса, оно нам виднелось на противоположном откосе с нависшими над ним грозными скалами, немного далее скрываясь снова за следующим уступом, чтобы показаться опять где-то далеко внизу на дне ложбины. Широкие долины сменялись узкими расселинами с шумно протекавшими по ним меж гранитовых глыб горными ручьями. И всюду: наверху, внизу, сзади и спереди, в долинах, ущельях, по склонам и краям, та же дивная, удивительная тропическая растительность покрывала собою каждую пядь земли, недрясь во всех расщелинах скал и процветая одинаково роскошно в глубине лощин и на вершинах высочайших гор. Словом, здесь, где население почти вовсе отсутствует, растительная жизнь овладела всей почвой и царит беспрепятственно, раскинувшись со всею природною ей мощью и ширию, как и где ей угодно, не стесняемая людьми.

Представители пернатого царства тоже отличались сегодня своею многочисленностью; в рисовых полях, окружающих редкие деревни, водились по большей части водяные птицы всевозможного оперенья и роста. Всего более было длинноногих: больших, средних и малых, снежно-белых, коричневых, черных, серых, сливочного цвета, некоторые — с ярко-голубыми крыльями, другие с темно-красными или синими. В особенности была красива одна птица, ростом с крупного голубя: она имела пурпуровые крылья, резко отличавшиеся от фиолетово-черного тела, головы и хвоста.

Немного не доезжая последней станции, нам пришлось остановиться, чтобы отпрячь лошадей, до того брыкавшуюся, что она перепутала всю сбрую. В Калипучанг мы приехали в одиннадцать часов дня, сделав 45 верст в 4¹/₂ часа. В *пасанграхане* благодаря попечениям г-на де Кока, все было приготовлено столь же удобно, как и в Банджаре. Позавтракав, мы в двенадцать часов сели в дожидавшийся нас паровой катер и стали спускаться по Читандуви, оба берега которого, заросшие лесами, были затоплены водою. В одном месте мелькнул дикий кабан, тотчас же скрывшийся в чаще.

Читандуви, начинающийся в горах Савал, настолько широк и глубок, что в его устье, углубленное морскими приливами, входят даже большие суда. Нижняя часть его русла извивается сквозь бывшие когда-то обширным заливом болота или *равы*, образовавшиеся от илистых наносов потоков. От всего этого прежнего залива осталась только мелкая бухта Киндер-Зе, называемая по-малайски *Сегара-Анакан**. После полуторачасо-

* Детское море (голл. и мал.).

вого плавания мы вошли в вышеназванную бухту, которая с юга отделяется от моря длинным скалистым островом Нусакамбанган*. Последний, задерживая от свободного стока в море речного ила, способствует еще более обмельчению Киндер-Зе. Остров и Ява отделены уже теперь только узким болотистым ручейком, тогда как не так давно еще они находились на довольно значительном расстоянии друг от друга. Нусакамбанган почти не заселен: лишь несколько деревушек рыбаков возвышаются на сваях из воды вдоль северного его побережья. Мы прошли совсем близко от них и удивлялись тому, каким образом барахтающиеся без присмотра на площадках домов ребятишки спасались от преждевременной смерти утоплением. Каждый дом стоял отдельно и имел свою лодку, посредством которой поддерживается сообщение с берегом.

Весь Киндер-Зе настолько мелок, что при отливе даже небольшие суда не могут проходить по нем, только вдоль западного и южного его берегов благодаря морским течениям остаются два прохода постоянно судоходными, имея при этом не более двенадцати футов глубины. Бухта соединяется с морем узким проливом, находящимся у западной оконечности Нусакамбангана с севера и запада она граничит непроходимыми болотами, простирающимися до подножья гор резидентства Баньюмас.

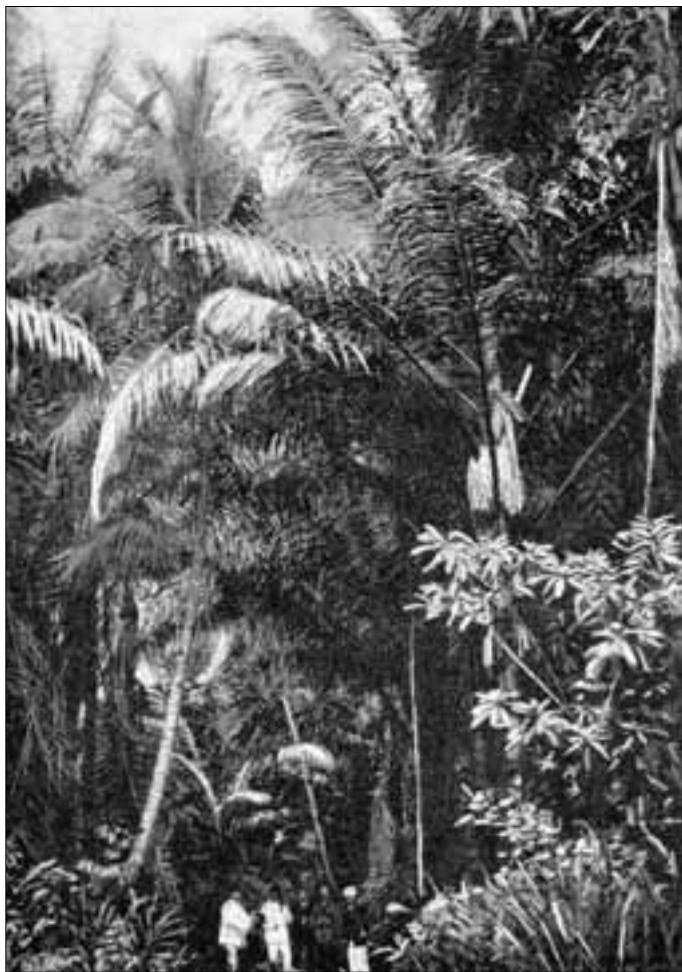
Переход через Сегара-Анакан занял более двух часов; после чего мы снова вошли в реку или скорее устье реки Сапурегел, сливающееся с рукавом моря и разветвляющееся на многие русла. По всем этим руслам медленно поднимались и спускались нагруженные и порожние *пфай***, идущие или возвращающиеся из Чилачапа с сельскими продуктами.

Мы пришли в 4¹/₂ часа в Чилачап при проливном дожде и были встречены у пристани французским консулом г-ном Перроном, который, узнав от хозяина гостиницы о нашем приезде и желая сделать нам любезность, сам от себя приехал на встречу и предложил свой экипаж. Гостиница была из ряда вон плоха: маленькие, темные, грязные комнаты и прескверная еда.

Вечером пришли г-н Перрон и зять его г-н Констан, здешний ассистент-резидент; оба, несмотря на французские фамилии, как оказалось, — голландцы. Перрон давно уже живет на Яве и хорошо знаком с краем; он говорил, что в прежние времена, когда Чилачап не был дренирован и никакие меры не принимались для осушения местности, санитарное состояние его было самое плачевное. Зловредная лихорадка до того сильно свирепствовала, что правительство принуждено было удалить отсюда гарнизон; на одном французском военном судне, зашедшем в Чилачап по пути в Новую Голландию, в несколько дней умерло до двадцати человек от этой болезни. Пароходы перестали даже заходить в порт, опасаясь инфекции. Особенность здешней лихорадки состоит в том, что она в большинстве случаев появляется лишь по отъез-

* Плавающий остров. (Примечание О.А. Щербатовой).

** Туземные лодки. (Примечание О.А. Щербатовой).

Группа пальм в джунгле.

де из нездоровой местности; живущие же здесь постоянно, пока они не покидают города, редко от нее страдают. Последствия ее всегда пагубны для здоровья и весьма часто бывают смертельны. Ныне благодаря канализации города и окрестностей санитарное состояние значительно улучшилось.

Не имея теперь почти никакого значения, Чилачап в скором времени, когда железная дорога из Чибату будет готова, станет важным центром как соединительный пункт двух рельсовых путей, сходящихся здесь с различных концов Явы.

Суббота 13 февраля, Магеланг. — Утром, встав рано, мы прокатились немного по городу, после чего в семь часов выехали по железной доро-

Продавец мороженого.

ге в Пурвореджо. В Кутоарджо наш вагон прицепили к другому поезду, так как первый шел в Соло и Сурабаю; наш же по короткой ветви доставил нас в двадцать минут езды на место назначения, куда мы прибыли в одиннадцать часов.

С. телеграфировал накануне ассистент-резиденту, прося его приготовить нам экипаж для проезда в Магеланг, отстоявший от Пурвореджо в сорока верстах. Согласно депеши четырехместный весьма старый фаэтон дожидался нас у выхода; позавтракав в гостинице, мы выехали в двенадцать часов из Пурвореджо. Проезжая мимо станции, мы застали там еще Джона, хотя раньше ему наказывали не мешкать, дабы поспеть до вечера в Магеланг. Оказалось, что, отправив Серафиму одну без всяких вещей, он послал нанять двух *гэрри* под себя и чемоданы; выбравив его за нераспорядительность, С. приказал ему нагрузить все на приготовленную телегу и выезжать немедленно за нами. Отъехав затем не более двух верст, мы увидели Серафиму, стоявшую в стороне от дороги и без *саиса*. На наш вопрос, зачем она остановилась и где кучер, она ответила, что он ушел за добавочною лошадыю.

Широкая аллея, по которой мы следовали, обсаженная деревьями *канари* и фикусами, проходила меж полей по гористой местности, почти всей обработанной под рис, индиго, табак и пр. Вообще отсутствие лесов составляло резкий контраст с пейзажами последних двух дней. Население тоже выглядело иное, так как в средней части Явы, где мы теперь находимся, живут яванцы, а в западных, только что покинутых нами провинциях, — сунданийцы*. Зато, если замечалась разница в крае и

* Сунданцы населяют юго-западную оконечность Явы, которую Щербатовы не посещали.

жителях, лошади не изменили своего характера, и путешествие разнообразилось обычными их приемами, только, будучи еще мельче и тоще преангерских, остановки повторялись чаще обыкновенного, и мы еле подвигались вперед, хотя перегоны были не более двенадцати верст.

С полдороги стали видны на востоке вулканы-близнецы Мербабу (10,214 футов) и Мерапи (9,375 футов), соединенные узким краем холмов. Первый давно бездействует, но из второго беспрерывно выделяется столб белого пара, имеющий у основания, по словам Юнгхуна, не менее 650 футов в окружности. Вечно дымящийся Мерапи не подвергался в исторические времена таким страшным извержениям, как остальные вулканы Явы; он только выкидывал пепел, переходящий иногда под влиянием падающих единовременно дождей в жидкую грязь.

На северо-запад от «близнецов» и на противоположной стороне большой долины Кеду, с вершинами, теряющимися в облаках, обрисовывались силуэты двух других вулканов — Синдоро (10,240 футов) и Сумбинг (10,935 футов), прозванных моряками «двумя братьями».

Синдоро, т.е. «Величественный», — самая величавая гора Явы, отличается замечательною правильностью контуров. Вершина его точно срезана ножом, а скаты покрыты потоками лавы, образовавшими толстый ровный слой и наполнившими отчасти пространство между ним и Сумбингом. Последний, который, вероятно, обязан своим именем «Рассеченной горы» расщелине его кратера, выше Синдоро, но менее красивой формы. Характеристичную черту Сумбинга составляет равномерность наружных его борозд, которые от вершины до основания идут лучами, отделенными друг от друга гребнями в 250-300 футов вышины. «Два брата» кажутся совсем потухшими, и лишь струившийся из них дым указывает на то, что подземные огни сохранили еще остаток деятельности.

Погода, бывшая с утра очень душливой, немного посвежела после полудня, но, пройдя версты две пешком, пока перепрягали лошадей, нам стало так жарко, что мы купили продававшиеся по дороге, *помоло* (*Citrus decumana*), оказавшиеся замечательно вкусными и освежительными. Привозимые из Вест-Индии в Европу *помоло* не могут сравниться с яванскими ни по вкусу, ни по аромату; здесь *помоло* при хорошей культуре достигают совершенства, неизвестного в других странах. Великою с детскую голову, они весят до 12-15 фунтов и настолько сочны, что из одного плода можно наполнить большую суповую тарелку.

Другой плод, встречающийся всюду на Яве, — *рамбутан* (*Nephelium lappaceum*) более красив, чем вкусен. По форме и ярко-красному цвету он похож на очень крупную землянику, но имеет твердую наружную корку, покрытую частыми крупными мягкими волосками; внутри скорлупы находится съедобная белая желеобразная мякоть, обладающая неприятным кисловатым вкусом. Плоды растут кистями и весьма живописны, когда они на базарах сложены в большие кучи.

На последней станции нам запрягли вместо четырех шесть лошадей, так как от этого места дорога шла почти все время в гору. Начавшийся незадолго до того сильный дождь не прекращался до самого Магеланга. В двух километрах от города мы въехали в предместья его, тонувшие в массе зелени и пересеченные по всем направлениям широкими аллеями, по обеим сторонам которых выстроены были дома туземцев и китайцев и красивые виллы европейцев, все окруженные садами.

Гостиница «Лозе», куда мы приехали в четыре с половиною часа дня, была довольно посредственна: вся меблировка комнат состояла из трех или четырех предметов и каменные полы ничем не прикрывались; широкая, сама по себе удобная веранда выходила на задний двор, где спереди висело грязное белье, а сбоку мыли столовую посуду.

Серафима явилась только в девять часов вечера, и когда мы легли спать, Джон еще и не показывался. Погода вечером и ночью была очень жаркая, и только к утру стало немного прохладнее.

Воскресенье 14 февраля, Магеланг. — Магеланг (1,213 футов над уровнем моря), — столица резидентства Кеду — расположен в центре великолепной долины, орошаемой рекой Прого и удобряемой пеплом вулканов. Проточная вода, великолепные густые деревья, громадные горы, высящиеся на горизонте, — все это способствует тому, чтобы сделать из Магеланга очаровательное местопребывание.

Намереваясь остаться здесь с неделю, мы устроились насколько возможно удобно в гостинице. Вчерашнее замечание хозяину произвело должный эффект: двор вычистили, белье убрали, веранду огороди-

ли ширмами, так что образовался отдельный уголок, называвшийся нашей гостиной, нашлись и ковры на полы и кое-какая мебель, так что в конце концов мы остались вполне довольными своими комнатами.

Джон прибыл сюда лишь в девять часов утра: оба его экипажа сломались при выезде из Пурвореджо и так как нигде нельзя было достать лошадей, то он нанял большую телегу, на которую сложил весь багаж, весом в с лишком двадцать пудов. Грузную эту кладь везли сорок верст трое людей, запросив всего около десяти рублей за труд. Они шли безостановочно день и ночь и только раз часа три отдыхали, так что бедный Джон, шедший тоже пешком, совсем изнурен и еле стоит на ногах. Следует отдать справедливость гоанийцам* в том, что они действительно замечательно расторопный народ. Не говоря и не понимая ни слова из малайского языка, не быв никогда на Яве, Джон при всей своей неразвитости всюду умеет ловко устроиться и распорядиться. Всегда услужливый, в высшей степени работающий и покладистый, он неocenим при подобных путешествиях. С. написал ассистент-резиденту в Пурвореджо, чтобы пожаловаться на беспорядки почтового тракта.

Все утро мы провели дома, занимаясь чтением и писанием. После четырех часов мы катались по городу и окрестностям его; причем проехали мимо горы Тидар (1,651 футов), называемой туземцами «гвоздем», так как, по их повериям, посредством его земной шар прикреплен к мировому диску.

Под вечер мы прошли немного пешком вокруг обширной площади, расположенной напротив гостиницы и занимающей весь центр города. На ней весь день обучаются солдаты, проезжают лошадей или под тенью деревьев играют дети. Погода сегодня была довольно жаркая: термометр показывал утром и вечером 18° R., в полдень в тени 23° R., а на солнце 40° R.

Понедельник 15 февраля, Магеланг. —В семь с половиною часов утра мы выехали в Боробудур, где находятся самые обширные развалины индо-буддийской эпохи на Яве. Широкая аллея деревьев *канари* оживлялась толпами туземцев, несшими различные сельские продукты в город. Удивительно близкими казались сегодня четыре вулкана, словно грозные сторожа, окружавшие Магеланг: Мерапи и Мербабу, соединенные друг с другом, точно горным узким мостом, а на северо-западе «величественный» Синдоро и Сумбинг, поднимающийся почти прямо из равнины. Сквозь прозрачный утренний воздух легко было различить все контуры этих вулканов, вершины которых отчетливо выделялись на безоблачном небе, только вокруг Мерапи плавало легкое белое облако, окружая его главу как будто газовым тюрбаном. У оголенного же Сумбинга, на котором не растет ни одно дерево, ясно виднелись от

* Джон — уроженец города Гоа в Индии и сопровождал нас в нашем путешествии по Индии и Цейлону. (*Примечание О.А. Щербатовой*).

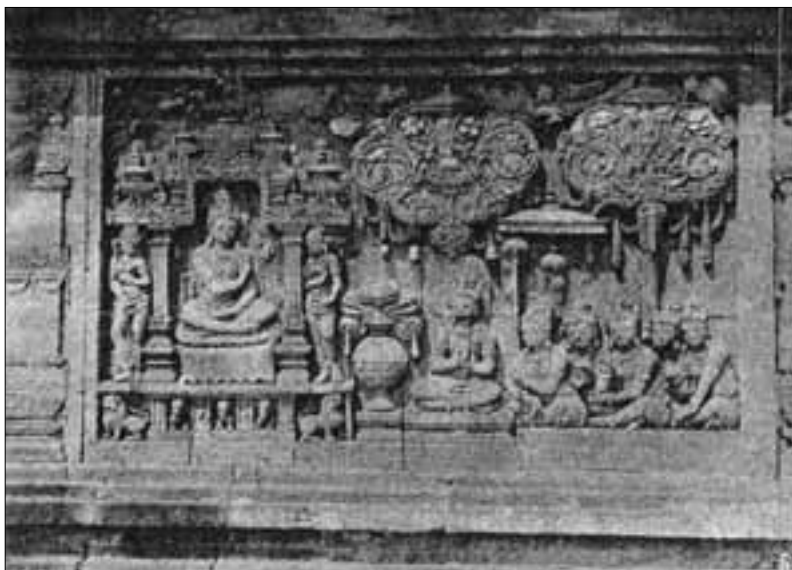
Храм в Мендуте.

самой подошвы до высшей точки его конуса малейшие подробности его своеобразной формации.

К юго-западу, куда мы направлялись, вид заслонялся невысоким краем скалистых гор, зубчатые и заостренные оконечности и голые каменистые скаты которых обрисовывались еще резче благодаря падающим на них прямым лучам только что взошедшего солнца. В пространстве, заключенном между вулканами и этим хребтом, простиралась волнистая с невысокими холмами долина реки Прого, покрытая рисовыми полями, насаждениями джута, индиго и др. и разнообразная рощами пальм с ютившимися под ними деревнями, группами деревьев и многочисленными ручейками, весело струившимися по всем направлениям.

На первой станции, в семи верстах от Магеланга, нам запрягли шестерку лошадей, и, свернув с почтового тракта, мы поехали проселочной, нешоссированной дорогой. В одном месте последняя проходила через такую густую и высокую рощу бамбуков, что под ними царилла точно ночная тьма. Несколько верст не доезжая до Боробудура, мы остановились в Мендуте, любопытный храм которого не так давно был случайно найден под грудой земли, покрывавшей его.

«Совершенно другого характера, чем Боробудур, храм в Мендуте, хотя и небольшой, но представляет собой серьезный интерес для истории яванской архитектуры. Он стоит на фундаменте, имеющем семьдесят квадратных футов и от пятнадцати до шестнадцати футов вышины. Самый храм, включая выступы на каждом фасе, дающие ему слегка крестообразную форму, равняется приблизительно сорока пяти квад-

Скульптура храма в Мендуте.

ратным футам. Внутри, под крышей, похожей на опрокинутую пирамиду, находится храмина в двадцать квадратных футов, вмещающая три колоссальные сидячие статуи в одиннадцать приблизительно футов вышины каждая. Средняя изображает Будду, боковые, — вероятно, Вишну и Шиву*. На одном из наружных фасов высечен образ Лакшми** о восьми руках, а на другом — божество с четырьмя руками, сидящее на лотусе, стебли которого поддерживаются двумя фигурами с семью змеиными головами. Эта группа, несомненно, повторение той, которая, причисляемая к самым древним скульптурам, имеется на фасаде пещеры в Карли Индии и относится к VI или VII веку; здешняя принадлежит более современной эпохе.

Любопытно то, что мендутское изваяние несравненно более окончено и художественно, чем карлийское. Одно кажется слабым усилием вымирающего искусства, другое, яванское, по изяществу может сравниться с наилучшими произведениями индийской скульптуры. То же замечание относится и к священному дереву, под которым сидит божество; как таковые же символические деревья в Боробудуре, оно по исполнению стоит много выше индийских.

Главный же интерес этого храма заключается в том, что его сооружение, несомненно, последовало немедленно после постройки Боро-

* Господствующим индуистским направлением в Индонезии в то время стал шиваизм.

** Лакшми — супруга Вишну, богиня благосостояния, счастья и красоты.

Храм в Мендуте.

будура. Если верно предположение, что последний относится к 650–750 году после Р.Х.^{*}, то мендутский должен был быть воздвигнут между 750 и 800 годами после Р.Х.

Кроме вышеописанных особенностей, в нем замечательна высокая степень совершенства в чертежах, тем более удивительная, что она соответствует времени, когда буддийское искусство в Индии всюду приходило в упадок.

Значительная полнота мифологических сюжетов указывает также бесспорно на то, что мендутский храм принадлежит или буддизму, или индуизму, но всего вероятнее, что религия, которой он был посвящен, была одним из тех компромиссов, который был бы назван в Индии джэйнским^{**}. Другими словами, это экземпляр переходной архитектуры, каковой так богата Ява, и отсутствие которых составляет такой пробел в истории архитектуры Индии»^{***}.

^{*} Гигантский храм Будды – Борободур – был заложен в 772 г. н.э.

^{**} Храм в Мендуте – буддийский, он представляет *ваджраяну* – тантрийскую (мистическую) форму махаяны.

^{***} Fergusson. *History of Indian and Eastern Architecture*. (Примечание О.А. Щербатовой).

Фигура Шивы или Вишну в Мендуге*.

Фигура Будды из серого гранита имеет спокойное, кроткое выражение лица и так же, как и другие фигуры, отличается тонкостью работы. Рядом с храмом помещалась туземная школа, учитель которой пригласил нас войти; как помещение, так и способ преподавания отличались простотой: ученики сидели на полу и один из них читал что-то вслух, а другие хором вторили ему. Прежде чем достигнуть Боробудура, нам пришлось переправиться через неширокую, но довольно быструю реку по весьма первобытному парому, состоявшему из двух лодок с бамбуковым настилом. Место было крайне живописно: высокие, крутые берега с нависшими над водой деревьями и быстрая река, в которой стояли по колено лошади и буйволы, пейзаж оживлялся, кроме того, множеством людей и телег, переправлявшихся на пароме или дожидавшихся своей очереди.

Нас перевезли в два приема: сначала лошадей, а потом экипаж; пока все это кропотливо исполнялось *саусами*, С. ушел вперед пешком и я, сняв фотографию, последовала вскоре его примеру.

На повороте дороги я остановилась полюбоваться травянистым хлопчатником (*Bombax sebia*), почти задушившим в своих объятиях пре-

* На снимке запечатлена скульптура бодхисатвы Манджушри — буддийского божества мудрости и знания.

Фигура Будды в Мендуте.

лестный маленький храм, прислоненный к нему. Две стороны храма были совсем скрыты корнями, из-за которых выглядывали обхваченные ими богато изваянные камни. Дерево, самое большое всех окрестностей, выросло раза на два выше кокосовых пальм, ствол его подымался совершенно прямо футов на сто от земли и только на этой вышине начинались первые ветви, образующие выше гигантскую лиственную крону. Другая разновидность хлопчатных деревьев посажена вдоль почтовых трактов, где она заменяет телеграфные столбы; особенное расположение ее ветвей, под прямыми углами к стволу, весьма удобно для разобращения проволок.

Наконец, в конце длинной аллеи показались на холме развалины Боробудура, аллея вела кругом пригорка к маленькой гостинице, от которой хорошо был виден великолепный памятник, содержащий в своих bas reliefs* полную историю Будды. Из всех монументов Явы боробудурский самый древний.

* Барельефах (*фр.*).

Паром по дороге в Боробудур.

Фергюссон по этому поводу пишет:

«Стиль и характер его скульптур так тождествен со скульптурами пещер в Аджунте (Индии), что, кажется, будто бы они были исполнены одними художниками. Потому, если пещеры относятся, как предполагается, к первой половине VII столетия, то яванский памятник должен принадлежать второй половине того же века.

На Суматре, в Минангкабау, найдена надпись, в которой король, называющий себя махараджа Адираджа Адитиадхарма, король Пратхамы, хвастается своими подвигами, объявляет себя буддистом и сообщает, что он воздвиг в честь Будды великолепную семиэтажную *вихару**. На этой надписи выставлен 656 год после Р. Х., по времени она относится к эпохе, когда царствовали на Яве прибывшие из Индии сыновья короля Гуджарата, которые, выписав с своей родины художников, стали строить храмы в Прамбанане и Боробудуре. Поэтому более чем вероятно, что семиэтажная *вихара*, упомянутая в надписи Адитиадхарма, и есть боробудурская. Факт нахождения надписи на Суматре не имеет значения: надписи Асока находятся всюду, кроме в стране, где он жил».

Само собою разумеется, что храм не был окончен сразу или в несколько лет; постройка всей группы с *чанди*** Павон и Мендут простира-

* Буддийский монастырь. (Примечание О.А. Щербатовой).

** Чанди — индуистский или буддийский храм.

Площадка на вершине храма в Боробудуре.

ется вероятно на полтора столетия до приблизительно 800 года после Р.Х., т.е. на весь золотой век буддизма на Яве. Боробудурский памятник весьма важен в научном отношении; сооруженный во время наибольшего развития буддизма и незадолго до его падения, он содержит в себе перечень всех сведений, полученных из других источников, и дает наглядное представление о буддийском искусстве и обрядах.

Основной руководительной мыслью при постройке боробудурского монумента была, очевидно, *дагоба** с пятью шестевными галереями. При исполнении же последовали некоторые изменения, так, например, галереям придана форма не круглая, а квадратная, и большое среднее сводчатое здание заменено семидесятью двумя малыми по бокам и одним большим посредине; каждое из малых содержало статую Будды, видневшуюся сквозь каменное, ажурной работы, отверстие. Центральное сооружение было снаружи глухое со всех сторон, но пустое внутри и включало в себе, вероятно, какой-нибудь драгоценный священный предмет или останки святого.

Для Боробудура послужила образцом не только *дагоба*, но и *вихара*, в последних кельи, не имея отверстий внутри, только своею наружностью подражали жилищам монахов; в монастырях Гандхари (Индии)** мы уже видим настоящие кельи, превращенные в ниши для статуй. В Боробудуре же строители сделали еще шаг вперед и по примеру Махавеллипура

* Памятники, содержащие останки Будды или какого-либо буддийского святого. (Примечание О.А. Щербатовой).

** Гандхара после раздела Британской Индии в 1947 г. находится в Пакистане.

Галерея храма в Боробудуре.

кельи повторяются на каждом фасе, служа исключительно нишами для сидящих фигур Будды, которых насчитывалось до 436.

Сходство Боробудура с Тахт-и-Бахи* так поразительно, что год, приуроченный одному, неминуемо относится и к другому. При этом, сравнивая вышеназванные два здания, для нас становится понятно, каким образом уже в седьмом столетии буддизм на Яве достиг достаточного развития, чтобы воздвигать памятники, во всем тождественные с индийскими, в которых буддистская архитектура достигла уже высшей степени своего совершенства. Объяснение этого факта мы находим в том, что строители Боробудура, по всем вероятностям, выселились на Яву из западных провинций Индии. С другой стороны, зная о таковом развитии религии Будды на этом острове в седьмом столетии, трудно отделить, большим промежутком времени возникновение его памятников от таковых же в Гуджарате.

Как заметно по рисункам, Боробудур имеет вид или семи- или девятиэтажной *вихары*, смотря по тому, считать ли платформу, на которой стоят семьдесят две малых *дагобы*, за один или три этажа. Базис его имеет 400 футов в поперечнике, но храм — только 300 футов в каждой стороне. Но Боробудур замечателен не столько своими размерами или красотой своего архитектурного очертания, как скульптурами, которыми покрыты все его галереи. Эти изваяния простираются на пять тысяч футов — почти полторы версты, — и так как они имеются с обеих

* Один из храмов Гандхарского монастыря около Пешавара в Индии. (Примечание О.А. Щербатовой). Ныне Пешавар находится в Пакистане.

сторон, то получается почти 10 тысяч погонных футов *bas reliefs*; если же прибавить к ним те, которые помещаются в два ряда, мы получим ряд скульптур, которые, расположенные в одну линию по земле, заняли бы пространство в четыре с половиною версты длины. Большинство из них удивительно хорошо сохранились.

В историческом отношении самая интересная галерея — первая, на внутренней ее стене изображена в 120 *bas reliefs* самой изящной работы вся жизнь Сакия Муни*. В трех последующих буддизм представлен, как религия; группы в три, пять или девять фигур Будды повторяются одни за другими попеременно с бодхисатвами** и всевозможными святыми.

Будучи лишь пирамидой, воздвигнутой на горе, сооружение Боробудура не представляло особенных строительных затруднений; поэтому неудивительно, что он сохранился так хорошо, хотя, как и все яванские памятники, он выстроен без известки. Весьма любопытно, как строго архитекторы его придерживались индийского суеверия относительно сводов. Все ниши имеют сводчатые арки — круглые, эллиптические или заостренные, но непременно сложенные горизонтально, т.е. в виде парусных сводов***.

Из осмотра Боробудура**** я вынесла впечатление, что он по работе и художественности во многом уступает индийским зданиям; впрочем, вопреки тому, что говорит Фергюссон, весь памятник до того разрушен и в таком запущении, что трудно правильно судить о нем*****. Нижние *bas reliefs*, а именно изображающие сцены из жизни Будды, сохранились сравнительно лучше верхних, но и они наполовину разрушены.

Как с гостиницы, так и с площадки памятника открывался чудный вид на окрестности; с веранды дома виднелся напротив скалистый хребет с расщепленными вершинами, обрамлявшийся стоящими на первом плане деревьями, а у подножья его тянулась длинная долина, пестреющая всевозможными плантациями: риса, чая, табаку, индиго и пр. С платформ Боробудура вид был еще шире и обнимал всю обширнейшую долину Прого с богатыми ее насаждениями и разбросанными тут и там рощами кокосовых пальм, под которыми прятались корзинообразные жилища многочисленного населения. Грандиозных очертаний великолепные вулканы возвышались по краям ее, а многие мелкие кряжи и холмы пересекали всю местность по разным направлениям. Вблизи над остальными деревьями парил великан-хлопчатник, широко раскинув свои могучие ветви.

* Сакия-Муни (Шакья-Муни) — одно из имен Будды.

** Бодхисатва (*санскр.* — стремящийся к просветлению) — существо достигшее высшего духовного совершенства, наставник и образец для других людей.

*** Fergusson. (*Прим. О.А. Щербатовой*).

**** Современных ему зданий в Гандхаре я не видела. (*Прим. О.А. Щербатовой*).

***** В 1983 г. при поддержке ЮНЕСКО индонезийское правительство завершило реставрацию Боробудура.

Позавтракав в гостинице, мы к двум часам вернулись домой; едва вышли мы из экипажа, как пошел обычный ливень, длившийся с неизменной силой часов до четырех. Вечером приезжал полицеймейстер, присланный резидентом для переговоров относительно затеваемой нами поездки на плато Дьенг; местные власти затрудняются насчет верховых лошадей, которых будто бы нельзя нигде достать.

Температура в полдень была в 24° R. в тени и 44° R. на солнце.

Вторник 16 февраля, Магеланг. — Сегодня рано утром мы выехали в экипаже к горячим источникам и прудам, отстоявшим на семь или восемь верст от города. Расхваленные хозяином гостиницы, эти источники представляли весьма мало интереса: чистая, прозрачная ключевая вода, бьющая из-под земли и образующая небольшие пруды, составляла единственное зрелище этого места. Покинув экипаж, мы пошли пешком полями, думая прогуляться лишь немного, но потом, увлекшись, зашли так далеко, что вышли к самому шоссе. С. отправился назад за коляской, а я пошла дальше к городу, предполагая, что С. скоро меня нагонит. Жара была нестерпимая, тем более, что дорога против обыкновения не затенялась деревьями, вследствие чего, пройдя все семь верст до гостиницы пешком, я пришла домой в полном изнурении; С. же приехал после меня, потеряв много времени в розысках экипажа.

После завтрака снова приезжал полицеймейстер, на этот раз с отказом резидента в содействии для устройства экскурсии в Дьенг. Получив такой вежливый ответ, С. спросил по телеграфу у хозяина гостиницы в Теманггунге: берется ли он снабдить нас верховыми лошадьми? Ответ пришел довольно скоро и сообщал, что почтовые есть, а верховых не имеется. На это С. вторично телеграфировал, прося послать в Нгадиреджо за лошадьми. Мы решили, во всяком случае, ехать завтра в Нгадиреджо, где виднее будет возможность осуществления поездки; мы полагаем, что на месте без труда найдем если не двух, то по крайней мере одну лошадь под меня, так как С. объявил, что ему безразлично, ехать верхом или идти пешком все пятнадцать верст до Дьенга.

Среда 17 февраля, пасанграхан Дьенга. — В шесть с половиною часов утра, взяв с собою Джона, седла и съестные припасы, мы выехали в экипаже и, переменяя на полдороге лошадей, прибыли в Теманггунг в восемь часов. Готовая коляска, с запряженными лошадьми, нас уже ждала в гостинице, а вышедшая навстречу хозяйка, толстая голландка, сообщила приятное известие, что она приготовила в Нгадиреджо трех верховых лошадей и двух кули. Таким образом, несмотря на отсутствие любезности властей, наша поездка обеспечена благодаря услужливости содержательницы гостиницы.

В Палакан была выслана подстава и к одиннадцати часам нас подвели к какому-то складу, кажется, соли, в деревне Нгадиреджо, где дожидались лошади и проводники. Расстояние из Магеланга до Теманггунга и оттуда в Нгадиреджо в 19½ верст, так что всего в экипаже приходится ехать 39 верст. Из Нгадиреджо же до Дьенга считается 22½ версты.

Закусив под навесом склада, мы сели верхом и отправились вдвоем, взяв с собою *сауса*, несшего мой фотографический аппарат. Джон в сопровождении багажного кули последовал за нами тоже верхом. У С. лошадка была до того мала, что он на нее садился без стремян, стоя на одной ноге на земле и перекидывая другую через седло; сидя же на ней, стремена у него висли ниже колен лошади, которая, несмотря на это несоответствие своего роста к весу седока, довезла его без особого труда до места назначения.

За Нгадиреджо шла сначала в гору широкая дорога, сменившаяся вскоре узкой, то каменистой, то глинистой скользкой тропинкой, которая попеременно взползала круто вверх или спускалась зигзагами в овраги. Ближайшие от нас холмы были совсем обнажены и по скатам их, местами отлогими, местами обрывистыми, росла высокая жесткая трава; другой растительности не было, и только изредка в ущельях и ложбинах виднелись древесные и иные папоротники. Налево возвышался красивый Синдоро, а направо простирался волнистый откос, оканчивающийся глубоким обрывом, за которым начиналась сплошь покрытая деревьями высокая гора с несколькими меньшими конусами левее ее.

После небольшой деревушки мы стали постепенно спускаться мимо обширной кофейной плантации, которая, занимая весь левый от дороги склон и значительное пространство низины, подымалась еще, почти до верху противоположного откоса. Направо от нас столь же значительная чайная плантация тянулась вдоль тропинки до подножья ската, на котором были расположены склады и жилые постройки плантатора. Встречавшиеся нам здесь многочисленные туземцы возвращались, по-видимому, с различными припасами с базара, а кули несли, вероятно, оттуда же древесный уголь.

К этому времени у меня болевшая уже с утра голова стала еще более разбалчиваться, а Дьенг казался недостижимым. У дома плантатора мы осведомились о пути, так как наш бестолковый *саус* давно уже отстал. Широкая длинная долина, в которой мы находились, углублялась к югу, где заканчивалась высоким хребтом, а к северу граничилась высившимися одна над другой горами, вершины которых терялись в облаках, нависших в этот день очень низко. Там-то, за этими облаками, нам сказали, скрывался Дьенг. Мы спустились еще немного по красивой дорожке, идущей вдоль глубокого обрыва, по дну которого несли бурный поток. По другую сторону его зеленели терявшиеся из виду поля кукурузы, разводимой в громадных размерах в средних провинциях Явы, где она служит одним из главных предметов продовольствия населения. Всюду по дорогам и селениям продаются во всевозможных видах зрелые колосья ее то целными, сырыми или вареными, то в виде зерна.

Перебравшись потом по бамбуковому мосту, мы снова стали подниматься в гору и остальные девять верст до *пасанграхана* почти беспрерывно круто взбирались.

Верстах в трех от моста, на окраине деревни, у меня до того закружилась голова, что я принуждена была слезть с лошади и прилечь на землю. Накрапывавший с некоторого времени дождь усиливался, сопровождаясь довольно густым туманом, и поэтому С. в надежде найти для меня какое-нибудь убежище обошел всю деревню, но вернулся с неутешительным известием, что ничего не видел, кроме грязных хижин. Когда я немного отдохнула, С. уговорил меня ехать дальше, так как уже начинало темнеть и дневной жар сменился сырым холодным воздухом. Подсадив меня на лошадь, он стал подгонять ее сзади, а встретившийся прохожий повел под уздцы.

Этот добрый туземец, увидав мою беспомощность, сам от себя предложил свои услуги и прошел, таким образом, несмотря на ночную пору, девять верст в противоположном направлении от своего местоназначения; я вполне убеждена, что побудительной причиной его поступка было лишь бескорыстное желание помочь совсем незнакомым ему людям; желание, проявлявшееся неоднократно по пути в *пасанграхан*, во время которого он, ведя лошадь, принимал всякие предосторожности, чтобы она ступала спокойно, и вообще делал все, что мог, чтобы облегчить мне подъем, предложив даже нести меня на спине, думая этим избавить от сотрясения верховой езды. Этот инцидент описан мною так подробно только оттого, что он дает понятие об услужливости и вежливости яванцев, всегда готовых отложить свое личное дело, чтобы прийти на помощь другим, черта характера тем более удивительная в неразвитом простом туземце, что она встречается лишь в виде исключения даже между цивилизованными европейцами.

Последнюю часть поездки нас, точно туманом, охватили облака, так что ничего не было видно кругом. Наконец-таки к десяти часам вечера мы добрались до Дьенга, где, к счастью, дом оказался довольно опрятным, и я могла прилечь в ожидании Джона с вещами, прибывшего несколькими часами позже нас. Находясь на высоте 6,500 футов над уровнем моря, температура воздуха, в особенности в сравнении с Магелангом, была очень низкая и чувствовалась даже в доме. Деревня, расположенная около *пасанграхана*, — самая высокая всей Явы.

Четверг 18 февраля, Магеланг. — Встав рано утром, мы отправили Джона обратно с *саисами*, а сами поехали смотреть развалины. Последние разбросаны по неровному плато, окруженному амфитеатром гор, бывших когда-то, в доисторические времена, вероятно, стенами громадного кратера. В состав этих гор входят: с севера заостренные оконечности хребта, покрытого деревьями и оканчивающегося вершиной Праху, с востока — конус Пакуеджо, а с юга — Висма, невысокий скалистый кряж. В общем плато красиво совершенно своеобразной дикой красотой, производящей какое-то тоскливое, унылое впечатление.

Вся Дьенгская местность, по вулканическим феноменам одна из наиболее замечательных Явы, на ней, между прочим, находится известный Пакараман. Гува-Упас, или «Долина смерти», описанная некото-

Плато Дьенг.

рыми путешественниками, как пустынная равнина, пребывание на которой, даже в течение нескольких минут, влечет за собою неминуемую смерть всякого живого существа. Таковое место действительно существует, но только в виде небольшого отверстия в земле, из которого углекислый газ исходит в достаточном количестве, чтобы подействовать смертельно на живые существа. Сложившееся мнение об обширности и губительном действии Гува-Упаса произошло, без сомнения, от религиозных преданий, с которыми связан Дьенг, служивший в былые времена сборным пунктом поклонников Шивы, бога-разрушителя.

Памятники, развалины коих еще видны, были выстроены шиваитами отчасти на самом плато, отчасти на скатах гор. Насколько можно судить по остаткам, тут существовала целая серия храмов и различных других зданий: так, например, сохранились обломки величественной лестницы, подземного канала, караван-сарая и др. В одной гроте Юнгхунум найдена индусская надпись, оставшаяся неразобранной. Обширность развалин свидетельствует о значительном числе жителей, населявших эти горные высоты в эпоху шиваитской цивилизации. Последовавшее затем извержение вулкана Пакуеджо, а, может быть, и нашествие мусульман, разогнало население и опустошило плато, которым овладели леса и болота; только в начале нынешнего столетия сюда снова отважились люди, основавшие деревню и обработавшие давно запущенные земли.

Аллея варингинов в Джокье.

О стиле здешних построек можно составить себе довольно определенное понятие по уцелевшим еще до сих пор четырем или пяти маленьким храмам. Архитектура их как в общих чертах, так и в деталях, указывает, несомненно, на индусское происхождение, а скульптура служит не менее веским доказательством существования здесь браманийского культа*. По мнению Фергюссона, дьенгские памятники принадлежат самому чистому *чалукианскому* стилю, т.е. стилю, преобладавшему в необраманийскую эпоху в Гуджарате (Индии) и могут быть отнесены к VIII столетию после Р.Х.

Заговорив о яванском искусстве, кстати будет упомянуть о двух замечательных его чертах, а именно: об отсутствии во всех древних зданиях острова пилястр или колонн, а также и настоящих арок или сводов. Первый факт тем более любопытен, что яванские строители, как известно, были родом из Индии, где дравидиане на юге и джэйны** на северо-западе всюду вводили в своих постройках колонны. Неупотребление сводов вполне понятно, так как индусы старались по возможности обходиться без них, за-

* Брахманизма — древнеиндийской религии (1-е тыс. до н.э.), второй стадии формирования индуизма.

** Дравиды — группа народов, населяющих Южную Индию. Джайны — последователи джайнизма.

Китайский *токо* (лавка).

меняя их, где можно, железом и деревом; на Яве же, где не видно следов этих двух материалов, все из камня, но без тех пилястров и сводов, которые входили в состав девяти десятых индийских памятников. Другая отличительная характеристика строений острова состоит в том, что они выложены без извести, которая употреблялась только для штукатурки.

Таким образом, яванская архитектура, вероятно, единственная в мире, достигшая высокой степени совершенства без колонн, сводов и извести.

Сняв фотографии достопримечательностей Дьенга и наняв кули нести мой аппарат и мешок, так как вчерашний *саис* оказался вовсе бесполезным, мы в девять часов двинулись в обратный путь. Первая часть дороги, не замеченная мною вчера, шла вдоль широкого ущелья, по обе стороны которого подымались высокие горы; тропинка, обсаженная экалиптусами, окаймлялась справа крутым обрывом, внизу которого неся бурный поток. К сожалению, густые облака, обхватившие нас как и накануне, мешали нам любоваться живописностью местности. На полдороге стал накрапывать мелкий дождь, и мы в ожидании запоздавшего кули, несшего наши непромокаемые пальто, слезли с лошадей и закусили купленными бананами. В одном месте, где росло несколько больших деревьев, мы спугнули целую колонию обезьян, забавивших нас своими смелыми выходками и кривляниями.

В Нгадиреджо, куда мы приехали в половине второго, Джон, бывший раньше нас, приготовил нам закуску и чай; после чего мы сели в экипаж и к шести часам были уже в Магеланге. По дороге по случаю китайского праздника во всех деревнях были устроены перед домами арки, украшенные светло-желтыми листьями кокосовых пальм,

раздвоенных пополам и сплетенных в банты и дуги, с висевшими вниз, наподобие бахромы, разрезанными листками. Всюду виднелись также букеты и гирлянды цветов, свешивающихся по стенам домов.

В гостинице мы нашли письма от резидентов Соло и Джокьи; первый извещал, что *сусухунан* болен и не может нас принять и что по той же причине нам нельзя будет осмотреть *кратон**; второй, наоборот, писал, что устроит нам свидание с султаном и покажет дворец.

Пятница 19 февраля, Магеланг. — Всю ночь дождь лил беспрерывно, продолжаясь и сегодня до полудня, вследствие чего погода стала много прохладнее. После четырех часов мы ходили пешком, пройдя через китайский *кампонг*, начинающийся около самой гостиницы, мы вышли за город и, миновав большое кладбище, взобрались на Тидар. Сверху вид был великолепный: вдали, выделяясь на темно-голубом фоне неба, отчетливо обрисовывались вулканы и горы, а вблизи долина реки Прого и Магеланг виднелись, как на ладони. Город казался густою массою зелени и только тут и там крыши домов выглядывали из-за деревьев. У подножья Тидара обширная равнина служила военным плацем, на котором сегодня войска упражнялись в стрельбе из пушек в мишени; на этой же равнине с другой стороны находился скаковой круг, где двое офицеров объезжали довольно плохих маленьких лошадок. Посадка седоков с ногами, вдетыми в длиннейшие стремяна, со всем туловищем, вытянутым в струнку, была крайне некрасива и угловата.

Вечером мы снова прошли по китайскому городу, дома которого, по случаю праздника, были ярко освещены; по улицам катались более зажиточные китайцы, забравшие все экипажи из гостиницы, а бедный народ гулял пешком с фонарями и зажженными факелами в руках. Во многих местах пускали фейерверк и тут же происходило представление *ваянга*. *Даланг*, руководивший им, сидел за ширмой и вел бесконечные разговоры за фигур, воткнутых по две зараз в бамбуковый ствол** и сменяемых от времени до времени другими. Они не приводились в движение и только изредка двигали руками; тени их, с уходящими назад профилями, выдающимися носами и странными прическами, отраженные на ширме, были весьма оригинальные, но все зрелище было монотонно и скучно. Собравшаяся толпа зрителей курила, пила, ела, сидя на земле, приняв, по-видимому, все предосторожности, чтобы провести удобно ночь, слушая приключения своих любимых героев. Немного дальше на импровизированном театре под открытым небом играли *топенг*, а рядом *бедойо* под аккомпанемент *гамеланга* медленно танцевала, припевая что-то фальшивым голосом.

Треск выпускаемых со всех сторон ракет сливался с музыкой, пением и говором народа, весело, но чинно справлявшего китайский праздник. Китайцев теперь насчитывается на Яве несколько сот тысяч и, несмотря

* Кратон — дворец, резиденция султана, сусухунана (*яв.*).

** Обычно с этой целью используется травянистый и потому мягкий ствол банана.

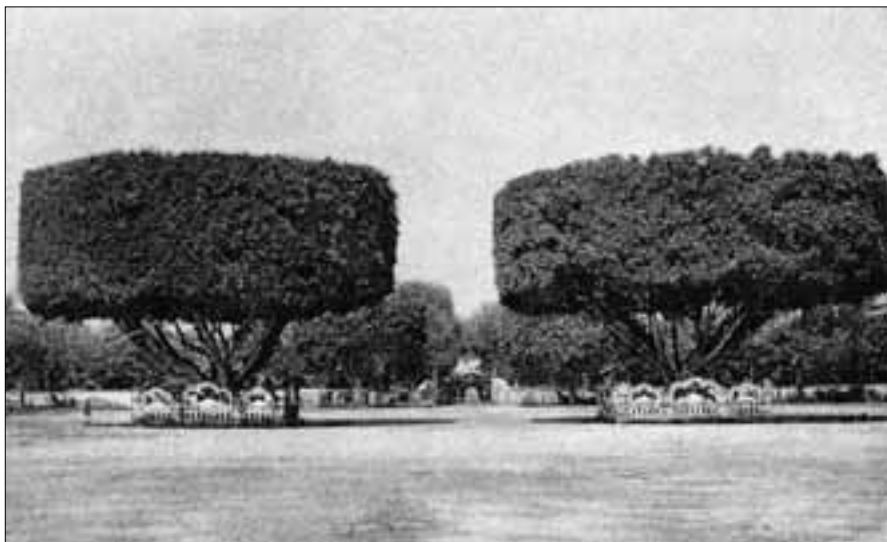
на принимаемые правительством меры для уменьшения переселения, число их постоянно увеличивается. Большинство «сынов Небесного царства» занимается торговлей и начинает свою карьеру в каком-либо местечке в качестве разносчиков, продающих тесьму, пуговицы и проч. мелочь, которую они переносят в корзинах на коромысле. Проторговав года два, они уже нанимают себе одного или двух носильщиков; затем, спустя еще несколько времени, у них является лошадь для езды, после чего они уже открывают лавку и, в конце концов, обогатившись, покупают дом и ездят в собственных экипажах. Но, несмотря на приобретенное богатство, китайцы всегда придерживаются преданий своей страны: носят длинную косу, одеваются просто и продолжают проживать в избранном с самого начала селении, где все их знают и уважают.

Суббота 20 февраля, Суракарта. — Выехав из Магеланга в шесть часов утра в экипаже, мы приехали в гостиницу «Тугу» в Джокьякарте или, как ее обыкновенно называют, — Джокье, в девять с половиною часов (расстояние в $41\frac{1}{2}$ верст). Тотчас после нашего прибытия к нам явился комендант *кратона*, голландец, и передал, что так как принято представляться султану во фраке, а С. отказывается его надеть, то свидание не может состояться. Комендант также уведомил нас о внезапном отъезде утром резидента в Соло. Ввиду того, что С. предупредил заранее здешнего резидента о дне нашего приезда, мы объясняем себе его неожиданное исчезновение нежеланием с нами встретиться во избежание неудобных вопросов о свидании с султаном, которого колониальное правительство тщательно оберегает от визитов европейцев.

После завтрака, сопровождаемые сыном хозяина гостиницы, говорившим немного по-английски и взявшимися нам показать достопримечательности Джокьи, мы посетили *кратон*. *Кратонами* на Яве называются местожительства туземных властелинов, состоящие из обширного квадратного пространства, окруженного высокой каменной оградой и рвом. Внутри они подразделяются небольшими стенами на кварталы различных величин, каждому из которых присвоено особое наименование, и имеющие всякий специальный назначение, так как всем семействам лиц, состоящим при особе царька, отведены отдельные помещения.

Спереди всегда простирается площадь, или *алун-алун*, с посаженными посреди его двумя *варингинами*, считавшимися с ранних времен яванской истории эмблемами императорской резиденции. Окружность *кратона* в Джокье в шесть верст, и в начале нынешнего столетия он вмещал до 15 тысяч жителей; теперь их много меньше, но все состоит на жаловании у султана и считаются его подданными. Султан получает от правительства 37 тысяч рублей ежемесячно и владеет, кроме того, значительным земельным имуществом.

Миновав *алун-алун*, огромные *варингины* которого были гладко обстрижены сверху и с боков, так что они походили на циклопические мельничные жернова, мы въехали через ворота в *кратон*, имевший вид

Алун-алун перед дворцом султана в Джокьякарте.

маленького города с базарами, садами, майданами, множеством улиц, переулков и закоулков. В одних кварталах помещались дворцы, в других — дома зажиточных придворных, в третьих жилища более бедного населения, конюшни, лавки и пр. пр.

Нынешний султан живет в новом здании, построенном в 1840 году; предшественники же его имели свое пребывание в так называемом Водяном дворце — восточной затее, плоде фантазии какого-то властелина прошлого столетия. Нам показали развалины целого ряда каменных домиков, зал и купален, перемежавшихся с высохшими теперь прудами; в одном месте, посреди бассейна, заливавшегося в прежние времена водою, возвышалась башня, к которой примыкали подземные каналы, проведенные под всем этим волшебным замком, строитель которого любил здесь прогуливаться в лодке.

Осмотрев затем султанские фабрики *саронга**, где тридцать или сорок женщин рисовали воском по ткани, мы отправились в базар фруктов и птиц, надеясь найти *чичак раву***, но, обойдя напрасно все ряды, поехали кататься по городу. Джокья, бывшая столицей острова до перенесения ее в 1742 году в Суракарту, весьма интересна и живописна. Вместо улиц по всем направлениям тянутся великолепные аллеи всевозможных деревьев, под которыми теснятся опрятные хижины туземцев, навесы лавочников и, в стороне от дороги, красивые виллы ев-

* *Саронг (сарунг)* — см. с. 97. Здесь автор упоминает традиционный способ раскраски ткани саронга, известный как техника *батика*.

** См. с. 157.

Улица в Джокьякарте.

ропейцев с широкими верандами и тенистыми садами. Одним из украшений Джокьи считается дом брата генерал-губернатора, богатого сахарного плантатора, проживающего с некоторых пор в Европе.

Народ здесь казался рослее и здоровее, чем в западных провинциях Явы, а высшие классы имели более независимый вид, хотя головные уборы их мало тому способствовали, придавая им более смешную, чем представительную, наружность: уборы эти состоят из черных жонкейских шляп с золотым галуном, надетых поверх тюрбанов.

По возвращении в гостиницу, к нам снова приехал комендант и с ним ассистент-резидент г-н Халбертсма, предложивший свое содействие. Узнав, что мы завтра собираемся в Прамбанан, он обещал выслать туда для нас экипаж, так как храмы находятся в некотором расстоянии от станции. Он, между прочим, рассказывал, что султан весьма неохотно принимает иностранцев и не стесняется отказывать им в самую последнюю минуту в приеме. Одному французу, облекшемуся уже во фрак, чтобы ехать на назначенное свидание, султан внезапно велел сказать, что у него разболелись зубы и потому он не может с ним видиться.

Возведение Джокьякарты в независимое государство относится к сравнительно недавней эпохе; при сусухунане Пакубуана II*, официально отрешившемся перед смертью от владычества над Явой, народные вожди, возмущенные уступками, сделанными императором голланд-

* Пакубовоно II (1727–1749).

цам, вознамерились силой возвратить потерянную независимость. С этой целью они в 1745 году подняли знамя восстания, вследствие чего возгорелась известная в истории острова междоусобная война, длившаяся девять лет. Во главе мятежников был брат *сусухунана* — Пангеран Мангкубуми, а главным руководителем их сделался Пакунегара*.

Несмотря на помощь, оказываемую голландцами законному правителю, он не в состоянии был подавить бунт, и война длилась еще долго после его смерти. Наконец, голландцы, получившие на основании отречения Пакубуана II** сюзеренство над Явой, открыли переговоры с Мангкубуми, предлагавшим мир с условием уступки ему половины острова. В 1754 году*** мирный договор был окончательно заключен, а в 1755 году генерал-губернатор торжественно провозгласил Мангкубуми султаном Джокьякарты, и его права на владение всей западной частью Явы были признаны правительством Нидерландской Индии.

Около четырех часов мы выехали по железной дороге в Суракарту или Соло, куда приехали в шесть часов вечера и остановились в первой за все время нашего путешествия по Яве вполне цивилизованной гостинице «Фон Эке»; остальные же до сих пор отличались неудобством, плохой пищей и первобытностью мебелировки.

Перед обедом у нас был с визитом очень умный и весьма любезный резидент Соло г-н Бурнаби Лаутиер, голландец, женатый на француженке. Он сообщил нам много интересного о здешней стране и в особенности о местных изделиях — *крисах*, *саронгах*, *ваянгах* и др. По его словам, хорошие *саронги*, хотя они и из дешевого материала, но ценятся очень высоко; требуемые от них качества суть: тонкость полотна, правильность, отчетливость и умелый подбор рисунка. В прежние времена последние были некрасивы, слишком мелкие и темных, преимущественно желтых и оранжевых цветов; теперь стали вводиться светлые узоры, причем главная инициатива в этом деле принадлежит вдове одного французского офицера, изготовлявшей рисунки для продажи. Относительно *ваянгов* он говорил, что они тиснятся из толстой буйволово́й кожи большею частью китайцами и тоже продаются довольно дорого.

Резидент, письменно отказавший С. в позволении осмотреть *кратон*, теперь предложил его показать нам в понедельник утром. Император суракартский, или *сусухунан*, в сущности только таков по имени и настоящей власти он почти не имеет, так как в его владениях голландцы более, чем где-либо, следят за всеми действиями местного управления. Зато нравственное и религиозное влияние и значение его громадные для всех жителей острова. В глазах яванцев престиж его титула остался неприкосновенным, и для них *сусухунан* продолжает быть и гла-

* Мангкунегара (Мас-Саид).

** Пакубовоно III (1749—1788).

*** В1755 г.

вой их религии, и преемником тех властителей, которым они привыкли столько веков подчиняться. Малейшие его желания и изречения принимаются беспрекословно и считаются священными, как высшими, так и низшими классами туземного населения. Понимая всю важность этой нравственной силы императора, голландцы окружают его почетом и поддерживают внешний вид царственного двора, пользуясь при этом его личностью, чтобы управлять и действовать на народ.

De facto же *сусухунан* лишь строго оберегаемый пленник нидерландского правительства, не имеющий даже возможности выехать из своего *кратона* без позволения резидента, которыми тем не менее оказываются ему все наружные знаки почтения, подобающие его высокому положению. Состояние его состоит из обширных имений и из 45 тысяч рублей, выплачиваемых ему ежемесячно правительством.

Глава X

Воскресенье 21 февраля, Соло. — Встав в пять часов, мы уже в седьмом часу отправились по железной дороге в Прамбанан; погода была весьма приятная, хотя термометр показывал уже 20° R. в тени. На всех станциях множество туземцев выходило и входило в поезд, по-видимому, они не менее индусов в Индии ценят удобство рельсового пути. Сегодняшние толпы не объясняются воскресным днем, так как туземцы на Яве не только не соблюдают христианских праздников, но и не имеют вовсе дня в неделе, соответствующего нашему воскресенью или магометанской пятнице. Этот странный для мусульманской страны факт происходит оттого, что в сущности религия их является смешением мусульманства с брахманизмом и, как последствие того, — полный индифферентизм.

В Прамбанане нас ожидал с экипажем регента вчерашний наш знакомый — джокьякартский комендант, взявшийся служить нам проводником при осмотре развалин единственных остатков когда-то знаменитого города и древней индусской столицы острова.

Самый древний храм, прозванный Лоро Джонграм*, принадлежит, по мнению археологов, времени Девы Кусумы или началу IX столетия**; весьма возможно, что до его сооружения были воздвигнуты другие здания, но до дальнейших исследований невозможно говорить о них уверенно. Правительство ежегодно производит раскопки, которые, вероятно, в близком будущем прольют больше света на эти интересные памятники древней цивилизации. Лоро Джонграм состоял прежде из ограды с шестью большими храмами, окруженными четырнадцатью мень-

* Лоро Джонггранг («Стройная дева») — шиваистский ансамбль, святилище матарамских королей, назван именем статуи дочери мифического раджи Бака. Начало его строительства относится к концу IX в.

** Сэр Стемфорд Раффлз предполагает, что он был окончен в 1098 году после Р.Х. (Прим. О.А. Щербатовой).

Средний храм в Прамбанане.

шими; теперь сохранились только первые и то в таком разрушенном виде, что трудно даже себе представить первоначальное их очертание.

Главный интерес Прамбанана сосредоточивается в так называемом *чанди* Шива или Тысяче храмов*. В действительности в состав его входят не тысяча, но не менее значительное число — 288 малых кумирен, расположенных в несколько рядов вокруг центрального большого капища. Последний, крестообразной формы, имеет девяносто футов длины в каждую сторону и стоит на богато украшенном квадратном цоколе. Вдоль всех фасов квадрата возвышались громадные человеческие фигуры, сохранившиеся по большей части и по сих пор еще в целости. Меньшие кумирни все построены по одному образцу и предполагается, что как они, так и средняя включали сидячее изображение Будды, Шивы или какого-либо другого джэйнского святого, смотря по тому, кому из них был посвящен *чанди* Шива. «Вглядываясь внимательно в подробности этого храма, делается очевидно, что он почти точная копия с Боробудура, только в более широких размерах и с изменениями, требуемыми для применения его к компромиссу между буддизмом и браманизмом, называемом джэйнизмом**».

Все части *чанди* Шивы покрыты изящными, в очень высоком *haut relief****, скульптурами, между которыми замечается множество изображений животных: коз, обезьян, птиц и др. Человеческие типы, воспро-

* Храм-мавзолей Шивы — главное святилище комплекса.

** См. прим. на с. 29.

*** Горельеф (*фр.*).

Большой храм в Прамбанане.

изведенные на изваяниях, имеют весьма мало сходства с теперешними жителями Явы: многие мужчины представлены с бородами, тогда как у яванцев почти полное отсутствие растительности на лице.

Общее впечатление, вынесенное нами из осмотра прамбананских древностей, таковое, что, хотя последние меньших размеров и в еще худшем виде, чем Боробудур, но зато несравненно интереснее: архитектура гораздо правильнее, а скульптуры художественнее, более окончены и разнообразнее.

Джокьякартский наш спутник оказался очень разговорчивым и много рассказывал о своем житье-бытье здесь; из его слов мы узнали, что он женат на вполне образованной туземке, от которой имеет несколько детей. Живя уже сорок лет на Яве, он вполне освоился с местными условиями жизни и, по-видимому, совсем доволен своею судьбою. В качестве коменданта *кратона* он командует конным конвоем султана, состоящим из пятидесяти человек европейцев, между которыми один русский. Трудно себе представить, каким образом русский солдат очутился на Яве, а командир его только и знал о нем, что он наш соотечественник.

Дальнейшие рассказы коменданта коснулись голландской кавалерии на Яве, подбор лошадей для которой очень затруднителен, благодаря тому, что все местные породы слишком мелки для верховой езды; несколько крупнее и лучше других оказываются сандальские*, отличающиеся выносливостью и хорошими статьями. По лошадям в кавалерию назначаются и подходящие малорослые люди, вследствие чего, когда наш знако-

* Порода лошадей, разводимых на острове Сумба.

Вас relief храма в Прамбанане.

мый (довольно высокий мужчина), служивший первоначально в Люксембурге, которого он уроженец, просил перевода на Яву, ему отказали на основании его слишком большого роста, и он перешел сюда только по окончании своей службы на родине. Говоря о лошадях, мы узнали сегодня любопытный факт относительно арденнской породы: после войны 1812–1815 годов в Люксембурге осталось много казацких кобыл, купленных жителями у наших казаков; кобыл скрестили с арденнами, и отец коменданта, крупный коннозаводчик того времени, говорил сыну, что от этого скрещения происходят лучшие нынешние арденнские лошади.

О султанах комендант отзывался, как о весьма простом и любезном, но крайне наивном туземце, любившем принимать иностранцев (ассистент-резидент, вероятно, преднамеренно сказал нам совсем противное). Никогда никуда не выезжая, вся его жизнь протекает, подобно императору в Соло, меж четырех стен *кратона*. Эти двое властелинов друг друга ненавидят и не знают; *сусухунан* смотрит на султана, как на узурпатора, а последний не желает встречаться с императором, положение которого выше его, вследствие чего при свидании султану пришлось бы по туземному обычаю стать на колени и скрестить руки, каковую позу он считает слишком унижительной для себя.

В окрестностях Джокья можно отлично охотиться, как по перу так и по всяким диким зверям: и те, и другие тем более многочисленны, что туземцы не любят охоты.

Простившись на станции с нашим услужливым, словоохотливым знакомым, мы сели в вагон и вернулись домой около двенадцати часов дня; вдоль дороги тянулись почти непрерывно насаждения сахарного тростника: в области Джокьякарты имеется до тринадцати сахарных заводов.

Часть стены храма в Прамбанане.

Плантаторам отдаются в аренду земли, причем жители *дес* (деревень) обязаны за известную поденную плату работать за них. С того же поля урожай сахарного тростника собирается только раз, после чего земля возвращается туземцам для собственных их посевов, как-то: риса и проч.

Весь день сегодня по распоряжению резидента нам приносили на показ *крисы*, *ваянги* и *саронги*, из которых мы купили по несколько штук. Несмотря на большой выбор предметов, хороших вещей было немного, а цены несоответственно высокие. Особенно дорогими нам показались *саронги*, доходившие до девяти, четырнадцати рублей за кусок*, причем большинство отличалось крупными, некрасивыми, яркоцветными рисунками.

Саронги бывают или из тонкого полотна с различными узорами или клетчатые из грубого холста; первые, называемые *батек***, носят зажиточными классами, вторые — более бедными.

Крисы, или ножи, составляют необходимую принадлежность всех туземных мужчин и втыкаются ими сзади за пояс, более богатые носят еще второй спереди. Лезвия у них, в 8-9 вершков длины, весьма разнообразны: то узкие, то широкие, то с гладкими краями, то зазубренные; ручки же всегда одинаковые, деревянные, с приподнятыми высоко концами наподобие миниатюрных гондол. Ножи эти очень ценятся владельцами и передаются от отца к сыну. У одного из продавцов, бывшего у нас, был замечательно богато украшенный бриллиантами *крис*, за который он просил 250 рублей.

* Саронг имеет 1½ аршина ширины и 3-4 аршина длины. (Прим. О.А. Щербатовой).

** *Батик* (мал.), см. сноску на с. 149.

После чая мы катались по базарам, *кратону* и китайскому *кампонгу*. По числу жителей Суракарта занимает второе место между городами Явы; первое же принадлежит Батавии, если в нее включить Мистер-Корнелис*. Разделенная на множество кварталов, пересеченных рекой Пепе, притоком Соло, Суракарта покрывает громадное пространство. В самом центре ее возвышается *кратон сусухунана* с своими дворцами, казармами, гаремами, киосками** и садами, образующий уже сам по себе значительный город, население которого доходит до десяти тысяч жителей — князей, придворных, слуг и солдат. Европейский квартал отличается широкими аллеями, живописными виллами и садами, а китайский — оригинальными домами с разноцветными украшениями и кипучей деятельностью. В Соло находится крепость с европейским гарнизоном.

После прогулки С. побывал у резидента, говорившего ему о трудности своего положения относительно императора, шестидесятилетнего старика, вечно больного, весьма щепетильного и невежливого. С иностранцами, посещавшими его, он часто бывает крайне неучтив. Кстати г-н Б. Лаутиер рассказал, что по преданиям или суевериям туземцев столица их не должна оставаться на одном месте более ста лет, в Соло же она находится уже сто сорок лет. Голландское правительство согласно на перемену местожительства *сусухунана*, требуя только, чтобы в таком случае последний построил на свой счет около нового *кратона* и дом для резидента, и крепость для европейского гарнизона. Император не решается переселиться, находя, что таковое перемещение вовлечет его в слишком большие денежные затраты.

Понедельник 22 февраля, Суракарта. — В шесть с половиною часов утра приехал в своем экипаже г-н Б. Лаутиер и повез нас в кратон; проехав по *алун-алуну* между *варингинами*, мы вышли из коляски. Прямая дорога через площадь, пролегавшая между деревьями, доступна только членам императорской фамилии и резиденту, другие же обязаны ее обходить или объезжать. Так, например, если какой-либо регент или иной туземец высшего класса женат на дочери *сусухунана*, то, проезжая с женой во дворец, он следует по почетному пути, если же один, то по окружному.

Главный вход *кратона* состоит из обширной каменной колоннады, крытой соломенными щитами; впереди ее стоят две громадные старинного образца пушки, подаренные императору как негодные голландским правительством лет 50-60 тому назад и перевезенные отчасти на руках, отчасти на буйволах из Батавии в Суракарту. Под колоннадой с одного бока помещается небольшая возвышенная площадка, называемая *сетингел*, т.е. «высокое место», с крышей, подпертой медными ко-

* Суракарта — 128,000 жителей, Батавия 101,000, Мистер-Корнелис 70,000. (Прим. О.А. Щербатовой).

** Здесь: павильон, беседка (*перс.*).

лоннами. Тут восседает здешний властитель при отправлении судебных обязанностей или во время всенародных, обыденных *дурбаров**, имеющих место примерно тридцать раз в год; здесь же по вступлении на престол он облачается в знаки верховной власти. Во всех тех случаях, когда предстоит торжественный выход, резидент церемониально шествует в *кратон* во внутренние покои, откуда, предшествуемый высшими сановниками, несущими императорские регалии, он выводит на *сетингел сусухунана*, при появлении коего все присутствующие падают на колени. Затем высокопоставленные и высшие должностные лица садятся рядами с боков, а немного ниже их остальные чины двора; на площади же помещается народ.

С тех пор, как г-н Б. Лаутьер в Соло, таковой выход состоялся только раз; обыкновенно же в назначенные для того дни, т.е. два раза в месяц, в резиденцию приезжают придворные и официально объявляют, что *дурбар* отложен.

От колоннады широкая лестница ведет к постоянно закрытым воротам, выходящим на окруженную высокими каменными стенами большую *дурбарную* площадь, где помещаются две открытые залы, обе из мрамора с таковыми же пилястрами. Во время парадных приемов в передней меньшей зале занимает место император, имея по сторонам своих придворных, причем на *алун-алуна* расставляются войска. Вторая более обширная зала имеет посреди небольшое крытое возвышение, обнесенное решеткой и включающее скрытую от взоров священную пушку, которую никто не должен видеть: она считается туземцами символом мужского пола, другая же, подобная ей, признаваемая символом женского пола, находится в Батавии. По преданиям яванцев, встреча этих двух орудий о знаменует падение голландского владычества над островом.

Все вышеописанные здания находятся вне *кратона* и сообщаются непосредственно с императорским кварталом, отделенным от других зданий каменной оградой в 6-7 аршин вышины; туда имеют свободный доступ только придворные и служащие, для всех же прочих лиц требуется особое разрешение. Пройдя с *алун-алуна* через наружную колоннаду на *дурбарную* площадь, мы проникли через вторые ворота в широкий сводчатый коридор, ведущий в самый *кратон*, где на маленьком дворике помещалась гауптвахта, оберегавшая вход во дворец. Мы имели возможность проследовать по этому пути единственно благодаря присутствию резидента, так как лишь он и члены царствующего дома пользуются этим правом, остальные же входят через многочисленные проезды, посредством которых Соло соединен с императорским городком.

Пройдя мимо гауптвахты, мы вышли в другой квартал и, сев в экипаж, объехали кругом внутренних стен; здесь поблизости возвышались дома родственников императора и придворных, каждый в своей огра-

* Аудиенция, прием (*инд.*).

де, а за ними начинались различные службы, жилища прислуги, казармы и пр. Через задний дворцовый подъезд, у которого мы затем остановились, выносятся тело скончавшегося *сусухунана*; на дворе, куда нас потом провели, толпились многие служащие в высоких конических шляпах, покрашенных в разные цвета, смотря по занимаемым ими должностям, эти головные уборы составляют исключительную принадлежность чинов суракартского двора.

Упомянув о яванских похоронных обрядах, г-н Б. Лаутиер рассказывал, что несколько лет тому назад, когда умер от холеры кто-то из царствующего дома, к нему пришли, как всегда, за разрешением для перенесения тела в семейное кладбище Мегири, около Джокьякарты. Опасаясь распространения заразы, он спросил, какие в таких случаях употребляются гробы. На это ему отвечал голландец, хорошо знакомый с местными обычаями: «О, их, как сардинок, упаковывают в жестяные ящики!».

Следующие небезынтересные подробности относятся до правил, соблюдаемых при кончине здешних туземных властителей. Так как все дела «Суракартского княжества» ведутся самим *сусухунаном* и бумаги запечатываются им лично его печатью, то, когда он совсем при смерти и не в состоянии более заниматься делами, резидент отправляется во дворец и живет там до кончины больного, забирая при этом все бумаги в свои руки и храня у себя печать, которая в случае нужды прилагается первым министром к документам в его присутствии. После смерти императора тело его выносятся в задние ворота для перенесения на руках в Мегири, церемония перенесения продолжается три дня; наследник престола и представитель голландской власти провожают усопшего до выхода из *кратона* и затем возвращаются во внутренние покои, где соглашаются относительно условий престолонаследия. По окончании переговоров прежняя печать уничтожается и будущему властителю передается новая, причем он подписывает бумагу, в которой изложены его обязательства и начинающуюся следующими словами: «Не имея решительно никаких прав на престол, я император лишь по милости и по назначению Нидерландского колониального правительства и т.д.». Документ этот хранится в архивах резидентства.

По словам теперешнего резидента, у его предшественника было много неприятностей с *сусухунаном*, который не хотел его слушаться и постоянно действовал наперекор его советам. Когда же г-н Б. Лаутиер был назначен в Соло, он после первой же истории потребовал аудиенцию и, достав вышесказанную бумагу, спросил у упорного монарха: имеет ли он понятие о ее содержании? Когда же тот притворился не знающим и не умеющим читать, резидент велел переводчику прочесть ее вслух и затем сделал ему длинное нравоучение. Результатом и того и другого была полная перемена в поведении императора, вступившего так давно на престол, что он, вероятно, забыл содержание подписанного им обязательства, чтение которого поразило его. Перед оконча-

Ствол *варингина*.

нием приема наследник подошел к отцу и спросил у него: ознакомился ли он с содержанием бумаги, желая узнать, кто одержал верх — он или г-н Б. Лаутьер.

Здесь властелинов держат в руках отчасти посредством их приемников, угрожая в случае неповиновения не утвердить их избранных. Таковым теперь официально объявлен сын *сусухуна*, утвержденный генерал-губернатором, когда ему минуло три года. Обыкновенно же голландское правительство не объявляет имя своего кандидата на престол, пользуясь своим правом как орудием для усмирения неподатливых правителей.

Примером осложнений, бывающих при решении вопроса о престолонаследии и возбуждаемых им придворных интриг, может послужить следующий рассказ резидента.

Прадед теперешнего повелителя Соло умер, не оставив детей, но так как вдова его оказалась беременною, то семейство просило правительство повременить три месяца с назначением наследника до рождения ожидавшегося ребенка в надежде, что последний будет мужеского пола и, таким образом, унаследует отцу. Но генерал-губернатор в предупреждение смут, какими постоянно сопровождается несовершеннолетие туземных властителей, отказал в просьбе и посадил на престол брата покойного, у которого от первой умершей жены были сыновья. Желая, чтобы один из них сделался наследником, он развелся со вто-

рою женою после рождения дочери, дабы не иметь от нее других детей, возможных соперников их братьям от первого брака. Разведенная *рату** сошлась со вдовой умершего императора, у которой тем временем родился сын; хотя обе они ненавидели друг друга, но в интересах своих детей и из вражды к царствующему своему родственнику сговорились лишить его жизни. Заговор сделался известным, прежде чем злоумышленники успели привести в исполнение свои замыслы, и голландское правительство сослало обеих преступниц в Амбоину. Затем согласно желанию *сусухунана*, после его смерти ему унаследовал старший сын от первого брака, бывший отцом нынешнего старика Паку Буоно** Сенопати Инггалоого Нгадбур Рахман Сасидин Панотогомои***.

Порядок в *кратоне* наблюдает собственная полиция «княжества», в распоряжения которой городская полиция не имеет права вмешиваться, обращаясь, когда следует, с жалобой во дворец, где виновного судят и наказывают по туземным законам. В случае же совершения какого-либо преступления жителем *кратона*, его изгоняют вон и он переходит в ведение голландского управления.

Пока резидент передавал нам все эти подробности, мы, въехав в город, направились в замок представителя одного из первых туземных княжеских родов Явы — Ариа Чакронагары. Предком его был знаменитый Пакунагара, деятельный приверженец Мангкубуми, провозглашенного впоследствии султаном Джокьякарты. По окончании междоусобной войны Пакунагара, получив титул *пангеран адипати* Мангкунагара и обширные земельные владения, поселился в Суракарте, где живут и до сих пор его потомки, пользовавшиеся различными привилегиями, и, между прочим, правом иметь собственное небольшое войско всех трех видов оружия. Колониальное правительство с умыслом покровительствует нескольким таковым лицам высшего туземного сословия, считающимся соперниками императора и султана, дабы посредством взаимной их вражды держать и тех и других у себя в повиновении.

Замок Чакронагары окружен стеною и состоит из множества отдельных строений; у входа стоит гауптвахта, на которую при нашем проезде вышел караул с музыкой и отдал честь г-ну Б. Лаутиеру. Во всех резидентствах старшинство на больших приемах, торжествах и пр. принадлежит не представителям гражданской власти, а генерал-майорам, командующим войсками. Исключения из этого общего правила составляют Соло и Джокья, резидентам которых присвоен высший военный чин, на основании чего они занимают всюду первое место, пользуясь и подобающими их положению почестями. Им предоставлено также право вызывать и командовать войсками во всех обстоятельствах, когда требуется вмешательство вооруженной силы, как-то: во

* *Рату* — титул жены султана или императора.

** Пакувобано.

*** Имя теперешнего императора. (Прим. О.А. Щербатовой).

время беспорядков или бунта. Высшее начальство над резидентством передается им только чрезвычайному комиссару правительства или, в случае объявления военного положения уполномоченному от генерал-губернатора генералу.

Наше посещение дворца Арии Чакронагары совпало со днем его рождения, праздновавшегося с особенным торжеством, вследствие чего на *алун-алуне* выстроилась пехота, а на внутреннем дворе стояла спешившаяся кавалерия, державшая лошадей в поводу. Этот двор, или скорее площадь громадных размеров, был окружен казармами, конюшнями и др. зданиями, а посреди его возвышался *мендопо*, т.е. открытая зала с позолоченным потолком и колоннами, служившая для вечеров и официальных аудиенций. Европейская меблировка залы, как-то: кресла, столы, бронзовые вещицы и вазы, отличались полным отсутствием вкуса.

Окончив осмотр всех достопримечательностей Соло, мы простились с любезным г-м Б. Лаутиером и вернулись домой, а в одиннадцать часов утра выехали уже по железной дороге в Сурабаю.

Из окон вагона широкой панорамой расстилалась окружающая страна; к северу тянулась плоская равнина, покрытая рисовыми полями, изредка разнообразившимися пальмовыми рощами, а к югу одиноко возвышался вулкан Лаву (10,666 фунтов), вокруг подошвы которого дорога шла полукругом — сначала с юга на север, а затем снова на юг, направляясь к Мадииуну, главному городу резидентства того же имени. С центра изгиба открывался вид на великолепную долину, окаймленную скатами гор, с запада — Лаву, а с востока — Виллис (7,086 фунтов); поросшая вся растительностью, между которой выделялись тиковые деревья, она орошалась рекой Гандунг, притоком *кали* Соло.

После Мадииуна мы миновали город Моджокерто, невдалеке от которого находятся обширные развалины древней столицы Явы — Маджапахита. Вообще все пространство между Суракартой и Сурабаей можно назвать историческим краем; всюду попадаются во множестве остатки храмов, городов и других строений. Три теперешние провинции — Сурабая, Мадииун и Суракарта — были с незапамятных времен театром последовательных завоеваний, оснований и разрушений государств, которыми так переполнена яванская история. Сосредоточение здесь главнейших туземных княжеств можно отчасти приписать тому факту, что из всех резидентств острова первые два из вышеназванных самые плодородные; почва здесь, состоя преимущественно из наносных наслоений, отличается удивительным богатством, чему немало способствуют также три наибольшие реки острова — *кали* Соло, *кали* Брантас и *кали* Гандунг, орошающие эту страну, источники коих все находятся в нескольких верстах от южного побережья.

Приближаясь к Сурабае, мы впервые видели в лесах и по дорогам деревья, известные под названием *франджипанни* (*Plumiera acutifolia*), встречающиеся очень часто в восточной части Явы. Дерево это замечательно красиво и имеет широкую раскидистую вершину, растущую

более в ширину, чем в высоту, изогнутые ветви и светлую кору. Замечались также рододендроны с разрезными листьями и желтыми пахучими цветами, тамаринды, сандаловые деревья (*Sandoricum indicum*), терминалии и какие-то неизвестные мне деревья (*Acacia farnesiana*?) с красноватой корой, правильными зонтикообразными кронами и листьями, весьма похожими на акацию или мимозу.

Мы приехали в Сурабаю, показавшуюся нам очень большим городом, в шесть часов вечера и остановились в весьма удобной гостинице «Ебонг-Малан». Привыкнув к яванским городам, представляющимся всегда в виде громадных парков с разбросанными по ним виллами, нас здесь поразили европейская наружность улиц: правильно выстроенные дома, отличные магазины, рестораны, так что мы с удивлением вглядывались в окружающую обстановку.

Погода эти последние дни стояла очень жаркая — по утрам и вечерам бывало 20-21° R., а днем в тени 26-27° R., доходившая до 53° R. на солнце.

Вторник 23 февраля, Маланг. — Встав рано, мы сначала посетили базар, где искали птиц и молуккские раковины, но не нашли ни тех, ни других, хотя тщательно обошли весь китайский *кампонг* и туземные лавки; затем, побывав в нескольких магазинах, мы прокатились в экипаже до порта.

По значению своему Сурабая занимает одно из первых мест между городами Явы; отличный рейд ее в проливе Трехтер*, имеющий приблизительно три с половиною версты ширины, защищен от всех ветров островом Мадур, а глубина его достаточно велика даже для самых крупных судов. Таким образом, благодаря своему порту, единственному закрытому на всем пространстве северного побережья от Батавии до восточной оконечности острова, Сурабая служит главным пунктом для вывозной и ввозной торговли всех восточных провинций.

Пред самым нашим отъездом хозяин гостиницы привез нам давно искомую *чичак раву*, которую Джон так же тщетно, как и мы, разыскивал по базарам. В Сурабае С. сказали, что теперь немисливо подниматься на вулкан Бром, куда мы собираемся, так как по последним известиям недавно началось сильное извержение.

Приехав во втором часу дня на станцию железной дороги, чтобы отправиться в Маланг, мы нашли только один вагон первого класса, где уже сидели в своих национальных костюмах и с огромными узлами три китайца: сухощавый мужчина с длинной косой, маленький мальчик тоже с косичкой и толстая женщина. Кроме них, тут находился еще грубый старый голландец, выкинувший, по словам Серафимы, на платформу половину нашего ручного багажа, разложенного на наших местах Джоном, которого он вдобавок еще за что-то разбил. Не желая путешествовать с такими неприятными спутниками, мы спросили себе

* Современное название — Мадурский пролив.

Вулкан Семеру.

особое отделение, и начальник станции, заставив нас взять три лишних билета, велел прицепить целый вагон. В это время сердитый голландец распоряжался нашими мешками, оставшимися в его отделении; взорванная подобным самоуправством, я обратилась к нему и к кондуктору и объявила, что не позволяю никому трогать своих вещей; слова мои, кажется, произвели на них должное впечатление, так как старик после этого притих. Вернувшись затем в отведенный нам вагон, к крайнему моему удивлению, я застала уже там наших трех китайцев, забравшихся преспокойно к нам со всеми своими многочисленными узлами; имея на основании добавочной платы право на все места, я с радостью выпроводила вон непрошенных гостей.

Миновав местечко Бангил, поезд стал постепенно взбираться в гору по местности, все более и более живописной. Справа ясно обрисовывался красивый резкий конический контур вулкана Арджуна (10,925 футов), названного по имени героя яванской поэзии — сына известного Панджи. Немного севернее его находился Пенанггунган, а южнее — суровый на вид потухший кратер Кави, почти в девяти тысяч футов вышины. На восток низкая цепь гор подымалась отлого от морского берега и, понемногу возвышаясь то кряжами, то отдельными конусами, доходила до наивысшей вершины острова — вулкана Семеру (12,238 футов), т.е. «Священной горы», каким его считают туземцы. Находясь постоянно в действии, из него временами через каждые четверть часа с громкими взрывами вылетает громадный столб дыма, сопровождаемый дождем пепла и камней, а недавно, а именно: в 1885 го-

Храм в Сингасари.

ду, он выбросил поток лавы, равнявшийся 300 тысячам куб. метров. До того времени многие ученые полагали, что огнедышащие горы Явы могут выкидывать только твердые вещества, т.е. пепел и камни, а потому извержение Семеру было первым таковым, где наблюдался поток в расплавленном виде.

За Семеру горный хребет снова понижался, сливаясь с равнинами, за которыми к северо-востоку виднелось море, т.е. Мадурский пролив. Непосредственно вокруг нас тянулись рисовые поля, плантации индиго и тапиоки, перемежавшиеся с лесами тиковых деревьев или мешаными из кокосовых пальм, *ареки*, *borassus*, бамбуков и др.

С трех часов вулканы скрылись за облаками и пошел дождь, освеживший воздух, что было особенно приятно после испытанной нами чрезвычайной жары (24° R. в тени). В шесть часов мы прибыли в Маланг, где заранее заказали комнаты в отель «Бель-Вю»; нам отвели от-

Бык Нанди в Сингасари.

личное помещение с широкой крытой верандой, куда выходили двери одних наших спален и где мы сидели целый день. Спереди был расположен маленький садик, изобиловавший различными птичками самого разнообразного оперения и одна другой красивее; излюбленным их местом пребывания был большой куст, росший у края балкона. Тут я заметила яванских воробьев, совсем серых с белыми щеками (*Padda oryzivora*), крошечных коричневых зябликов (*Spermestes ferruginosa*), яванских непарелей (*Spermestes prasina*), очень похожих на американских, и множество других. Сад оканчивался каменной стеной, так что мы были вполне уединены от остальной части гостиницы.

Весь вечер С. переписывался с ассистент-резидентом относительно нашей поездки на Бромо. Маланг, лежащий на две тысячи футов выше уровня моря, служит санаториумом для средней и восточной Явы. Расположенный на плоскогорье между горами Кави и Тенгер, он обладает отличным ровным, не слишком жарким климатом, особенно благоприятно действующим на больных лихорадкой. В прохладное время года температура колеблется по утрам и вечерам между 14° и 17° R., а днем в тени между 20-22° R. Служа стоянкой для голландских войск, Маланг, кроме обширных казарм, снабжен также школой для обучения рекрутов. Город состоит из красивых европейских вилл с искусно разбитыми садами и неизменного китайского *кампонга*, сосредоточия всех магазинов и лавок.

Среда 24 февраля, Маланг. — Только что мы встали, как Джон принес почту и, между прочими, пять писем из России, шедших сюда 33-35 дней.

После чая мы поехали в Сингасари, местечко в двенадцати верстах отсюда с интересными развалинами. Туда вела широкая дорога времен

Храм Чанди Паррон в Сингасари.

знаменитого генерал-губернатора маршала Дандельса, обсаженная тиковыми, деревьями *канари* и мимозами. Весь остров покрыт целой сетью подобных шоссе или скорее аллей, содержимых в образцовом порядке и находившихся под постоянным наблюдением европейцев. Голландское правительство считает, что одна из главных обязанностей государства состоит в облегчении сообщений внутри страны посредством удобных дорог, даже если расходы по таковым превышают доход и государство вследствие того не получает никаких от них выгод. По мнению голландцев, косвенные выгоды, доставляемые правительству легким и удобным передвижением, настолько велики, что вполне вознаграждают за прямые недочеты по содержанию почтовых трактов.

В одной из деревьев по пути, где я снимала фотографии, мне встретился сотоварищ по занятию китаец-фотограф. Сингасари, куда мы вскоре затем приехали, в былое время был большим городом, центром обширного управления. Название его, как полагают, происходит от

Алун-алун в Маланге.

санскритского слова «синга», т.е. лев, и яванского «сапи», имеющее двойное значение и цветка, и прекрасного*. Развалины расположены в тенистой, теперь густо заселенной долине, где при сэре Стемфорде Раффлзе возвышался еще девственный лес; благодаря его заботам джунгл был расчищен и вокруг найденных им архитектурных древностей поляны засажены деревьями *франджипанни*.

Мы осмотрели небольшой храм самого чистого индусского стиля, бывший, за исключением кое-каких орнаментов и карнизов, в очень печальном виде. Все в этом памятнике указывает на глубокую старину его сооружения и, между прочим, камень, из которого он построен, не встречается в настоящее время нигде на Яве. Насколько храм разрушен, настолько, наоборот, хорошо сохранились громадные фигуры, стоящие невдалеке от него; две из них — колоссальные изображения неизвестных божеств — изваяны каждая из цельного куска и имеют приблизительно двенадцать футов вышины и девять футов ширины в плечах. Лицо одного замечательно выразительно, и вся статуя, зате-

* Слово «сапи», кроме ныне архаичного значения «цветок» может переводиться также как сущность, сердце в значении сути, первоосновы чего-либо.

Дорога из Маланга в Джабунг.

ненная громадным *Plumieri acutifolia*, поражает своею величием. Не менее замечателен каменный бык Нанди в пять футов длины, отличающийся пропорциональностью и отличным исполнением и несколько не пострадавший от времени.

Кроме вышеописанных фигур, видно много других, а также остатки террас, зданий, пьедесталов и надписей на камнях. Некоторые из последних были переведены, но, состоя большею частью из стихов вед^{*}, они не проливают света на историю Сингасари. Касательно эпохи сооружения этого города мнения расходятся, но не подлежит сомнению, что он существовал до 1478 года, когда магометанство стало господствующей религией. Всего вероятнее, что его следует отнести к XII или XIII веку^{**}.

Весьма странно, что, несмотря на существование всюду на Яве древних памятников из камня, нигде не найдено по сих пор следов каменных дворцов или других жилищ, кроме воздвигнутых в сравнительно недавнее время. Из этого следует заключить, что яванцы как теперь, так и прежде всегда строили свои дома из дерева.

^{*} Веды (*санскр.*) — древнейшие из сохранившихся тексты на древнеиндийском языке — ведическом санскрите, созданные в сер. 2-го — сер. 1 тыс. до н.э.

^{**} Сингасари — столица одноименного королевства — была основана в 1222 г.

Вернувшись домой, С. прилег, так как ему нездоровилось и он опасался припадка лихорадки; я же взяла свой фотографический аппарат и пошла пешком. По выходе из гостиницы мне встретился мальчик, которого я заставила нести за собою камеру, обещав ему в награду медную монету. Сняв несколько видов, мы прошли довольно далеко предместьями Маланга; после чего, не желая идти обратно той же дорогой, я свернула вправо по лесной тропинке, приведшей нас к туземному кладбищу, расположенному по нагорному берегу ручейка. Заметив здесь, что мой спутник стал отставать и почему-то шел неохотно, я, дойдя до середины кладбища, обернулась и сделала ему знак рукой, приглашая его приблизиться, но он вместо того, чтобы подойти, остановился, а при втором моем более энергичном окрике сделал вид, что собирается поставить аппарат на землю. Третий мой зов, сопровождавшийся сильной жестикуляцией, нагнал на него, должно быть, панический страх, так как он кинул камеру и припустился изо всех ног бежать прочь от меня, то и дело оглядываясь, как будто боясь погони. Вероятно, маленький дикарь, редко выдававший европейцев, вообразил, что я его с умыслом заманила в такое уединенное место, намереваясь его околдовать или чем-нибудь ему повредить.

Оставшись, таким образом, без носильщика, я навесила себе на спину аппарат и пошла дальше, надеясь выйти где-нибудь на кратчайшую дорогу к гостинице, но тропинка упорно уходила вглубь леса, дойдя, наконец, до каких-то туземных хижин. Осведомившись о направлении, я вскоре вышла снова к городу, где наняла другого мальчика, на этот раз благополучно дошедшего со мною до дому с своею ношею, за что он с большим восторгом получил медную монету.

Вечером у нас был ассистент-резидент, передавший нам, что им все устроено для нашей поездки на Бромо и что экипажи из Маланга, а верховые лошади из Джабунга уже заказаны. Завтра мы выезжаем в семь часов утра и будем ночевать в Тосари, в сорока пяти верстах отсюда, чтобы затем на следующий день подняться на Тенггер.

Глава XI

Четверг 25 февраля, Тосари 6,000 футов вышины. — Ввиду малых размеров здешних экипажей нам пришлось сегодня разместиться в трех отдельных одноколках: С. в одной, я в другой, а Джон в третьей, разделив между собою седла, фотографический аппарат и багаж. Нас везли так быстро, что к восьми с половиною часам мы были уже в Джабунге, проехав в час времени восемнадцать верст. У *пасанграхана* нас ждали ассистент-ведана, *мантри*, *лурах* и приготовленные лошади. Пока седлали последних, нам подали чаю; после чего в девять часов мы сели верхом и тронулись в путь, сопровождаемые тремя *мантри*, несколькими *лурахами* и тремя кули, несшими на плечах багаж.

Джабунг расположен на плоскогорье у подошвы хребта, на который мы стали подыматься по широкой горной дороге, пролежавшей по густому, тенистому лесу тиковых деревьев, *варингинов* и др.; подростом им служили разнообразнейшие папоротники, кустарники и цветущие растения. Временами сквозь листву виднелись впереди горные цепи, окружавшие Тенггер, а сзади — Кави и Арджуна с вечно парившим над его главой столбом дыма; благодаря ясности погоды ни малейшее облако не заслоняло нынче этих величавых вулканов, коих облики от подошвы до вершины с удивительной отчетливостью выделялись на чудной синеве неба. У подножья их раскинулось плато Маланг с его *савахами*, тут покрытыми свежее изумрудною зеленью молодых всходов риса, там, подобно правильным озерам, залитыми водою; между ними, словно островки посреди моря полей, возвышались пальмовые и лиственные рощи, скрывая под сенью своих деревьев туземные деревни, соединенные друг с другом точно длинными нитями — аллеями.

Любуясь этими видами и природою, мы взбирались все выше, то спускаясь в глубокие долины, то подымаясь на гребни кражей. Местность, становившаяся все разнообразнее и красивее, пересекалась по всем направлениям оврагами и обрывами, переполненными тропическою растительностью, прикрывавшей своим обильным и роскош-

ным ростом каждую пядь земли. Я беспрестанно спешивалась, чтобы снимать фотографию, затрудняясь лишь выбором сюжетов при столь громадном богатстве предметов.

Во время моих остановок меня обгоняли кули, впереди которых шествовал верхом Джон; наклонившись на шею лошади, с болтавшими ногами, неумело держась одною рукою за поводья, а другой судорожно цепляясь за луку, наш гоаниец выглядел совсем карикатурно. Не имея вовсе понятия о верховой езде, он находился всецело во власти своей лошадки, которая, пользуясь беспомощностью ездока, шла медленным, похоронным шагом, зигзагами, когда ей вздумывалось, останавливаясь, чтобы пощипать траву, или заворачивая в попадавшие изредка дворы домов. В таких случаях Джон, не смея высвободить руку, которой он держался за седло, и тем воспользоваться хлыстом, торчавшим у него под мышкой, делал какие-то удивительные движения ногами и только с величайшим трудом двигал лошадь по требуемому направлению.

Мы проехали мимо двух ютившихся по склонам гор деревень, вокруг опрятных домиков которых висели бамбуковые клетки с голубями и певчими птицами или стояли в опрокинутых корзинах бойцовые петухи. Туземцы на Яве питают особенную любовь к птицам и очень искусно умеют их приручать; нередко случается видеть детей, гуляющих с сидящими у них на плече воробьями, привязанными за ногу бечевкой.

Встречавшиеся длинные вереницы лошадей навьючены были различными овощами. Почва скатов Тенггера будучи в высшей степени плодоносной, а климат весьма благоприятным для произрастания европейских овощей, жители разводят в значительных размерах картофель, лук, капусту и пр., снабжая ими города равнин. Европейские плоды, как-то: яблоки, груши и персики, тоже служат здесь предметом культуры.

Погода становилась нестерпимо жаркой, когда показался *пасанграхан* Нанкаджаджана, где мы с величайшим удовольствием укрылись от солнца в его прохладных комнатах. Нанкаджаджан находится на полдороге между Джабунгом и Тосари, т.е. в четырнадцати верстах от того и другого; первую часть мы сделали в два с половиною часа, так как при постоянных неровностях местности невозможно было ехать скоро, хотя дорожка, исправленная для нашего проезда, была отличная. Вообще следует отдать справедливость голландцам в том, что порядок у них всюду образцовый; проехав почти во всю длину Явы, мы повсеместно нашли хорошие почтовые станции и тракты даже в таких захолустьях, где, кроме служащих, европейцы никогда не бывают.

Вокруг дома был разбит прекрасный маленький садик с банановыми деревьями, пальмами, клумбами с цветами и двумя пышными *варингинами*, из-под раскидистых ветвей которых открывался живописный вид на глубокое ущелье с возвышавшимися за ним одной над другой двумя или тремя цепями лесистых гор. По прибытии кули мы закусили и в первом часу снова сели верхом; каменистые спуски и подъемы учас-

тились, утомляя наших бедных лошадок своею крутизною. Отъехав шесть или семь верст, мы перевалили через хребет Тенггера, самый высокий пункт по нашему пути, и очутились вдруг в совершенно иной обстановке: у ног наших тянулась широкая долина, все противоположные склоны которой скрывались под сплошным джунглем, вокруг же древесная растительность заменилась по большей части полями и огородами. К северу показывались прибрежные низменности, граничившиеся сверкавшим на солнце морем, посреди которого неясно обрисовывался в туманной дали остров Мадуро. Отроги Тенггера, похожие на лезвия ножей, лучились расходящимися линиями с юга на север, постепенно понижаясь до слияния их с равнинами. Весь край был густо населен и всюду, по откосам, по низинам и по вершинам гор, виднелись деревни.

Вскоре на одном из гребней, совсем близко, показался Тосари, отделенный от нас хотя и длинным, но не широким оврагом, через который не было проезда, так что нам пришлось сделать большой крюк в объезд его. Последнюю версту горный кряж настолько сузился, что дорога с трудом умещалась на его гребне, по отвесным уступам которого каким-то непонятным образом лепились туземные лачужки.

Гостиница, в которой мы остановились, занимала высшую точку кряжа, спускавшегося отсюда круто вниз отдельными, уходящими в различные стороны лучами. Мы долго любовались с террасы на раскинутую перед нами панораму: на первом плане находились горы сверху донизу, точно вспаханные гигантскими бороздами, имевшими нередко до тысячи футов глубины и развалы которых были всего в несколько саженей ширины. Мисс Норд, побывавшая здесь, говорит: «Можно разговаривать с людьми, стоящими на противоположном откосе, хотя пришлось бы часами карабкаться пешком или идти обходными тропинками прежде, чем добраться до них». Далее верстах в 30-50 тянулся морской берег, за которым начинался Мадурский пролив, образующий к востоку широкий залив Проболинго, а к западу заворачивающий прямо на север по направлению Сурабаи. За Малангом высился правильный, сравнительно невысокий конус Пенангтунгана, а южнее его — величественный Арджуна. Позади нас, скрываясь за межлежащими пригорками, Бромо через каждые 10-15 минут выкидывал огромный густой столб дыма; нынешнее извержение его длится уже два месяца.

Земля всюду кругом нас, не исключая и самых обрывистых уступов, была тщательно обработана, так что приходилось удивляться, каким образом жители ухищрялись вспахивать совершенно на вид недоступные крутизны. В промежутках между полями, куда даже трудолюбивым яванцам невозможно было добраться, росли древесные папоротники, альпийские цветы, бальзамины, настурции, розаны, фиалки, незабудки и др.

Помещение в гостинице оказалось довольно первобытным и пища хуже, чем где-либо на Яве. Вечером погода была очень свежая и термо-

Вид сверху на кратер Тенггера.

метр показывал только 9° R., так как Тосари, находясь на высоте шесть тысяч футов, после заката солнца обыкновенно окутывается нависшими облаками. Расстояние из Маланга сюда в $46\frac{1}{2}$ верст, из которых $28\frac{1}{2}$ мы проехали верхом в шесть часов.

Пятница 26 февраля, Маланг. — Встав в пять часов утра, мы, как только рассвело, поспешили выехать, имея перед собою длинную поездку верхом на Бромо, а оттуда в Маланг. Вначале температура была так низка — 8° R., что заставляла нас содрогаться в наших легких летних платьях. Миновав поля и огороды, мы по широкой тропинке спустились сначала в ущелье, заросшее джунглем, а затем поднялись в волнообразную открытую местность, напоминавшую Moon plains* в Цейлоне, и так же, как и последние, сплошь покрытую густой, жесткой высокой травой, по которой были разбросаны то поодиночке, то небольшими рощами *Casuarina littoralis*, единственный здесь древесный вид. Некоторые экземпляры этой редкой безлиственной вечнозеленой породы деревьев были великолепны с прямыми, как мачты, высокими стволами и большими кронами легкой перистой зелени.

Проехав верст одиннадцать в гору и опередив своих людей, мы на перекрестке остановились, чтобы дождаться проводника; пока он медлил где-то сзади, я случайно забрела вправо и вдруг очутилась на небольшой площадке, высеченной в скале и почти висевшей над самым

* Дословно: Лунные равнины (англ.).

Дасар и Бутак.

кратером — таинственным Дасаром. Развернувшаяся так внезапно под моими ногами картина, не оживлявшаяся ни малейшими признаками животной или растительной жизни, была так поразительно сурова и дика, что трудно даже передать всю пустынность и опустошенность ее. Громадная широкая равнина виднелась на пятьсот футов ниже площадки, от которой утесы спускались совершенно перпендикулярно вниз. Это было, действительно, как называют ее голландцы, «Море песку», окруженное шероховатыми отвесными стенами шлака и пепла, местами почерневшими и покрасневшими от действия подземных огней, но большею частью сероватого цвета. Дасар сверху казался гладким и лишенным растительности, хотя в некоторых местах его, где дождевая вода удерживается дольше, пучками растет редкая осока, все же остальное пространство покрыто мельчайшей пылью.

Посреди Дасара возвышался, более чем на тысячу футов, плоский пик Видадарен, т.е. «Жилище небесных нимф», настолько крутой, что его вершина никогда не была исследована; скаты его, покрытые кое-где деревьями, были изрыты дождями, образовавшими в белом или сером пепле глубокие промоины, выемки и колеи. Левее Видадарена стоял изолированно более низкий конус Бутак, т.е. «Плешивый», поросший травой и размытый водой на правильно разветвляющиеся бороздки. За ним и отчасти заслоненный им, находился Бром, окрашенный в неопределенный, серовато-белый цвет. Фоном кратера служила высокая, мрачная гора еще более холодной, мертвенной наружности.

Ученые исследователи предполагают, что Тенггер когда-то не уступал своему соседу Семеру ни величавостью, ни вышиной, но теперь вся верхняя часть его исчезла, вероятно, снесенная каким-нибудь страшным извержением и остались только его наружные фасы, окружающие громадную выемку приблизительно в 24 версты в окружности и от $7\frac{1}{2}$ до 9 верст в поперечнике. Откосы этой выемки, неправильные, часто обрывистые, поднимаются на 500-1000 футов над бывшим дном кратера, находящимся на семь-восемь тысяч футов выше уровня моря и прозванного туземцами Дасар, что значит «Пол»*, а голландцами Зандер-Зе, т.е. «Море песку».

Посреди Дасара выделяется несколько бугров, теперь потухших, за исключением Бромо, подвергавшегося частым опустошительным извержениям, и который, вечно дымясь, служит, так сказать, трубой для очага Тенггера. Название Бромо переименовано от имени индусского бога Браммы, последние яванские последователи которого укрылись от преследований магометан на склонах Тенггера, где их потомки и по сих пор еще соблюдают брахманистские праздники, причем старший их священнослужитель взбирается на край кратера и бросает в него приношения риса, предназначенные Деве Бромо, или «богу Брамме».

Пока я рассматривала Зандер-Зе, С. присоединился ко мне, и мы, наглядевшись вдоволь, собирались уже уходить, как вдруг из Бромо с глухим ревом стали выноситься клубы дыма, которые, быстро возвышаясь, вскоре образовали огромный, светло-серый столб, не успевший еще последний исчезнуть, как посреди его взлетел второй, почти черный, состоящий, по-видимому, из камней и пепла. Дойдя до громадной вышины, из него посыпались камни и пепел, а пар понемногу рассеялся. Явление это потом повторялось через каждые 10-15 минут. Одни извержения были почти белые, другие серые или темно-серые; иногда же совсем черная правильная колонна с неимоверной быстротой клубилась вверх, а за ней, обгоняя друг друга, с боков, сзади и спереди стремились, точно небольшие спирали, так что все отверстие кратера, имеющее до трех четвертей версты в поперечнике, наполнялось выбрасываемыми из недр земли облаками дыма, пара и пепла.

Мы долго не могли оторваться от этого интересного зрелища, с которого я получила несколько очень удачных негативов, после чего мы спустились к Дасару. Пятьсот футов почти отвесного спуска по тропинке, идущей зигзагами в рыхлом пепле, перемешанном с булыжниками, было делом нелегким даже для нас, шедших пешком, так что казалось немыслимым проехать здесь лошадей, но для яванских пони ничего нет невозможного, и они без особого затруднения пробрались вслед за нами. Джон, нагнавший нас внизу, оглядывался испуганно кругом и сознался потом, что извержение крайне смутило его. Он и кули взяли направо по кратчайшему пути, ведущему к деревне Нгадас на противопо-

* Здесь — «дно» (мал.).

ложной стороне кратера, где они должны были нас дожидаться; мы же направились прямо по Дасару, намереваясь обойти его кругом.

Виденный снизу, кратер походил на правильный, гигантских размеров амфитеатр, шероховатые крутые стены коего лишь в двух или трех местах были доступны пешеходам. Неровное очертание, разнообразие цветов, подобных тем, какими окрашены старые горна или доменные печи, придавали этим стенам большую живописность, но вместе с тем и крайне угрюмый вид. Походя на края исполинского закопченного и почерневшего котла, они ясно доказывали, насколько недавно «Море песку» было наполнено кипучей массой лавы. Мы обогнули Бутак и очутились в полуверсте от подошвы Бромона, отделенного от нас холмами и покатостями серого пепла, по которым валялись куски шлака и пемзы. От этих постепенно возвышавшихся пригорков бока кратера подымались почти перпендикулярно до вершины на 200-300 футов, образуя крутой, срезанный конус. Было бы невозможно взобраться на последний по стремнистому его наклону, состоящему из рассычатого пепла, мельче пыли, а потому яванцы-брахманисты додумались устроить очень простую, но искусную лестницу из бамбука.

Трудно себе представить что-либо более дикое и унылое этой части Дасара, где никакая растительность не в состоянии прижиться; если редкой травке и удастся когда укорениться, то она немедленно засыпается слоем почти неосязаемой пыли и пепла, выбрасываемых непрерывно кратером. На том близком расстоянии, на каком мы находились от Бромона, ясно виднелись вылетающие из него камни, но на нас ничего не падало и даже дым уносился ветром к востоку. Это обстоятельство навело нас на мысль подняться на самый верх кратера, но за неимением настоящего проводника нас сопровождал только кули, мы, потолковав, решили не предпринимать восхождения, хотя в этом, по-видимому, не было никакой опасности.

Сняв фотографии, мы тронулись затем дальше по Зандер-Зе, огибая Бромона и Видадарена с востока; здесь под ветром падал такой сильный дождь пепла, что мое белое платье в несколько секунд стало совсем серым. Весь «пол» был покрыт толстым пластом золы, образующим местами сугробы и бугры. Наслоение это казалось недавнего происхождения, так как тут и там виднелись действительно засохшие, трава и папоротники, но, вероятно, завядшие только вследствие последнего более сильного извержения. Зато в южной части «Море песку», защищенной от извержения Бромона высоким пиком Видадарена, росла густая сочная трава, по которой паслись лошади и буйволы. Внутренние скаты Тенггера с этой же стороны оделись лесом *Casuarina*, сквозь который мы вскарабкались в гору по еле заметной тропинке.

Добравшись доверху, мы поехали меж двух огромных обрывов по узкому, не более сажени ширины, кряжу, изредка расширяющемуся, но тотчас же снова суживающемуся до крайних возможных для проезда

пределов. Это был один из откосов-лезвий Тенггера, подобно спускавшимся к Тосари. Как там, так и тут скаты этой горы состояли из исходящих с вершины гряд различной ширины, отделенных один от другого глубочайшими пропастями. Дорожка, применяясь к видоизменениям гребня, по которому была проложена, то подымалась круто вверх, то спускалась почти перпендикулярно вниз; причем, высеченная из скалы, она временами точно тесным коридором шла меж двух скалистых стен.

Местами хребет раздавался, и тропинка вилась под густой тенью чудного леса, пользовавшегося малейшим свободным пространством, чтобы раскинуться со всей присущей яванской флоре мощью и богатством. Деревья, пальмы, папоротники, вьющиеся и цепкие растения перемешивались, переплетались и перевивались, ревниво оспаривая друг у друга и почву, и чуть ли не воздух. По сторонам, там, где нам видна была окружающая местность, тянулись параллельно нашему пути таковые же отроги и громадной вышины ущелья, образуя поразительный своим величием и разнообразием пейзаж.

Прибыв в деревню Нгадас только в двенадцать часов, так как благодаря трудностям пути нам приходилось идти большею частью пешком, мы остановились, чтобы отдохнуть и закусить привезенной Джоном провизией. Затем все вместе тронулись дальше по отлогому плоскогорью, где удобная, широкая дорога шла сквозь вековой лес *вафингингов*, некоторые из которых достигали чудовищных размеров. В два с половиною часа дня мы приехали в Губуг-Клакау, где должны были дожидаться нас высланные нам из Маланга экипажи, но их не оказалось ни в этой, ни в следующей деревне Варингин. Было уже три часа дня и мы после восьми часов почти безостановочной езды и ходьбы по палящему солнцу начинали чувствовать усталость, а между тем до Маланга оставалось еще более двадцати пяти верст.

Сойдя с лошадей, мы укрылись от жары под навесом туземного дома, послав Джона разыскивать какую бы то ни было тележку. Рядом стояла одноколка, но спрошенный яванец объявил, что хозяин ее — ассистент *веданы* — уехал на своей лошади и что во всей деревне не имеется второй. Получив такой неутешительный ответ, мы снова сели верхом, намереваясь ехать до Тумпанга, маленького городка, находящегося в восьми верстах от Варингина и в восемнадцати от Маланга. Тем временем небо заволочло темными тучами, послышался гром и стал накрапывать дождь — словом, все предвещало грозу и тропический ливень. На наше счастье, отъехав не более трех или четырех верст, нам встретились наши экипажи, в которые мы едва только уселись, как полил ожидаемый дождь, не прекращавшийся до самого Маланга, куда мы приехали в шесть часов вечера.

Всего сегодня мы сделали около 70 верст, пробыв в дороге двенадцать часов, из коих десять верхом. В виде сведения для будущих путешественников на Яву, прилагаю пройденные нами расстояния:

Тосари — Дасар	12 верст
Вокруг Дасара	7 $\frac{1}{2}$ »
Дасар — Нгадас	12 »
Нгадас — Варингин	11 »
Варингин — Тумпанг	7 $\frac{1}{2}$ »
Тумпанг — Маланг	18 »
Всего	68 верст

Суббота 27 февраля, Маланг. — После утреннего чая мы поехали в коляске в местечко Тампат-Мандет, где над холодными источниками прекрасной кристаллической прозрачности воды устроены купальни. Место это изобилует обезьянами, считающимися туземцами священными; по всем вероятностям, это один из остатков брахманистских верований, которых сохранилось так много у жителей Явы, несмотря на исповедуемое ими магометанство. По дороге мы купили для обезьян целый пучок бананов. Ключи находятся в прелестной, обильно орошаемой долине, затененной рощами старых тамариндов и терминалий, в которых и живут многочисленные семейства обезьян.

Как только мы вышли из экипажа и пошли по широкой аллее, ведущей к купальням, как увидели бегущую нам навстречу толпу этих животных. Когда же мы поравнялись с ними, они, вставая на задние ноги и скаля зубы, смело подходили к нам, почти вырывая у нас руками бананы. Тут находились обезьяны всех возрастов и величин: были самки с грудными детьми, державшимися руками за шею матерей, которые с этою ношею прыгали с ветки на ветку или свешивались на землю, были молодые, небольшого роста, весьма боявшиеся взрослых, которые изо всех отличались нахальством. Один из последних, большого роста старик, не отходявший от нас ни на шаг, особенно яростно кидался на своих собратьев, когда те осмеливались приблизиться к нам, иногда даже гоняясь за маленькими и, когда ему удавалось кого из них поймать, тербя немилосердно за длинные хвосты. Все они были до того ручны, что не только выхватывали у нас из рук лакомые для них плоды, но одна даже вскочила на плечи туземного мальчика, несшего бананы, и, несмотря на то, что я на нее замахнулась зонтиком, а мальчик старался стряхнуть, она не отошла, пока ей не удалось похитить один из плодов.

Осмотрев ключи, мы сели на веранде *пасанграхана* и долго забавлялись выходками двуногих животных, которые, точно балованные дети, крадучись пробирались к столу, где лежали принесенные им яства, стараясь украдкой стащить что-либо и, добившись цели, с необыкновенной быстротой исчезали за углом дома, стараясь быть не замеченными товарищами. Некоторые свешивались за хвосты с крыши и зорко следили за всеми нашими движениями, другие сидели напротив на стене купальни и ловко на лету ловили бросаемые им фрукты. Иной раз начиналась погоня какой-нибудь взрослой за маленькой, получив-

Тосари.

шей банан; в таких случаях обе с удивительной ловкостью прыгали по ветвям, спускались на землю, бежали к другому дереву и снова вскарабкивались наверх; преследование продолжалось до тех пор, пока одной или удавалось проглотить свой банан, или другой отнять его силой. Старик никого не подпускал к нам близко и всех обижал, так что, наконец, я его прогнала палкой. Я сняла несколько удачных фотографий, а затем, раздав все привезенные бананы, мы вернулись к экипажу, сопровождаемые всем населением обезьян.

Серафима сообщила мне, что в нашей гостинице живут трое больных злокачественной яванской лихорадкой, приехавших сюда, чтобы лечиться; их завертывают ежедневно часа на три в мокрые простыни и запрещают после четырех часов выходить из дому, где они сидят с запертыми наглухо дверьми и окнами.

Воскресенье 28 февраля, Сурабая. — Пройдясь утром, каждый врозь, в последний раз по симпатичному Малангу, мы в двенадцать часов дня выехали в Сурабаю, куда приехали в пятом часу дня. Перемена в температуре между двумя городами очень чувствительна: в горах, хотя погода и бывала жаркая, но зато воздух всегда отличался легкостью, здесь же жара как-то особенно тяжело и утомительно действует на организм. К нам приходил сегодня фотограф, которого мы встретили в Тосари, — армянин, уроженец Эрзерума, он долго жил в Тифлисе и потому свободно изъяснялся по-русски. Пробыв в Сурабае семь лет, он говорил,

Базар в Маланге.

что его профессия весьма выгодна тут, но жаловался на чрезмерную жару Явы, в сравнении с которой климат Тифлиса и Кавказа, по его словам, более чем умеренный. Он собирался года через полтора переехать совсем на жительство в Москву.

Понедельник 1 марта, пароход «Ван Димен», Яванское море. — В семь с половиною часов утра мы отправились на голландский пароход «Ван Димен», на котором нами заняты каюты в Батавию и оттуда в Сингапур. «Ван Димен» по устройству и величине совершенно сходен с «Де Карпентиером», доставившим нас на Яву; он стоял довольно далеко от набережной на рейде, так как небольшая глубина моря около берегов не позволяет судам подходить близко.

В девять часов мы подняли якорь и пошли проливом, отделяющим остров Мадуру от Явы; проход весьма узкий, местами имеет не более пяти-шести верст в ширину. По обеим сторонам его тянулась низменная, по-видимому, болотистая местность, поросшая пальмовыми лесами. Выйдя затем в Яванское море и завернув к западу, мы весь день держались на незначительном расстоянии от побережья, ясно видневшегося с его деревнями и горами. В открытом море было значительно свежее, чем в Сурабае, и на палубе, где дул легкий встречный ветерок, жара даже совсем не давала себя чувствовать, но зато в каютах было нестерпимо душно.

За завтраком С. старался завести разговор с капитаном-голландцем, но все его попытки долго оставались тщетными; повторенный им

Канал в Сурабае.

раз десять на разные лады какой-то пустяшный вопрос о том, на какое судно мы спустили пассажира, никак не мог быть понятым нашим командиром, ломаным французским языком только повторявшим за С. слова: «Пассажир?... Судно?...» Весь стол, за которым, кроме нас, сидело еще семеро наших спутников, молча внимал сему интересному диалогу. Только когда С., наконец, обратился к своему собеседнику по-английски, разговор несколько оживился, хотя даже и на этом языке его лингвистические познания были весьма слабые.

Deshabillé* едущих на «Ван Димене» голландцев и голландок достиг крайних пределов, так что в сравнении с ними утренние костюмы англичан на пароходах «П. и О. К°» кажутся верхом нарядности. Все мужчины и дамы ходят до обеда босиком в одних туфлях, легких полотняных кофточках, и одни — в *саронгах*, а другие в пиджамах; мужчины, кроме того, большую часть дня спят на палубе, вскинув вверх босые ноги.

Вторник 2 марта, пароход «Ван Димен». — В два часа ночи мы бросили якорь напротив Семаранга — одного из трех главных коммерческих центров Явы и средоточия вывозной торговли нескольких наиболее населенных и плодоносных провинций острова. Предметы вывоза составляют преимущественно чай, сахар, кофе, индиго и табак. Большое неудобство этого города — полное отсутствие всякого порта, вследствие чего суда

* Небрежность в одежде (*фр.*).

принуждены останавливаться в полутора верстах от берега, а во время западного муссона даже и то бывает часто невозможно. Посредством канала Банджар одни лишь баржи и паровые катера имеют возможность проникнуть до самого Семаранга. Последний, кроме каналов, обильно снабжен различными другими путями сообщений: железными дорогами, паровыми трамваями, береговыми пароходами и др., посредством которых он соединен с важнейшими пунктами внутри страны. Вблизи его выстроена крепость, занятая сильным голландским гарнизоном.

После чая мы спустились на берег и гуляли часа полтора пешком по китайскому *кампонгу* и европейскому кварталу, напоминавшему Батавию своими тенистыми аллеями и красивыми виллами. Сильная жара — 26° R. в тени — принудила нас вернуться на пароход, где дышалось немного легче, хотя и там не было особенно прохладно. Общество наше увеличилось еще семью новыми пассажирами, едущими в Батавию.

«Ван Димен» грузился весь день, так что мы вышли в море только в шесть часов вечера, а в девять прибыли в Пекалонган. Продолжавшаяся и здесь до поздней ночи нагрузка сопровождалась таким шумом и сотрясением всего корпуса нашего маленького судна (2,072 тонны), что не давала нам заснуть, вдобавок духота в каютах достигала крайних пределов во время стоянок. Даже на палубе вечером термометр показывал 24° R., а потому легко себе представить, какова была температура внизу.

Среда 3 марта, пароход «Ван Димен». — Вышедши из Пекалонгана после полуночи, мы до Батавии останавливались еще два раза, а именно: в Тегале от 7 до 10 часов утра и в Черибоне от часу дня до восьми вечера. В обоих городах возобновлялась нагрузка с неизменным шумом и суетою.

В каждом порту к нам садилось множество пассажиров третьего класса всевозможных национальностей: яванцев, малайцев, китайцев, арабов и пр., причем все они отличались между собою крайним разнообразием типов и костюмов. Так, жители Явы, одетые в *сафронги* и с цветными платками на головах, были небольшого роста, коренастые, широкоскулые и плосконосые; рослые, красивые арабы носили длинный белый халат, подпоясанный кушаком, и большие белые или оранжевые чалмы; *сигно* или метисы, хотя имели одинаковые с яванцами *сафронги* и *кабайи*, но разнились от них в цвете кожи и общем телосложении; особенно же выделялись своею своеобразностью желтолицые китайцы: непокрытые их головы ничем не защищались от солнца, а длинные косы у одних висели сзади, у других припрятывались в боковом кармане, одеянием им служили широчайшие синие или белые шаровары и белые полотняные кофточки. Малайцев тоже нетрудно было узнать по их шиньонам с черепаховыми гребнями и по белым юбкам. Вместе взятые, все эти люди составляли замечательно живописные группы и были, кроме того, интересны по различию нравов и обычаев.

Вечером и в полдень арабы-магометане, не обращая внимания на шум и смех окружающей толпы, постилали молитвенные коврики и,

оборачиваясь к востоку, творили свои молитвы, сопровождавшиеся коленопреклонением и разными движениями рук; остальное время дня они спокойно и серьезно сидели, сложа ноги и куря *наргиле*, или, завернувшись в *абу**, предавались сну. Особенно любопытно было наблюдать китайский способ еды риса палочками, которыми они владели удивительно искусно, держа обе в одной руке.

Путешествие со включением пищи в третьем классе из Семаранга в Батавию, длившееся двое суток, стоит очень дешево, т.е. три гульдена, и из Сурабаи в Батавию — шесть гульденов.

Четверг 4 марта, Батавия. — Утром задолго до прихода в Танджунг-Приок весь третий класс заволновался, засуетился, укладываясь и готовясь к высадке на берег. Мужчины, не стесняясь ничьим присутствием, тут же, на открытой палубе, переодевались в чистое белье и платье, стараясь принять щеголеватый вид для приезда в столицу. Более зажиточные китайцы облеклись в черные куртки и круглые черные шляпы котелком — любимый их головной убор.

Из Танджунг-Приока мы направились по железной дороге в Батавию; в одном с нами вагоне ехали двое итальянцев в полной парадной форме: один — командир итальянского военного судна, другой — консул, отправившиеся в Бейтензорг представляться генерал-губернатору. Мы на этот раз остановились в содержавшейся швейцарцем *Grand Hotel de Java*, гостинице во всех отношениях прекрасной: хорошие комнаты, весьма услужливый, любезный хозяин и главное, благодаря повару французу, — отличный стол. Весь день до трех часов лил безостановочно дождь, но нестерпимая духота от этого несколько не уменьшалась. Днем С. ездил с визитом к Бауду и другим знакомым и получил через Прайса большой пакет писем из России. После чая мы катались по городу и заезжали в китайском *кампонге* в различные магазины, но не сошлись с владельцами в ценах, бывших невероятно высокими. Бауд, приезжавший к нам, весьма интересовался подробностями совершенного нами путешествия и много расспрашивал о нем, жену его мы не видали, так как она заболела лихорадкой — этим бичом низменных местностей Явы.

С утра до поздней ночи около веранды наших комнат толпились продавцы-китайцы, предлагавшие разный товар. Я воспользовалась тем, что они провели, так сказать, у нас весь день, чтобы не спеша выторговать многие вещи очень дешево, начав торговаться вскоре после приезда и покончив свои покупки под вечер. Так как я сидела с книгой в руках на балконе, а китайцы тут же рядом на ступенях, то целый почти день можно было бы услышать следующего рода диалог: «*Мем сахиб*», — начинал заискивающим голосом торговец, показывая вазу, — «*ини саамат бай паасу бунгу*». «Это очень красивая ваза». Я, не подымая глаз с книги и делая вид, что несколько не желаю купить предлагае-

* Аба (*араб.*) — праздничное свободное одеяние арабов верблюжей или козьей шерсти.

Водопад около Тосари.

мую вещь: «*Брагнаа харгаа уни?*» («Какая цена?»). Тот назначает, конечно, баснословно дорогую цену. Я: «*Тилампоу мах-хал*» («Слишком дорого»). После этого наступало молчание, прерываемое китайцем, спрашивавшим, сколько я дам, на что я, чтобы показать, насколько мало меня интересовали его товары, отвечала сурово: «*Пигги, пигги!*» («Убейся!»). Собеседник мой уходил, но через несколько времени опять появлялся, и прежний разговор возобновлялся до тех пор, пока мы не сходились в цене.

Пятница 5 марта, Батавия. — Несмотря на то, что последние дни приходилось часто упоминать про погоду, я и теперь не могу умолчать про нее, тем более, что она уже несколько ночей подряд не дает нам спать. С тех пор, как мы спустились с гор, не только днем, но и ночью жара почти нестерпимая и даже в комнатах, невзирая на принимаемые для их охлаждения меры, термометр почти не опускался.

Днем мы побывали в музее, имевшем очень богатую и интересную коллекцию всевозможных произведений Нидерландской Индии, не менее любопытны были модели туземных домов, домашних предметов, судов, лодок и пр. Из музея мы поехали прокатиться по окрестностям Батавии, где по обеим сторонам тенистых аллей выстроены были виллы зажиточных европейцев. Все дома были окружены тщательно содержимыми садами, на гладких газонах которых росли прекрасные деревья, растения и цветы. Многие из них изобиловали самыми отборными представителями яванской и малайской флоры.

Хозяин гостиницы показывал нам сегодня свою большую вольеру с птицами (все природные Яве), особенно красивы были маленькие темно-коричневые зяблики (*Spermestes maja*) с белыми головками и глотками, оперенье которых своею гладкостью напоминало бархат. Я видела также на веранде у одного господина, живущего в гостинице, прелестных воробьев (*Padda oryzivora*), совершенно белых с розовыми толстыми клювами, привезенных им из Японии.

Суббота 6 марта, пароход «Ван Димен», Яванское море. — Едучи по железной дороге в Танджунг-Приок, мы познакомились с одним англичанином, оказавшимся будущим нашим спутником до Коломбо. Из последующих с ним разговоров мы узнали, что он жил тридцать лет в Китае, где был знаком с Гордоном, а также соотечественником своим Хардом, находившимся на китайской службе. Последний был послан в качестве посла для переговоров с правительством Индии относительно каких-то пограничных вопросов. Он проехал из Пекина через Тибет, прибыв в Дарджилинг* в то время, когда мы там были в 1891 году, и, по словам нашего нового знакомого, вернувшегося лишь несколько недель тому назад оттуда, по сих пор еще живет в Дарджилинге, так как китайское и английское правительства не успели за все эти года прийти к соглашению.

В восемь с половиною часов утра мы были на «Ван Димене» и вскоре после вышли в море; погода продолжала быть жаркой, хотя несколько менее, чем на берегу. Между пятнадцатью пассажирами первого класса по обыкновению были представители всех наций мира: трое, кроме нас, русских, богатый чайный торговец с женой и свояченицей — француз, англичанин, итальянец, китаец, сын капитана Батавского *кампонга*, голландский католический архиепископ, немецкий ученый Йенского университета и др.

Воскресенье 7 марта, пароход «Ван Димен». — Рано поутру мы вошли в Банкский пролив и к одиннадцати часам пришли в Мунток, где высадили пассажиров, сдали почту и приняли груз олова, добываемого из местных весьма богатых рудников. Последние разрабатываются колониальным правительством, употребляющим исключительно китайских рабочих, которые в этом деле, как и во всяком, требующем кропотливого труда, оказываются пригоднее многих других. «Сыновья Небесного царства» приезжают сюда из Гонконга на 5-6 лет и затем возвращаются на родину; на нашем пароходе весь третий класс был переполнен таковыми, выслужившими свой срок и уезжающими в Китай. Здежнее олово вывозится в значительном количестве в Европу, где оно известно под названием банкского. На острове Линга находятся также копи, принадлежащие частным владельцам, одна из наших спутниц, отправлявшаяся туда, говорила, что она — единственная европейская дама на всем острове.

* Небольшой городок на востоке Индии у границ Непала и Бутана.

Глава XII

Понедельник 8 марта, Сингапур. — В Риау около семи часов утра повторилась вчерашняя процедура высадки пассажиров и пр., после чего «Ван Димен» пошел многочисленными островами, окружавшими вход в Сингапур, куда он прибыл в час дня, пройдя недалеко от стоящего на рейде «Адмирала Корнилова». С пристани мы поехали в контору «П. и О. К°». осведомиться о времени прихода и ухода парохода в Коломбо, той же «Рохиллы», на которой мы пришли из Цейлона, а также — о каютах на «Гималае». На последней для нас оставлено хорошее помещение на третьей палубе, где каюты хотя и поместительны, но зато и проветриваются меньше. «Рохиллу» ждут завтра, а так как она уйдет отсюда только в среду, то в нашем распоряжении достаточно времени, чтобы покончить здесь все дела и покупки.

У Литла мы получили целую кипу писем из России и узнали, что заказанные мною в здешнем ботаническом саду для вывоза в Россию растения уже получены агентством и будут своевременно сданы на «Рохиллу».

Мы остановились опять в *Hotel d'Europe*, где в первый раз за много дней вздохнули свободно: жара благодаря дувшему с моря ветерку, казалась в сравнении с Явой совсем умеренной. С. был у Выводцевых, живших временно в гостинице, так как аренда их дома недавно кончилась, а в апреле они уезжают на пять месяцев в Россию.

Пристрастившись с некоторыми пор к птицам, я всюду тщетно искала продавцов, где бы можно было приобрести более редкие породы, природные Малайскому архипелагу; продолжая свои розыски и здесь, я наконец нашла в китайском *кампонге* малайца, торговавшего не только пернатыми, которых у него был громадный выбор, но и всевозможными животными: тиграми, обезьянами, медведями и др. Придя к нему, мы увидали на большом дворе под навесами до двадцати штук *кака-туа**: розовых (*Psittacus moluccensis*), белых с желтыми хохлами и совсем

* Какаду.

белых (*Psittacus sulfurens* и *P. leucolophus*), тридцать или более настоящих лори* (*Psittacus domicella* и *P. lory*), попугаев среднего роста, самого прелестного оперенья, в состав которого входили ярко-красные, фиолетовые, голубые, черные, желтые и зеленые перья. Кроме этого, сидели на шестах ярко-зеленые большие попугаи и таковые же маленькие, ростом не больше канарейки, с совершенно правильным кроваво-красным пятном на глотке (*Psittacus galgulus*). Все эти птицы вывозятся преимущественно с островов Борнео и Суматра.

Мы купили двух какатуа, розового и белого, двух лори и трех крошечных зеленых попугаев, заплатив за всех тридцать долларов, т.е. сорок рублей, тогда как в Европе каждый из них стоит от 40 до 70 рублей. Один из лори был совсем ручной, а розовый какатуа не менее его охотно садился на руку и, кроме того, хорошо говорил.

Среда 10 марта, пароход «Рохилла», Малаккский пролив. — Вчера мы гуляли пешком по городу, затем, побывав у Выводцевых, где застали офицеров с «Адмирала Корнилова», пришедшего из Средиземного моря и идущего в Китай, отправились в ботанический сад. Встретившись там снова с Выводцевыми, мы с ними поехали во дворец султана Джохорского, который нам, впрочем, за отсутствием управляющего, не удалось осмотреть. Сам султан недавно уехал в Европу. Вечер мы вместе с командиром «Корнилова» провели у консула.

Сегодня, завершив свои дела, мы к двенадцати часам прибыли на «Рохиллу», где были встречены особенно радушно капитаном и офицерами, которые, узнав о нашем приезде, немедленно пришли поздравиться. Нам до того надоела плохая пища, которой нас угощали в течение шести недель яванские гостиницы и пароходы, что, найдя в Сингапуре не лучший стол, мы нарочно приехали рано на «Рохиллу», чтобы позавтракать.

Между немногочисленными нашими спутниками находились английский майор Л. с женой и ребенком; отправившись из Англии с намерением объехать вокруг света, они, доехав до Японии, застали там такую холодную погоду (всюду лежал снег), что побоялись продолжать путешествие и теперь направлялись в Индию. По словам капитана, в день их отхода из Шанхая ночью был мороз, факт тем более удивительный, что здесь стоит тропическая жара. Впрочем, по выходе в море в четыре часа дня воздух стал много свежее, а ночью было даже совсем прохладно. Кроме Л., с нами едет с двумя детьми одна дама, только что овдовевшая и возвращавшаяся в Англию, откуда она выехала с мужем только четыре месяца тому назад.

Пятница 12 марта, пароход «Рохилла». — Вчера весь день мы шли Малаккским проливом, снова повеявшим на нас знакомым удушливым ветром, но зато море было совершенно тихое, и плавание, несмотря на жару, в высшей степени приятно.

* Кистезычный попугай

Сегодня мы тотчас после прихода «Рохиллы» в восьмом часу в Пенанг спустились на берег и, наняв экипаж, велели везти себя на Government Hill*, с которой, как говорили, имеется великолепный вид на все окрестности. Но, довезя нас до ботанического сада, откуда шла прямая дорога в гору, наш возница остановился и объявил, что дальше принято подниматься пешком. Не отдавая себе ясного отчета в расстоянии, мы последовали указанию кучера и, слезши, стали взбираться вверх. Дорога была настолько крута, что нам пришлось не идти, а карабкаться по ней; трудность пути еще увеличивалась тем, что, не затененный деревьями, он немилосердно накаливался палящими лучами солнца, на котором было не мене 60° R. Все это вместе так подействовало на нас, что я не помню, чтобы нам когда-либо было так жарко, как во время этой прогулки.

Пройдя таким образом три с половиною версты, мы остановились для отдыха в беседке, откуда обширной панорамой расстился весь остров Пенанг, его рейд и море. Рассудив затем, что нам не хватило бы ни сил, ни времени, так как «Рохилла» отходила в час дня, чтобы добраться до вершины, докуда оставалось еще более четырех верст, мы пустились в обратный путь и вернулись к завтраку на пароход, вышедший из гавани аккуратно в назначенный час.

Суббота 13 марта, Индийский океан. — Миновав северную оконечность Суматры и пройдя между островами Пуло-Брас и Пуло-Уэй**, мы часов в десять утра вышли в Индийский океан, где встретили сильную мертвую зыбь, идущую с юга и сопровождавшуюся довольно свежей погодой, вследствие дующего с запада ветра. Качка, длившаяся весь день, подействовала довольно пагубно на многих пассажиров, но, к счастью, не на С. и меня. Капитан в виде утешения говорил, что такая погода обычное здесь явление в это время года и будет продолжаться до Коломбо.

Мои птицы доставляют мне неистощимый запас развлечений; капитан любезно заказал судовому столяру стойку, на которой маленький лори Кинг сидит целый день около моего кресла, посвистывая и забавляясь разными игрушками, Рауа же с утра до вечера распевает свои красивые песни.

Вторник 16 марта, Маунт-Лавиния, Цейлон. — Вчера и третьего дня качка не прекращалась. В воскресенье показались издали идущие из России во Владивосток две наши миноноски с конвоирующим их пароходом. Сегодня с пяти часов утра обнаружился Цейлон, а в восемь часов «Рохилла» стала погибать вокруг острова к северу; зыбь и северо-западный ветер еще более усилились, а температура понизилась до 22° R. в тени. На выделявшихся все яснее берегах вскоре можно было разглядеть Гал*** с возвышавшимся позади него Адамовым пиком. На пароходе все засуетились, укладываясь и готовясь к переходу, кто на «Гималяу», кто на «Хедив», идущий прямо в Лондон, не заходя в Бриндизи;

* Гора Гювернмент-Хилл.

** Брёэх и Ве.

*** Галле.

Дорога из Маланга в Тосари.

немногие должны были высадиться в Коломбо, а еще меньшее число продолжало путешествие на «Рохилле» в Бомбей.

В три часа мы подошли к гавани, где уже стояли три парохода «П. и О. К°»: «Гималая», «Хедив» и еще какой-то, а четвертый — «Сутледж» — выходил нам навстречу, направляясь в Сингапур. Когда час спустя «Рохилла» отдала якорь недалеко от пристани, мы, наняв шлюпку, отправились на «Гималаю», где не застав офицера, заведывающего каютами, а потому ничего не узнав о них, поехали на берег. Там С. пошел получать письма, а я зашла в контору «П. и О. К°» осведомиться о времени выхода в море «Гималаи». Встретившись затем с С., мы вдвоем поспешили на станцию, надеясь захватить шестичасовой поезд в Кэнди*, но, к сожалению, опоздали на несколько секунд. Решившись тогда ехать в Маунт-Лавинию, мы снова торопливо направились к другой станции, откуда уходил наш поезд, двинувшийся едва только мы успели занять в нем места.

Маунт-Лавиния — маленькое местечко в тридцати минутах езды от Коломбо; здесь прежний генерал-губернатор Цейлона, испросив позволение выстроить себе дворец и не дождавшись разрешения, начал на свой страх постройку; когда же она близилась к концу, из Англии по-

* Канди.

лучился неблагоприятный ответ — колониальное правительство отклонило просьбу генерал-губернатора, и пришлось начатое строение продать. Акционерное общество воспользовалось столь удобным случаем и купило довольно дешево недоконченное здание, устроив в нем гостиницу во всех отношениях отличную. Громадные размеры, обширность и высота комнат, многочисленные балконы, прекрасное местоположение на мысу, омываемом с трех сторон Индийским океаном, придают особенную прелесть пребыванию в ней. Многие приезжают сюда из других местностей острова, дабы подышать, хотя бы в течение лишь нескольких дней, здешним прохладным здоровым воздухом.

Перед обедом я наслаждалась купаньем в море, вода которого была удивительно приятна и освежительна. С. встретился с нашими знакомыми с «Гималаи» сэром Г. и леди Смит и доктором Холмби, поселившимися здесь в ожидании отхода парохода. Мы легли рано, намереваясь ехать с утренним поездом в Кэнди.

Четверг 18 марта, пароход «Гималай». — Сильная головная боль, продолжавшая меня вчера до вечера в кровати, принудила нас отказаться от поездки в Кэнди и остаться весь день в Маунт-Лавинии, откуда мы вернулись сегодня в одиннадцать часов утра в Коломбо. Побывав в кое-каких магазинах и, между прочим, в ювелирном, где после долгих споров я выторговала несколько недурных драгоценных камней, мы, проходя мимо конторы «П. и О. К°», неожиданно столкнулись со старым нашим приятелем капитаном Бэрретом с «Бенгалия», парохода, доставившего нас из Бриндизи в Бомбей, а оттуда в Цейлон. Расставшись с нами в 1891 году в Коломбо и встретившись после двух лет опять в том же городе, он вообразил себе, что мы за все это время не покидали острова.

Приехав на пристань около часу дня одновременно с капитаном Орманом, он любезно предложил нам место на своем паровом катере и довез нас сначала на «Рохиллу», где С. нужно было закончить дела с Джоном, возвращавшимся на этом пароходе в Бомбей.

«Гималай» переполнена пассажирами, которых в первом классе 210, а во втором до 150. Каюты почти все заняты, и некоторые пассажиры помещены даже в лазарет. Несмотря на тесноту, нам предстоит в Адене принять еще семьдесят пять путешественников из Бомбея. Мне отвели отличную, очень просторную трехкоечную каюту на главной палубе. Единственным ее неудобством было расположение ее на левом борте, нагреваемом целый день солнцем, тогда как правый освежается дуящим в это время года северо-западным ветром. У С. оказалась очень плохая двухкоечная каюта в середине судна, освещаемая и вентилируемая сверху.

Выйдя из Коломбо в пять часов вечера, мы встретили небольшую зыбь, сопровождавшуюся легким северным ветром, пароход стало немного покачивать. С нами едут прежние наши спутники сэр Г. и леди Смит, доктор Холмби, г-н Ерби с женой и братом, пришедшим на «Ги-

малае» из Австралии; нам и нашим спутникам так же как и в прежний переход, дали в кают-компании отдельный стол.

Пятница 19 марта, пароход «Гималай». — Ночью благодаря встречному ветру у меня в каюте было совсем прохладно; С. же жаловался на невозможную духоту своей. Продолжавшийся тоже днем ветер благоприятно повлиял на температуру, так что в полдень было не более 23° R. в тени, вода же была на один градус теплее. «Гималай» ввиду того, что в Адене нам предстояло дожидаться пароход из Бомбея, шла уменьшенным ходом, т.е. около 13 узлов в час. Старший инженер очень жаловался на это замедление, уверяя, что оно вредно действует на машину.

Большинство пассажиров I класса состояло из австралийцев, постоянно встречаемых на этой линии, людей всевозможных слоев общества, разбогатевших в колониях. Пароход был так переполнен, что днем, когда на палубы расставлялись все кресла, почти не оставалось свободного прохода между ними, и С., пересчитав пассажиров на палубе, расчел, что более половины всего числа оставалось у себя в каютах или на нижних палубах.

Сегодня слегка покачивало; С. играл в шахматы с капитаном и доктором X.; я занималась птицами, кроме наших птиц, на пароходе имеется еще около тридцати попугаев, зябликов и других пород, затем две обезьяны и несколько собак. Все они помещаются около каюты мясника, имеющей вид мясной лавки. Надзор за ними поручен мяснику. Утром по случаю Страстной пятницы в кают-компании была протестантская служба. Вечером же в рубке устроился концерт из любителей: некоторые пели, другие играли на фортепиано, а одна дама что-то декламировала весьма трагически.

Суббота 20 марта, пароход «Гималай». — С. спал на палубе и остался очень доволен свежестью ночи после жаркого дня. Температура в полдень 23 R. в тени; ход парохода за сутки 331 узел.

Зайдя к мяснику посмотреть своих какатуа, я с ним разговорила. Он заведует отпуском всей провизии и выдает по требованию поваров и буфетчиков мясо, зелень, молоко, масло, рыбу, фрукты и проч. В сутки выходит от 5-6 пудов мяса, около ста кур и остальной провизии в соответствующей пропорции. Мясо сохраняется замороженным целыми тушами. До употребления его приходится вывешивать на палубе в течение двух с половиною суток, чтобы оно несколько оттаяло и даже после того, как мне показал мясник, трудно его разрубить на части.

Воскресенье 21 марта, пароход «Гималай». — Сегодня праздновали протестантскую Пасху; по этому случаю два едущих с нами пастора устроили богослужение — сначала в восемь часов утра с причастием Св. Таинства*, и затем в 11 часов утра. В промежутке времени между этими двумя службами капитан произвел смотр команде и прислуге, выстроенным на верхней палубе в парадной форме. К утреннему завтраку, вероятно, по заимствованному от нас обычаю, поданы были яйца, окрашенные в зеленый, коричневый и красный цвет**.

Утром, когда я читала, сидя на палубе, подошла ко мне незнакомая дама, фамилия которой оказалась M-rs Kelly, и спросив, понимаю ли я по-английски, пригласила меня к четырем часам на чашку чая. Я была так удивлена, что не нашла сразу предлога для отказа и приняла приглашение. У многих пассажиров, едущих из Австралии в Англию, существует обычай перевозить с собой свой чайный сервиз, чай, печенье и угощать своих знакомых afternoon tea***.

Д-р Холмби объясняет эту выходку M-rs Kelly желанием ее похвастаться, что она пила чай с русской княгиней. Она старалась поймать также и С., но, предупрежденному мной, ему удалось избежать встречи с ней. Хотя предстоящее угощение казалось мне очень скучным, но, не имея возможности, не будучи неучливой, отделаться от него, к четырем часам я отправилась в столовую, где застала уже целую компанию. Вопреки моим опасениям, я провела с ними время довольно приятно, так как узнав, что M-rs Kelly — жена профессора города Сидней, а сопровождающий ее знакомый — доктор — и что они везут своих детей в Англию на воспитание, я навела разговор на состояние образования в Австралии. Мои собеседники сообщили мне, что хотя в их стране име-

* Таинство — обряд, которым сообщается верующим «благодать Божья». Католическая и православная церкви признают семь таинств, протестанты — только крещение и причастие.

** Обычай красить пасхальные яйца существует не только в православии.

*** Чай, который в Англии принято пить в пять часов пополудни.

ются первоклассные по организации учебные заведения, но что вследствие слишком смешанного состава учащихся нравственная сторона воспитания неудовлетворительна.

Вечером во втором классе говорил проповедь сын известного, ныне умершего, проповедника баптистской секты — Сперджен (Spurgeon); при этом происходило пение всеми присутствующими духовных гимнов. На меня это собрание не произвело благоприятного впечатления: проповедник был слишком фанатически настроен и в излагаемых им взглядах отличался узкостью и односторонностью.

Понедельник 22 марта, пароход «Гималая». — Вчера и сегодня на палубе, благодаря сильному ветру, было совсем прохладно — от 20 до 22° R. в тени, но зато в каютах стояла нестерпимая духота и даже ночью в них температура не падала. Легкая качка продолжалась в течение двух последних дней, но, по-видимому, никто от нее не страдал. В полдень производилась пожарная тревога, а по окончании ее, когда все успокоилось, одинаково неожиданно по тревоге капитан скомандовал спустить шлюпки на воду. Приказание это было также быстро исполнено, как и первое, причем всего более работали и прежде всех прибежали английские матросы. Вечером на палубе давался бал.

Среда 24 марта, пароход «Гималая», Аравийское море. — Головная боль заставила меня пролежать весь вчерашний день в каюте. Сегодня рано утром мы прошли остров Сокотра, а в восьмом часу показались берега Африки. Днем капитан мне рассказал про интересное происшествие, бывшее с ним во время стоянки на бомбейском рейде 25 лет тому назад. Находясь на мостике парохода, он увидел плывущую по воде, как ему сначала показалось, большую ньюфаундлендскую собаку, но, посмотрев в зрительную трубу, он разглядел, что это была не собака, а тигр. Капитан немедленно велел спустить шлюпки и с несколькими офицерами, захватив ружья, пустился в погоню за зверем, который между тем, доплыв до находящегося на рейде туземного судна, стал на него карабкаться. Матросы этого судна сбросили его бамбуковыми шестами в море. Увидев приближавшиеся шлюпки, тигр с ревом бросился на переднюю из них, в которой сидел капитан, но, встреченный дружным залпом, был убит наповал и пошел ко дну. Небольшая глубина воды дала возможность его легко достать.

После тиффина* мужчины предавались разным играм на палубе и между прочим tug of war**, т.е. разделившись на две равные партии, тянулись за канат; с одной стороны были волонтеры с их офицерами***,

* Второй завтрак (англ., инд.).

** Перетягивание каната (англ.).

*** Во II классе едут несколько человек австралийцев-волонтеров, отправляющихся в Англию для изучения строевой службы согласно новейшим требованиям, в I классе — командующие ими офицеры. (Примечание О.А. Щербатовой).

с другой пассажиры, выигравшие три раза подряд к крайнему неудовольствию австралийцев, весьма сконфуженных своей неудачей. С. принимал участие в этом состязании со стороны победителей, впрочем, не в первый раз, так как один из австралийцев говорил, что слышал, как С. способствовал победе своей стороны в прежнее плавание на «Баллаарате». В это время у меня была партия халмы с капитаном в его каюте. С. потом присоединился к нам, и капитан угостил нас чаем.

Программа увеселений нынешнего дня не ограничилась этим и вечером давались довольно удачно живые картины. Мы с С., придя на представление, скромно уселись сзади, но член комитета по устройству развлечений, по наущению капитана, так просил, умолял и настаивал на том, чтобы мы заняли места в передних рядах, что мне пришлось подчиниться его требованию и пересесть вперед на отдельный стул; С. же положительно отказался и остался на своем месте.

Четверг 25 марта, Аден. — Вследствие беспокойной ночи у меня опять болела голова; духота в каюте была невозможная, и я жалела, что не решилась по совету С. спать на палубе. На «Гималае» для дам на ночь отведены рубка и передняя часть левой палубы, совершенно в стороне от всего остального судна. В восемь часов утра мы пришли в Аден. Пароход «Сиам» того же общества с пассажирами и почтой, которых мы должны принять, ожидается вечером; в одиннадцать часов пришел «Хедив», вышедший одновременно с нами из Коломбо, и стал на рейде рядом с «Гималаем». Мы нашли здесь письма из России, дошедшие сравнительно скоро, т.е. в две с половиной недели.

После тиффина я почувствовала себя лучше, и в три часа мы отправились на берег, где, побывав на телеграфе и зайдя в некоторые из магазинов, поехали кататься. Знакомая нам и раньше уже описанная дорога привела в туземный город, миновав который, мы проехали через ворота в горе, запирающие вход в укрепление.

Несколько далее раскрылся вид на защищенную от моря выдающимся утесом небольшую бухту, песчаное ровное дно которой так и манило выкупаться. Открытое же море за бухтой вследствие сильного ветра бушевало, покрытое белыми барашками, и волны с шумом разбивались о крутые скалы, взбрасывая высоко на воздух пену и брызги. Вернувшись той же дорогой в туземный город, кучер взял влево через длинный высеченный в скале туннель, освещенный фонарями. Этим туннелем соединяются между собой английские форты, охраняющие полуостров. За ним шла узкая лощина, укрепленная со стороны моря рвом и двумя стенами; в ней помещались казармы гарнизона. Отсюда второй туннель вел в другую, гораздо большую долину, тоже обнесенную валом. Укрепления вооружены артиллерией, но нигде не было видно часовых и мы не встретили даже ни одной живой души.

Следуя берегом моря, мы возвратились на пристань другой дорогой.

Вечером станционер* производил опыты с электрическим светом, озаряя различные части бухты настолько светло, что легко было разглядеть самые небольшие предметы. Наученная опытом прошлой ночи, я решилась спать в рубке, в которой можно было расположиться только в одиннадцать часов после того, как погасили огни и прекратилось движение на палубе. Но в этот раз пришлось ждать еще более позднего часа, так как по приходе «Сиамы» происходила пересадка пассажиров и перегрузка почты и багажа. Наконец, я устроилась на матрасе, положенном на полу рядом со многими другими. Благодаря большому люку и окнам со всех сторон в рубке было очень прохладно и приятно. Суэта и беготня на пароходе прекратились только в два часа ночи по выходе в море.

Пятница 26 марта, Красное море. — Весь день дул сильный юго-восточный ветер, разведший волнение, невиданное мной до сих пор в Красном море, последнее покрылось пенящимися гребнями, превратившими его, наперекор его наименования, в белую поверхность. Несмотря на волнение, утром качки не чувствовалось, так как и ветер, и волны были попутные, содействуя даже увеличению хода. Вибрация винта зато была так сильна вследствие усиленной работы машины, что невозможно было писать.

По обыкновению плавания в Красном море благодаря узкости фарватера мы беспрестанно встречали или обгоняли значительное количество судов и по тому, как они зарывались носом в волнах, видно было, насколько море разбушевалось. Впрочем с полудня, когда ветер еще посвежел, даже громадная «Гималая» стала испытывать боковое движение и велено было закрыть на третьей палубе полупортики, так как некоторые из кают успело залить волной. Во время завтрака в кают-компании обдало даже морской водой несколько пассажиров. Между палубами сделалось невыносимо душно, вечером же, когда стихло, сделалось возможным снова все открыть.

Днем была произведена пожарная тревога, затем II класс играл против первого в крикет.

Я опять спала на палубе, воздух был очень приятный и температура не более 20° R.

Суббота 27 марта, Красное море. — В шесть часов вахтенный унтер-офицер разбудил спавших на палубе словами: «Six o'clock, please!» («Шесть часов, пожалуйста!»), тем самым давая знать, что время оканчивать палубы. В каютах и в ванной в сравнении с верхней палубой было невыносимо душно и жарко, и хотя вода в ванной была свежее воздуха, но вследствие свойственной после соленой ванны реакции чувство охлаждения немедленно проходило. Попутный южный ветер не охлаждал температуры, которая дошла до высшего числа градусов

* Предположительно — член экипажа, ведающий электрическим оснащением корабля.

за все плавание, равняясь 27° R. в тени и 55° R. на солнце. Оба bar (буфеты для напитков) первого класса весь день осаждались пассажирами, требующими различных питей для утоления жажды. На пароходе имеется целый длинный список различных напитков, подразделяющихся на short — крепкие и long — прохладительные, причем первым в особенности присваиваются самые удивительные названия, напр.: Corpse Revival, Gin-Slick, John Collins, Pick me up* и т.д.

Во время завтрака, тиффина и обеда только и были слышны возгласы пассажиров, спрашивавших, согласно установленному порядку, карточки для записки требований на питания. Расчет по этим карточкам производится в конце путешествия.

К вечеру ветер усилился и воздух сделался прохладнее, так что никто не спал на палубе; легкая качка не прекращалась до ночи. Нами пройдено за сутки 418 узлов в среднем 17 1/2 узлов в час.

Светлое Христово Воскресенье 28 марта, Красное море. — С. купил в Адене страусовое яйцо, которым и христосовался со мной. За ночь ветер переменялся и стал дуть с севера, температура упала до 15° R. в тени. Такой резкий переход был очень чувствителен, и пассажиры появились на палубе в зимних платьях, в шалих и пледах, защищаясь от ветра в разных уголках, где можно было хотя бы несколько согреться на солнце. Холодная погода вредно повлияла на одного из какатуа, который сегодня околел. Число встречных судов все увеличивается; одновременно бывает в виду до четырех. Суточный ход, несмотря на противный ветер, был в 400 узлов.

Понедельник 29 марта, Суэцкий канал. — Подходя к Суэцу, мы опять любовались горами Африканского берега, красиво окрашенными лучами восходящего солнца; вообще освещение в Суэцкой бухте совершенно исключительное, придающее всему пейзажу какие-то особенно красивые оттенки. В Суэц мы пришли в восемь часов утра и, простояв полтора часа, вошли в канал, через который двигались целый день беспрепятственно, остановленные только раз для пропуска встречного судна. Погода стала еще холоднее, и мы, до сих пор тщательно избегавшие днем на палубе солнца, теперь начали искать места потеплее. В Измаилии и в Порт-Саиде, куда мы пришли в два часа ночи, на наш пароход прибыли еще новые пассажиры, до того его переполнившие, что во II классе многие за неимением коек спали в курильне и столовой. Всех пассажиров на «Гималае» теперь 420 человек, из которых 260 — I класса.

Четверг, 1 апреля. — В Порт-Саиде С. сходил на берег, чтобы отправить депеши и совсем неожиданно получил письма из России. Во вторник термометр упал до 13,5° R. в тени, и мы с сожалением вспоминали о жаре, испытанной в Красном море. В тот же день к вечеру поднялся

* Спиртные напитки, названия которых переводятся как «Воскрешение», «Стамеска», «Джон Коллинз» «Взбодри меня» — крепкий напиток с сахаром, лимонным соком и льдом.

сильный ветер и начало покачивать — явление обыкновенное в негостеприимном Средиземном море, каждый раз угощающим нас бурной погодой. Несмотря на качку, вечером состоялся костюмированный бал на палубе, завешанной тентами и флагами. В темноте мимо нас прошел по направлению к Порт-Саиду пароход того же общества «Австралия». Весь освещенный через полупортики и по палубам электричеством, он производил особенно красивый эффект, выделяясь из общей темени.

В ночь со вторника на среду и весь вчерашний день дул, все усиливаясь, норд-ост, сопровождаемый дождем и шквалами с севера. Море пенилось и палубу обдавало брызгами от набегавших волн. Холод тоже по мере приближения к Европе увеличивался, и солнце, неизменно нас гревшее столь долгое время, теперь скрылось за серыми, хмурыми тучами; температура упала до 12° R. С двух часов ночи и до самого вечера качка продолжала усиливаться, и, отправляясь спать, мы чувствовали себя далеко не хорошо, тем более, что в каютах при запертых полупортиках воздух был тяжел и сперт.

Ночью ветер дул с силой десяти баллов и нас кидало во все стороны. Только сегодня к десяти часам утра буря стала стихать. Мы все утро с С. занимались спешным устройством дорожной клетки для попугаев *лофи*, которых мы решили взять с собой, тогда как какатуа пойдет морем через Англию в Россию, порученный мяснику и нашему комиссионеру в Лондоне.

К полудню стали видны одновременно берега Албании и Италии, а в два с половиной часа дня мы вошли в Бриндизи ровно три месяца по выходе из этого же порта.

Итак, закрывается другая страница из истории наших странствований по дальнему Востоку. Только что оконченное путешествие не менее первого доставило нам приятные впечатления, обогатив нас запасами новых воспоминаний, между которыми выдающимся впечатлением неоспоримо останется виденное нами благосостояние и довольство жителей прекрасной Явы под симпатичным управлением голландцев.

Указатель имён

Адитиатхарма, король Пратхамы, 625 г. н. э.	181	иностранных дел России	117
Албукерк (Албукерки Алфонсу де (1453–1515), португальский мореплаватель, вице-король португальских владений в Индии (1510–1515)	35	Гордон	231
Ами-Лухур (Али-Лухур), правитель	34	Гончаров И. А.	6
Бауд, российский консул в Батавии	104, 106, 111, 115, 121, 127, 229	Дандельс Херман Виллем, маршал Наполеона, генерал-губернатор Нидерландской Индии (1808–1811)	55, 64, 103, 111, 212
Беррингтон, мисс	77	Дарвин, Чарльз	25, 26
Босх (Бос) ван ден, генерал-губернатор	40, 57–60, 65	Дева (Дава) Кусума (Касума), правитель	31, 34, 197
Бурнаби Лаут, резидент	195	Джон, слуга автора	82, 127, 159, 160, 167, 168, 172, 175, 186, 187, 190, 208, 211, 216, 217, 221, 223
Бэррет, капитан	236	Деккер Э. Д.	см. Мультиатули
Верлооп	146–148, 151	Карстенс, гл. инженер железных дорог	138, 154
Вильгельм Фридрих Георгий Людовик	103	Келли (Kelly), мисс	238
Виндзор Ерл, граф Виндзорский	12	Кнаулс	89, 97, 108
Вира Тару Датар, регент	141, 146, 148, 149, 151	Констан, зять французского консула	170
Влагали А. Е.	106, 117	Кок, де, ассистент-резидент	160, 165, 167
Выводцев, российский консул в Сингапуре	93, 94, 232, 233	Кромози	127, 138, 139, 166
Выводцева, жена консула	93, 232, 233	Кун, Ян Питерзон, генерал-губернатор Нидерландской Индии	103
Гирс Н. К., бывший министр		Кусумадилага, секретарь бандунгского регента	139
		Лаутиер	202–207

Леджер	120	Муни) — Будда	177–184
Литл	89, 94	Салтун	77
Магалхас (Magalhaes — <i>порт.</i>) —		Самиан, сунданский князь	35
Магеллан (ок. 1480–1521),		Секуирера (Сикейра), португаль-	
мореплаватель	35	ский путешественник	35
Марсден	32	Серафима, горничная	
Моне (Мани Джон)	113	О.А. Щербатовой	6, 160, 172,
Мультатули	7		174, 208, 225
Нат Касум	33	Смит Гревилл	71
Наполеон (Наполеон Бонапарт)	37	Сперджон, проповедник	239
		Стивенс	77
Норд, английская натуралистка		Суриа Картадиреджа, 1-й	
	117, 135, 218	министр бандунгского регента	
Орман, капитан парохода			146
«Гималаи»	70, 80, 81, 83, 84, 236	Тейсман О.Е., натуралист	119
Пангеран Мангкубуми, брат		Трейб, директор	
Пакубуана II	195	Бейтензоргского ботанического	
Пакубуана II (Пакубувоно),		сада	116, 118, 120, 121, 123–127
император Явы	36	Уоллес А.Р., английский	
Пакубувоно Сенопати,		естествоиспытатель	11, 18
император	206	Фа-Хиан (Фа-сянь), китайский	
Пакунагара, предводитель		буддист-паломник, посетивший	
восстания в 1745 году	206	Суматру в 414 г. н.э.	30
Пами Раден Деманг Сурия		Фергюссон	181, 184, 189
Картадиредба, первый министр		Халбертсма, ассистент-резидент	
Панджи, сын Али-Лухура	34		194
Перрон, французский консул	170	Хард	231
Поло, Марко	35	Хардерс, бандунгский резидент	
Райс, агент Кинк и К	100		138
Раффлз Стемфорд	33, 51, 55–57,	Холмби, доктор	236, 238
	90, 152, 197, 213	Холсман, доктор	71
Реклю	159	Хорсфилд, доктор	141, 142
Ромбург	127	Хордик Пинакер (Hordyk	
С., князь Александр Григорьевич		Рупаскер), генерал-губернатор	
Щербатов (1850–1915)	<i>по всей</i>	Нидерландской Индии	112
	<i>книге</i>	Шульц	100
Са, Франческо де	35	Щербатов А.Г., князь	<i>см. С.</i>
Сак, воин, священник	32, 33	Эндрюс, офицер	73, 74
Сакиа-Муни (Сакья-Муни, Шакья-		Юнгхун	21, 144, 173, 188

Указатель географических названий

Абиссиния	26	Бантам (Бантем)	35, 36, 56
Австралия	12, 14, 16, 44, 70, 81, 237, 238	Батавия (Джакарта)	22, 23, 33, 34, 36, 37, 95, 97–101, 103, 104, 106, 108, 114, 154, 159, 202, 203, 208, 226, 228–230
Австрия	11, 18	Батутулис	118
Адамов пик	234	Батчиана (Бачан), остров	13
Аден	77–80, 237, 240, 242	Бейтензорг (Богор)	33, 56, 104, 108, 110, 111, 114, 117–120, 123, 124, 126, 128, 154, 229
Азия	15, 16, 18, 38	Бекаа	33
Албания	243	Бенгалия	64
Амбойна (Амбон), остров	12	Бенгальский залив	106
Америка	17	Бирма	30
Ангке, река	98	Болонья	69, 71
Англия	см. Великобритания	Большие Антильские острова	107
Аньер, город	107	Бомбей	77, 82, 85, 236, 237
Антверпен	36	Борнео (Калимантан), остров	12, 13, 15–18, 26, 233
Арабский Восток	8	Боробудур	30, 33, 175–179, 181–184, 199
Аравия	31	Брантас, река	21, 207
Аравийское море	80, 239	Бриндизи	69–71, 73, 74, 236, 243
Арджуна, вулкан	21, 209, 218	Бромо, вулкан	208, 211, 215, 218, 220–222
Африка	15, 239	Булак, остров	75
Аче (Атчин)	7, 36	Бутак	220, 222
Баб-эль-Мандебский пролив	78	Бутан	231
Бали, остров	8, 17, 18, 20, 31, 32	Варингин, деревня	223, 224
Бангил	209		
Банда, остров	12, 13, 18, 35		
Банджар	159, 160, 164, 169		
Бандунг	135, 137, 138, 144, 145, 150, 154, 161		
Банка (Бангка), остров	56, 97		
Банкский пролив	97, 231		

- Великобритания 14, 18, 20, 36, 37, 77, 78, 84, 106, 233, 235, 238, 243
 Велтенвреден 102, 103, 108
 Верлатен, остров 107
 Вест-Индия 27, 107, 150, 173
 Видадарен 220, 222
 Виллис, вулкан 207
 Владивосток 234

 Гаага 106, 116
 Галл (Галле) 234
 Галунгунг, вулкан 144, 145
 Гандунг, река 207
 Гандхара 182, 184
 Гамбонг 118
 Гарут 126, 144–147, 151, 159, 161, 165
 Геде, гора 110, 111, 119, 125, 130, 132
 Гоа 82, 175
 Голландия *см.* Нидерланды
 Гонконг 231
 Горькие Озера 75
 Губуг-Клакая 223
 Гува-Упас 187, 188
 Гуджарат 33, 189
 Гунтур, вулкан 144, 145

 Даго, водопад 144
 Дальний Восток 66
 Дасар, кратер 21, 220–222, 224
 Дарджилинг 231
 Декан 86
 Делфт 41
 Джакарта *см.* Батавия
 Джабунг 214–217
 Джилоло (Джайлоло), остров 13
 Джокьякарта 37, 51, 57, 191–195, 200, 206
 Джоржтаун 86, 88
 Доброй Надежды, мыс 26, 107
 Дьенг, плато 185–188, 190

 Египет 32, 74
 Европа 14, 17, 37, 42, 59, 64, 90, 97, 173, 194, 231, 233, 243
 Западный Бенгал (Западная Бенгалия) 321
 Зендер-Зе *см.* Дасар
 Зондские острова (Сундские острова) 24
 Зондский пролив (Сундский пролив) 20, 106

 Измаил 75
 Индия 120, 143, 150, 175, 181, 188, 231, 233
 Индийский океан 21, 73, 80, 82, 106, 107, 234, 236
 Индокитай 90
 Исмаилия 75, 242
 Италия 243

 Кави 209, 211, 216
 Кавказ 226
 Каир 75
 Кайман-Брэ (Кайман-Брак), остров 107
 Калайдон, вулкан 145
 Калипучанга 163, 165, 166, 169
 Калимас, река 21
 Кедах 85
 Кедери 61
 Кеду, долина 173
 Киндер-Зе(е) 154, 169, 170
 Китай 26, 35, 66, 81, 90, 120, 144, 231, 233
 Корейский полуостров 66
 Корсика, остров 14
 Кракатау, вулкан 106–108
 Красное море 32, 73, 75, 76, 78, 241–243
 Куба, остров 15
 Кутоараджо 172
 Кэнди (Канди) 235, 236

 Лаву, вулкан 21, 207
 Лелес, жел.-дор. станция 145
 Лембанг 139, 144

Ливунг (Чиливунг), река	98, 100	54, 56, 58, 65, 66	
Линг, остров	231	Нидерландская Индия	<i>по всей</i>
Лондон	69, 243		<i>книге</i>
Лоро Джонграм, храм	197	Никобарские острова	117
Люксембург	200	Нил, река	75
		Ниль-гири	143
Магеланг	144, 150, 171, 172,	Новая Британия	13
174–176, 185, 187, 190–192, 210		Новая Гвинея, остров	12, 13, 16
Мадиун	61, 207	Новая Ирландия	13
Маджапахит	34, 153	Нусакамбанган, остров	170
Мадрасс	57	Нювара-Элиа	<i>см. Цейлон</i>
Мадуро, остров	20, 31, 53, 208, 218		
Мадурский пролив	<i>см. Трехтер</i>	Острова Пряностей	35
Мадагаскар, остров	15	Ост-Индия	57
Маланг	208, 211, 214, 215, 218,	Павон	181
219, 223–226, 235		Паджаджаран	34
Малайский (Малаккский)		Пакараман	187
полуостров	27, 84, 88, 89	Пакистан	182, 183
Малакка	<i>см. Малайский п-ов</i>	Пакуеджо	187, 188
Малайский архипелаг	5, 10, 11,	Палакан	185
15, 18, 30, 32, 35, 38, 90, 94, 96,		Пангтеранг, гора	110, 125
97, 114, 144, 150, 232		Папандаянг, вулкан	154, 156–158
Малаккский пролив	84–86, 88, 233	Париж	8
Моленвлит	102	Пекалонган	228
Молуккские острова	13, 18, 37	Пекин	231
Манонджаи	161, 163	Пенангунган	209, 218
Маунт-Лавиния	82, 234–236	Пенанг (Пинанг), остров	85–87,
Мегамендунг, горный хребет	130	234	
Мексика	15	Персидский залив	35
Мендуг	176, 177–181	Перадения	125
Мерапи, вулкан	173, 175	Перим, остров	78
Мербабу, вулкан	173, 175	Петербург (Санкт-Петербург)	6
Минангкабау	181	Пешавар	182, 183
Мистер-Корнелис	202	Порт-Саид	73, 74, 242, 243
Монголия	66	Прамбанан	31, 181, 194, 197–201
Морти (Моротай), остров	13	Праху	187
Московская губерния (Москва)	6, 226	Преангер (Приангар)	56, 57, 65,
Мунток, город	97, 231	130	
		Проболинго	150, 217, 218
Непал	231	Прого, река	176, 191
Нгадас, деревня	221, 223, 224	Пуло-Брасс, остров	84, 234
Нгадиреджо	185, 186, 190	Пуло-Уэй, остров	84, 234
Нидерланды	28, 30, 36–38, 42, 43,	Пурвореджо	172, 175
		Раун, вулкан	21

Риау, город	96, 232	Танджунг-Пагар	89
Риау, острова	96	Танджунг-Приок	98, 99, 229, 231
Россия	6, 7, 10, 69, 84, 93, 211, 229, 232, 234, 240, 242, 243	Танкубан-Прау, вулкан	137, 141
		Тасикмалая	111, 138, 154, 159–161, 163
Салак, вулкан	110, 111, 114	Тваринги, остров	107
Самарская губерния	6	Тегал	228
Сандалвуд (Сумба), остров	139	Телухббетунг (Телукбетунг)	107
Сапурегел, река	170	Теманггунг	185
Саравак	117	Тенггер, вулкан	21, 211, 215–219, 221–223
Сардиния, остров	14	Тибет	230, 231
Себери, остров	107	Тидар, гора	191
Сегара-Анакан	170	Тидор (Тидоре), остров	13
Семаранг	36, 226–228	Тимор, остров	12–14, 139
Семерд, вулкан	21, 209, 210	Тифлис	225, 226
Сиам	15, 30, 94	Тосари	215–219, 223, 225, 230, 235
Сидней	238	Трехтер, пролив	208
Сингапур	44, 81, 82, 88–91, 93, 94, 97, 226, 232, 233, 235	Тумпанг, город	223, 224
Сингасари	31, 210, 211, 212, 214	Турция	167
Синданглая	128, 131, 135, 138, 154		
Синдоро, вулкан	23, 173, 175, 186	Уеллеслей (Уэлсли)	85
Сокотра, остров	239	Утакамунда	143
Соло, река	22		
Соло, город	см. Суракарта	Филиппины (Филиппинские острова)	12, 13, 35
Соломошкие (Соломоновы) острова	13	Франция	11, 37
Средиземное море	75, 233, 243		
Суматра, остров	7, 12, 13, 15, 16, 26, 30, 36, 56, 67, 84, 86, 88, 107, 181, 233, 234	Целебес (Сулавеси), остров	12, 13, 16, 17, 67
Сумбинг (Сламет), вулкан	21, 172, 175	Цейлон	76, 81, 82, 114, 120, 150, 175, 219, 232, 234, 236
Сунд	56	Чакра-Бувана	160
Сундский пролив	см. Зондский пролив	Черибон (Чиребон), провинция	21, 228
Сундские острова	см. Зондские острова	Чиави	160
Сурабая	20, 22, 172, 207, 208, 218, 225, 226, 228	Чианджур	136, 144
Суракарта	36, 51, 57, 172, 191–193, 197, 200, 202–207	Чибату	138, 145, 154, 159, 160, 171
Суэц	75, 88, 242	Чибодас	119, 125, 132
		Чибурум, водопад	132
		Чидани, река	110, 111
Тампат-Мандет	224	Чилачап	111, 126, 154, 159, 165, 166, 168, 170, 171

Чиливунг, река	111, 112, 118, 125	Эрзерум	225
Чипанас	131		
Чикиданг	160	Юкатан, полуостров	15
Чипеундеви	160	Юкатанский пролив	15
Чисерупан	155, 158, 159		
Чисокан	136	Ява, остров	<i>по всей книге</i>
Читарум	22, 137	Яванское море	20, 21, 226
		Ямайка	117
Шанхай	233	Япония	26, 66, 90, 233

Перечень и перевод малайских слов

Адипати, титул высшего туземного сословия.
Аланг-аланг, высокая трава.
Алун-алун, площади перед дворцами, пасанграханами и резиденциями.
Анг'абей, титул высшего туземного сословия.
Аренг (*arenga saccharifera*), пальма.
Баджу, часть малайского одеяния женщин, кофточка.
Бананг, музыкальный инструмент.
Батик, крашеное полотно, из которого делают лучшие сорта саронг.
Баху, мера длины, 1 баху = 1/2 десятины = 0,71 га.
Бедойо, женщина-танцовщица.
Бупати, титул высшего туземного сословия.
Вазир, помощник регента.
Варингин (*Ficus sycomorus*), дерево породы фиговых.
Ваянг, яванские марионетки.
Ваянг-оранг, туземные актеры.
Ведана, туземный начальник, управляющий уездом.
Гамбонг кайу, музыкальный инструмент.
Гамеланг, туземный оркестр.
Гарду, сторожевые дома.
Глага, разновидность тростника.
Гунунг, гора.
Даланг, руководитель представлений топенг и ваянг.
Деманг, титул среднего туземного сословия.
Деса, деревня.
Джакса, секретарь регента по судебным делам.
Джамбоа, гранатовая яблоня или яблоко (*Psidium guava*).
Джаран, лошадь.
Джати, тиковое дерево (*Tecoma grandis*).
Кабайя, шарф, часть малайского одеяния.
Кампонг, туземные кварталы в городах.

Канари, дерево (*Canarium commune*).
Кратон, дворец сусухунана или султана.
Крис, кинжал.
Кромо, музыкальный инструмент.
Лурах, сельский староста.
Мангис, дерево и плод (*garcinia mangostinae*).
Мантри, туземный начальник, управляющий участком.
Мендопо, большая открытая зала.
Нангка, дерево (*Artocarpus integrifolia*).
Ненданг, музыкальный инструмент.
Нипа, пальма.
Нуза, остров.
Пайунг, туземный почетный зонтик.
Панггеран, титул высшего дворянского сословия.
Панджи, имя яванского исторического героя.
Пасанграхан, почтовый дом.
Пасар, базар.
Пати, старший помощник ведана.
Пемакак, лиф туземных танцовщиц.
Пиккуль, мера тяжести, 1 пиккуль = 3 пудам 29 фунт = 67,8 кг.
Помело, плод (*Citrus decumana*).
Прау, лодка.
Рава, болото.
Раден, титул дворянского сословия.
Рамбутан (*perhelium lappaceum*) дерево и плод.
Рату, титул жены сусухунана или султана.
Ребаб, музыкальный инструмент.
Регент, первое туземное должностное лицо в резидентстве, управляющий регентством.
Савах, рисовое поле под орошением.
Саис, конюх.
Саронг, часть туземного одеяния.
Сембонг, шарф танцовщицы.
Сетингел, возвышенное место во время дурбара для сусухунана.
Сигно, метис.
Сримпи, танцовщица.
Сунданец, представитель одного из главных племен, населяющих Яву.
Суриан (*cedrela serulata*), особенная порода цветущего дерева.
Сусухунан, император.
Тапий, часть одеяния танцовщицы бедойо.
Тегал, рисовые поля неорошенные.
Топенг, яванское драматическое представление.
Тумунгунг, титул высшего сословия.
Удат, часть одеяния танцовщицы бедойо.
Чалемпунг, музыкальный инструмент.

Источники

1. *Recollections of a Happy Life* by Marianne North. Sec. ed. London 1892 2 vols.
2. *Life in Java* by W. B. d'Almeida 2 vols, London 1864.
3. *Java, or how to manage a colony* by J. W. B. Money, 2 vols., London 1861.
4. *Voyage en Asie* par Th. Duret, Paris 1874.
5. *West Java, travellers Guide* by Capt. F. Schulze, Batavia 1894.
6. *The Statesman's Year Book* 1892.
7. *Malaysian Essays № 2.* by the Rev. J. E. Tennison-Woods, Sydney.
8. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society.* Singapore 1881.
9. *Eastern Geography* by Prof. A. H. Keane, sec. ed., London 1892.
10. *The Malay Archipelago* by A. R. Wallase, London 1890.
11. *A visit to Java* by B. Worsfold, London 1893.
12. *History of Indian and Eastern Architecture* by J. Fergusson, London 1891.
13. *Nouvelle Geographie Universelle* by E. Reclus; XIV Ocean et terres Oceaniques, Paris 1889.
14. *The History of Java* by Th. Stamford Raffles, 2 vols., London 1817.
15. *The East Indian Archipelago* by Bickmore.
16. *A naturalist's Wandering in the Eastern Archipelago* by E. Forbes.
17. *History of the Indian Archipelago* by Crawford.

Оглавление

Предисловие.....	5	Глава IX.....	168
Глава I.....	11	Глава X.....	197
Глава II.....	20	Глава XI.....	216
Глава III.....	38	Глава XII.....	232
Глава IV.....	55	Указатель имен.....	244
Глава V.....	69	Указатель географических названий.....	246
Глава VI.....	98	Перечень и перевод малайских слов.....	251
Глава VII.....	123	Источники.....	253
Глава VIII.....	135		

О.А. Щербатова

В стране вулканов. Путевые заметки на Яве 1893 года.

Редакция текста, вступительная статья А.Ю. Другов, В.В. Савицкий

Примечания, комментарии, именной указатель А.Ю. Другов, Е.М. Русаков

М.: Минувшее, Архивариус, 2009, 256 стр., ил. / Мир глазами россиян /

Княгиня Ольга Александровна Щербатова (1857–1944) почти двадцать лет своей жизни посвятила путешествиям. Вместе с мужем, князем А.Г. Щербатовым (1850–1915) президентом Императорского московского общества сельского хозяйства, она посетила арабский Восток, Индию, Цейлон, Сингапур, Индонезию, пересекла почти всю Яву. Результатом этих путешествий стали ее уникальные книги.

Книга «В стране вулканов» была издана в 1897 году. Благодаря ей достоянием российских читателей конца XIX века стали многие, ранее неизвестные, сведения о национальном характере, быте, нравах, обычаях людей, населяющих архипелаг и его главный остров – Яву.

Русская княгиня усердно изучала малайский язык и могла общаться, хотя и не без трудностей, с местным населением, что помогло ей еще лучше понять особенности этого удивительного края.

О.А. Щербатова прекрасно владела русским языком и обладала несомненным литературным талантом и ее путевые впечатления вызывают в памяти «Фрегат Паллада» И.А. Гюнчарова, опубликованный несколькими десятилетиями ранее.

При подготовке книги к переизданию полностью сохранен литературный стиль автора, уточнения коснулись только орфографии. Редакцией подготовлен перечень и перевод малайских слов, встречающихся в тексте, указатели имён и географических названий, библиография.

Для востоковедов и всех, кто интересуется историей, культурой и бытом жителей Юго-Восточной Азии.

Мир глазами россиян Юго-Восточная Азия

О.А. Щербатова В СТРАНЕ ВУЛКАНОВ

Путевые заметки на Яве 1893 года

Редактор А.Ю. Другов

Художественное оформление, верстка К.А. Зубченко

Корректор М.Б. Донская

Подписано в печать 25.07.2009.

Формат 60х90/16.

Печ. л. 16.

Заказ №

Тираж 1000 экз.

Лицензия ИД №06244 от 12.11.2001

Издательство «Минувшее»: 117292, Москва, Профсоюзная ул., 12

Тел. (495) 350-59-73, (499) 268-51-29

E-mail: trivek@mail.ru, www.triv.narod.ru

Адрес для переписки: 109387, Москва, Кубанская ул., 22-31

Отпечатано в типографии ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 978-5-902073-69-7

9 785902 073697

«Мир глазами Россиян»

Новая книжная серия

Не опубликованные или не издававшиеся с XVIII — начала XIX веков воспоминания, путевые записки, дневники, исследования российских путешественников, учёных, дипломатов, литераторов, волей судеб получивших возможность своими глазами увидеть далёкие, неведомые страны и рассказать о них российскому читателю.

Их свидетельства демонстрируют весомый вклад россиян в познание других стран и представляют большой интерес для изучения истории России.

В 2007 году вышла первая книга серии:

М. М. Бакунин. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. 432 с., ил.
Книга М. М. Бакунина (1849–1913) вышла в свет в 1902 году и с тех пор не переиздавалась, став подлинной библиографической редкостью. Автор был первым и единственным за всю историю российским гражданином, занимавшим в 1894–1899 гг. должность русского консула при голландской администрации в Батавии (ныне — Джакарта). Записки Бакунина, составленные преимущественно из донесений в МИД России, сочетают непосредственные впечатления с изучением многочисленных работ западноевропейских авторов.

В 2010 году выйдет третья книга:

В. М. Арнольди. По островам Малайского архипелага.

Путевые заметки профессора ботаники Харьковского университета Владимира Митрофановича Арнольди (1871–1924) о его научной командировке в Нидерландскую Индию (ныне — Индонезия) в 1908–1909 гг. вышла в свет в 1911 году и была переиздана всего один раз — в 1923 году.

В. М. Арнольди интересен не только как крупный учёный, основатель российской школы альгологии (науки о водорослях), но и как яркий представитель отечественной интеллигенции конца XIX века, высокий профессионализм которого неотъемлем от дум о судьбах Родины. Его путевые заметки отличаются широтой интересов, объективностью, объёмностью видения и прекрасным слогом.

Наряду с увлекательными биологическими наблюдениями и описанием уникального ботанического сада в Бейтензоре (Богоре), книга содержит много ценного о повседневном быте, культуре, нравах, обычаях и верованиях жителей различных районов Нидерландской Индии.